

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ТИТАРЕНКО Л.Г. Теоретическая социология в современной России: глобальная и национальная перспективы
- 15 ТЕРБОРН Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 21 РЫЖОВА С.В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты
- 33 РОМАШКИНА Г.Ф., ДАВЫДЕНКО В.А., АНДРИАНОВА Е.В. Взаимовлияние компонентов человеческого, социального и психологического капиталов (на примере Тюменской области)

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- 44 МАКАРЕНЦЕВА А.О., КОРЖУК С.В. Возможности профессиональных замещающих семей в деинституционализации сиротства
- 56 ЯНАК А.Л. Концептуализация немодального родительства
- 68 РОЖКО А.А., ГАГАУЗ О.Е. Молдавские семьи с детьми в период пандемии COVID-19: материальное положение и адаптационные стратегии

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

- 76 ГИЛИНСКИЙ Я.И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании
- 85 АЛИКПЕРОВ Х.Д. Причины преступности: опыт критического анализа
- 93 ЖЕГУСОВ Ю.И., КОРЯКИНА З.И. Социальные факторы снижения преступности молодежи в Республике Саха (Якутия)

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 105 ВЕРШИННИНА И.А., ЛЯДОВА А.В. Здоровье в цифровом измерении: «концепция заботы» Д. Лаптон

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 114 ИГНАТЬЕВ В.И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума
-

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 124 ЕЛЬЧАНИНОВ М.С. Эпоха глобальной бифуркации: планетарные проблемы и исторические альтернативы

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 136 АНДРЕЕВ А.Л. Реформатор перед судом истории: образ Петра Великого в коллективной памяти россиян

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 146 ЗАРУБИНА Н.Н., ЛИ ЧЖУНЮАНЬ, РАКОВА К.В. Риски и инновации для научного сообщества в условиях пандемии COVID-19
- 149 РЕШЕТНИКОВ А.В., ПРИСЯЖНАЯ Н.В. Образование в условиях пандемии: векторы цифровой трансформации
- 152 ГРАБЕЛЬНЫХ Т.И., САБЛИНА Н.А., ЗЫРЯНОВ В.В. Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации
- 155 НОСКОВА А.В., БИККИНИНА Д.Д. Причины и последствия депопуляции: заметки о демографической конференции

ЮБИЛЕИ

- 158 Поздравляем Ю.Н. Толстову
- 159 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Травин Д.Я. Почему Россия отстала?* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. **Рец. Б.Н. Миронов;** *Сутерс Дж. Социология и военные исследования. Классические и современные основания* / Пер. с англ. В.В. Белоусова. М.: ВЦИОМ, 2021. **Рец. А.М. Беляев**)

170 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 173 Маркин В.В.

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

Л.Г. ТИТАРЕНКО

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЛОБАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by).

Аннотация. В статье дается краткий обзор и критический анализ теоретических концепций общесоциологического уровня, представленных в постсоветской российской социологии. Её нынешнее состояние и перспективы развития рассмотрены в контексте глобального развития социологии и разработки оригинальных социологических теорий на российской почве. В рамках первого подхода отдельное место отводится проблеме заимствований и подражательства зарубежным теориям среди российских социологов. Показано, что развитие национальных теорий не закрывает возможности опоры на мировые достижения социологии и не означает индигенизацию российской социологии. Приведены точки зрения на общее состояние теоретической социологии и оценки отдельных российских теорий (модернизации, эко-риска, социологии жизни и др.), выделены препятствия их развитию. Определена авторская позиция относительно сочетания глобального и национального в теоретической социологии, общесоциологической и специальной социологических теорий, изучения национальных традиций. Делается вывод об отсутствии перспектив создания новой гранд-теории и возможностях сосуществования многих общих теорий как вероятностные пути развития социологии в России. Подчеркнута необходимость активной позиции российской социологии в теоретическом конструировании.

Ключевые слова: теоретическая социология • глобальная и национальная социология • кризис • теории модернизации • цивилизационный анализ • междисциплинарность • национальное наследие

DOI: 10.31857/S013216250019601-4

Проблема нынешнего состояния и перспектив теоретической социологии в России остается спорной. Хотя ею занимается относительно небольшая горстка ученых, их взгляды могут сильно различаться между собой, вызывая дискуссии [О мировой..., 2021]. Поэтому считаем возможным высказать свою точку зрения по этой проблеме.

Теоретические основания анализа. Поскольку, как подчеркивают некоторые авторы, в дискуссии о теоретической социологии в России необходимо сразу определить понятия [Николаев, 2022], проясним нашу позицию. Мы согласны, что в «текущем обществе» при увеличивающейся структурной нестабильности и конструировании «общества постправды» [Черныш, 2018а: 3] четкое определение содержания понятий обязательно. В данной статье, обсуждая развитие социологической теории, мы понимаем под этим (1) общую социологическую теорию (не специальные теории), (2) конструирование новых теорий или их существенное развитие (не только и не столько адаптацию чужих теорий к российским реалиям), (3) не единую универсальную общую теорию,

а совокупность многих (не противоречащих друг другу в основополагающих принципах) общих теорий. В вопросе о единой или множественных теориях наша позиция следующая. В социологии всегда развивалось много теорий, несмотря на то, что на определенных этапах ее развития (в отдельных странах социологического мейнстрима) могла господствовать одна парадигма/теория (например, теория Парсонса в середине XX в. в США). На классическом этапе социологии параллельно развивались позитивистские (Э. Дюркгейм), антипозитивистские (Г. Тард, М. Вебер), диалектические теории и подходы (К. Маркс). Даже в рамках одной парадигмы теории могли существенно различаться между собой, сохраняя базовые принципы. Доказательством того, что развитие социологии никогда не было монопарадигмальным и что представители разных парадигм, теорий конкурировали друг с другом, служат постоянные споры и конфликты социологов разных направлений. Напомню теоретическое противостояние Вебера и Дюркгейма, дебаты Тарда и Дюркгейма, игнорирование работ Маркса в текстах Вебера и т.д. Сегодня в глобальном сообществе преобладает признание мультипарадигмальности социологии, что позволяет отразить факт дифференцированности глобального общества, наличия в нем фигураций [Eisenstadt, 2000; Arnason, 2003; Wittrock, 2000]. Ш. Айзенштадт, одним из первых предложивший теорию мультимодернов в контексте цивилизационного анализа, считал, что направление социодинамики в принципе нельзя точно предвидеть, так как оно жестко не детерминировано, а зависит от меняющейся констелляции (конкретной конфигурации) социального и культурного порядков [Eisenstadt, 2000]. Современные последователи социологической версии цивилизационного анализа следуют принципам культурной автономии, исторической контингентности и креативности действия [Российское общество..., 2021: 24].

Размышляя о развитии социологической теории в России, мы также имеем в виду оригинальные самостоятельные теории, созданные на российских реалиях, что не исключает использования некоторых общих с западными авторами идей.

Две рамки анализа. Глобальный фрейм. Любая характеристика современной российской социологии предполагает, прежде всего, ее рассмотрение в глобальном контексте. Надо определить, что представляет собой нынешняя социология в мире, какое место в ней отводится России и изменится ли оно, если в российской социологии появятся собственные оригинальные теории. Поэтому кратко о том, что происходит в мировой социологии.

Более 20 лет продолжаются дискуссии по поводу разнообразных теоретических концепций глобализации, которые системно охватывают развитие социума, но при этом направлены на поиск универсальных трендов и моделей, пригодных в той или иной степени для всех стран и зачастую имеющих в основе черты американской или европейской модели. Но, оставаясь в обойме популярных теорий, глобалистские концепции потеряли за последнее время сторонников. Далее, на уровне мировых стандартов провозглашается движение регионов и стран к устойчивому развитию, которое должно уменьшить вопиющее глобальное социальное неравенство и решить проблему бедности в мире. Во фрейме устойчивого развития строятся многие национальные программы (включая Россию), хотя страны могут по-своему определять цели и задачи такого развития. Это направление, видимо, и дальше будет популярным, хотя в сущности никаких конкретных моделей и механизмов продвижения к устойчивому развитию оно не предлагает.

Можно упомянуть о продолжающихся в глобальной социологии исследованиях, подтверждающих кризис или стагнацию старых форм, попытки преодоления этого состояния посредством трансгуманизма, акторно-сетевой теории, феминизма, разработки культуральной социологии, акционизма и других теорий [Delanty, Turner, 2011]. Еще одна важная характеристика современной глобальной социологии – т.н. «повороты». Количество новых «поворотов» в социологии, декларированных в конце XX – начале XXI в. [Урри, 2012; Александер, 2013; Best, Kellner, 1997], столь велико, что непонятно,

остались ли в науке парадигмы и теории, не затронутые этими изменениями. Нет привычных направлений социологической мысли – позитивизм, функционализм, антипозитивизм и т.п. Стало трудно объяснить современные изменения в обществе, используя схемы, разработанные не только в XX, но даже в начале нового века (хотя понятия «модерн», «постмодерн», «постпостмодерн», «постмарксизм» остаются инструментами анализа [Харви, 2021; Bowman, 2007; Sim, 2000]. Характеристики эпохи как турбулентной, неопределенной стали привычными [Joas, 2014; Бауман, 2008].

Несмотря на кризис «большой теории», в западной социологии есть новые теоретические подходы, обобщить и точно определить которые трудно ввиду господства разъединительных линий и того, что большинство новых подходов относятся к «среднему уровню», т.е. касаются отдельных сфер жизнедеятельности. В Германии, например, широко известны концепции Й. Беккерта, созданные в лоне экономической социологии. На уровне теорий среднего уровня западная социология имеет достижения, другого уровня достижений сегодня вряд ли стоит ожидать.

Поэтому если российские социологи будут продолжать попытки прямого или косвенного заимствования западных теорий, вряд ли такой подход принесет ожидаемые результаты и будет способствовать пониманию современных процессов в России (хотя в реальности заимствованные подходы имеют место). Как показывают современные исследования, заимствования даже лучших образцов не могут принести ожидаемых результатов (т.е. не будут созданы теории, которые способны адекватно описывать и объяснять российские реалии, тем более прогнозировать будущее). Чужие идеи легче развивать, когда наблюдается дефицит своих идей. Это осознается как российскими авторами, так и зарубежными, когда они оценивают состояние социологии в России. В.Г. Николаев с сожалением пишет о пересказах, подделках под западные оригиналы, колониальные подражания, имеющих место в определенных российских кругах социологов [Николаев, 2022]. И. Шубрт бескомпромиссно заявляет, что российские социологи, следующие в русле известных (модных, как он пишет) западных теорий, пытаются решать вопросы собственной карьеры, поскольку «подражательные» статьи легче публиковать в международных журналах (получить заветные «хирши»), особенно если там решения принимают авторы, которым подражают. Однако для развития социологической теории в России и роста российской социологии такие действия ничего позитивного не приносят [Шубрт, 2021: 10]. Нельзя не согласиться с Шубртом, что «если бы развитие социологии оценивалось только по западным критериям, российские исследователи обречены играть вторую скрипку, потому что всегда будут приспособляться и подражать заимствованным теоретическим концепциям и исследованиям» [там же: 10]. Известны российские институты, которые оценивают успехи своих научных сотрудников по числу и статусу зарубежных публикаций, количеству западных грантов или иных видов коллабораций. В то же время эти продвинутые на Западе российские авторы мало известны внутри российского социологического сообщества, их вклад в решение актуальных проблем страны и российской социологии может быть несоизмеримо меньше вклада тех, кто публикуется только на родине и работает в рамках тематики, актуальной для своего общества. Более того, как писал О.Н. Яницкий, российские достижения для западной социологии в принципе не нужны и не интересны, поэтому ориентироваться на зарубежное признание как главный критерий собственных достижений не имеет ни научного, ни практического смысла [Яницкий, 2008b].

Итак, если рассматривать российскую теоретическую социологию во фрейме современной глобальной социологии, находящейся в периоде стагнации и поиска теоретических инноваций, необходимо согласиться, что ориентация на западные образцы и критерии не продвинет вперед российскую социологию, наоборот, законсервирует ее «вторичную» позицию, как это бывает с эпигонами и подражателями. Не следует забывать и о том, предостерегает М.Ф. Черныш, что в глобальном развитии науки

(включая социологию) большую роль играют стратегические интересы доминирующих стран, прежде всего США. Эта страна диктует волю и своим ученым, и другим странам: «Превосходство в области науки рассматривается ею как одно из условий её глобального доминирования» [Черныш, 2020: 54].

Остается второй путь – путь самостоятельного развития теорий без постоянной оглядки на западный мейнстрим. Вряд ли этот тезис будет позитивно воспринят представителями «молодых» российских социологов, которые либо учились на Западе, либо проходили там стажировки, получали гранты и в целом сложились как ученые в рамках того или иного западного направления. Между ними и представителями «старших поколений» (50+), социализированными в советских условиях, имеются значительные различия. Хотя среди критериев различия первым обычно называется возраст (и разрыв трактуется как поколенческий), по сути дела, он имеет иную природу. Сегодня в российской социологии в новой версии повторяется противостояние западников и славянофилов, характерное для XIX в. и отразившееся на развитии литературы, философии и социологии в России. Каждая из сторон выдвигает свои аргументы и считает свою позицию правильной. Фрагментация, разделительные линии между ними иногда проявляются наглядно, чаще не выносятся на публику, но вряд ли способствуют появлению новых теоретических достижений. «Молодые» либерально ориентированные социологи, как правило, занимаются интерпретацией зарубежных теорий, их адаптацией в России, либо критикой «консервативных» коллег, а последние продолжают разработку актуальных социальных проблем в русле сложившихся в российском сообществе подходов. Критический крен в таких публикациях так или иначе создает негативный образ страны в международных журналах, не способствуя развитию теоретической социологии, и противоречит национальным интересам.

Обращение к национальной социологии ни в коем случае нельзя понимать как призыв к индигенизации, национализму, изоляционизму. Скорее, это рациональный отказ от абсолютизации зарубежных теорий, стремление к эпистемологическому балансу между заимствованными западными парадигмами знания и оригинальными версиями социологического теоретизирования. Отметим, что внутреннее противостояние в российской социологии чаще артикулируется «молодыми» поколениями, тогда как «старшее» поколение предпочитает не включаться в конфликт, поскольку он вряд ли продвинет вперед национальную социологию.

Много лет в российском научном сообществе дискутируется вопрос о балансе национального и глобального, включая вопрос языка науки. Эта проблема обострилась после того, как оценка продуктивности стала даваться в России на основе международных наукометрических показателей. Старшее поколение социологов, в частности, подчеркивает, что ориентация на приоритетность публикаций в международных журналах в ущерб российским может привести к тому, что российские журналы станут «мусорными», а приоритет англоязычных публикаций приведет к деградации не только национальной науки, но и образования на русском языке [Ученые записки..., 2021: 15–16]. Сохранение национального языка науки – вопрос сохранения менталитета и ценностей. В научном мире, несмотря на засилье английского, в каждой стране живут свои языки – не за счет принижения английского, а исходя из потребностей. Не отказываясь от международных публикаций (и от глобального ракурса), необходимо развивать социологию в стране, публикуя здесь основные результаты исследований и оценивая их по критериям, доступным не только прозападным «продвинутому» авторам, но всем представителям российского социологического сообщества.

Национальный фрейм. Возникает вопрос, имеются ли в настоящее время в российской социологии новаторские теории, модели, общепризнанные хотя бы в своем сообществе. К созданию таких теорий российскими авторами призывал В.А. Ядов. Рассуждая о специфике российских трансформаций, он писал, что российской социологии нужны «субтеории именно российских трансформаций», правда, опирающиеся

на «общую грандтеорию» [Ядов, 2006: 129]. В данном случае речь идет об уровне теории, равной по значимости теории Т. Парсонса, которая соединяла все базовые проблемы общества – социального порядка, изменения, социального действия [Парсонс, 1998]. Сразу приходится добавить, что такие универсальные теории общества могут быть лишь на самом высоком уровне анализа. Реально такой теории, даже если бы она существовала, было бы недостаточно: «Россия слишком разнообразна, чтобы можно было построить общую концепцию ее социодинамики» [Яницкий, 2008a]. Тем не менее общая ситуация в отечественной теоретической социологии оценивается старшим поколением скорее позитивно. По мнению мэтра российской социологии Ж.Т. Тощенко, «в отечественной социологии появились идеи, обладающие эвристическим потенциалом в теоретическом осмыслении меняющейся действительности» [О мировой..., 2021: 4]. Сюда можно отнести немало проблем, которые имеют особую важность в контексте России (например, социальная справедливость, альтруизм) или которые развивались в российской социологии с XIX в. Так, приняв цивилизационный подход, согласно которому Россия относится к иной, нежели западноевропейская, цивилизации [Браславский, Козловский, 2021], современные российские последователи допускают, что в рамках этого подхода можно строить много продуктивных теорий.

В России есть работающие теории, которые дают объяснения важным социальным трансформациям, хотя они, возможно, остаются «не раскрученными» и недостаточно известными широкому кругу социологов [О мировой..., 2021: 12]. Прежде всего, это российская теория модернизации, предлагающая стране оригинальную модель, больше ориентированную на китайский образец, чем на Запад, поскольку Китай тоже объединяет регионы, находящиеся на разных уровнях развития и требующие разных «скоростей» развития. Данная теория была разработана под руководством Н.И. Лапина [Атлас..., 2016]. Ее цель – превращение России в высокоразвитую постиндустриальную державу. Теория модернизации раскрывает многие проблемы, стоящие на пути индустриального и социокультурного развития России, хотя не позиционируется как теория, объяснительная сила которой достаточна для выдвижения ее в разряд теорий высокого уровня всего постсоветского общества, так как объектом ее анализа является российское общество, дифференцированное на разнородные регионы. По мнению Ж.Т. Тощенко, концепция модернизации (и инновационного развития, цифровизации и т.п.) отражает «важные, но отдельные стороны развития общества» [О мировой..., 2021: 4] и имеет такие слабые стороны, как отсутствие согласованности между программами, принятыми на их основе, и – что важнее – нежелание государственной бюрократии выполнять обоснованные социологами стратегические программы развития. Однако вряд ли эти слабые стороны связаны с разработкой теории, скорее, это следствие неэффективных попыток ее реализации в условиях недостаточно эффективной экономики и стагнации социальных структур.

Теория модернизации дифференцирует Россию на несколько разных по уровню развития регионов, каждый из которых должен модернизироваться по-своему. Эту дифференциацию нельзя отождествлять с фрагментацией социума, о чем неоднократно писали авторы как об огромной проблеме [Амбарова, 2022; Titarenko, Zdravomyslova, 2017]. Феномен региональной дифференциации существует во всех странах и отражает разнообразие общества (либо нехватку ресурсов, не позволяющую сразу поднять все регионы на некий уровень). Эта теория выделяет в российском обществе регионы разных уровней модернизации и ставит для каждого свои цели развития. Некоторые авторы выдвигают идею, что Россия соединяет регионы, относящиеся к разным цивилизациям и требующие разных теорий для объяснения. По нашему мнению, данная теория раскрывает социодинамику регионов России, хотя и не отвечает на главный вопрос: каким образом российское общество сможет преодолеть отставание в экономической, технологической, социокультурной сферах и способствовать смягчению нарастающего социального неравенства и бедности населения. Эта

проблема дополняется необходимостью уточнения механизма воспроизводства государства, культуры и социума России, базовых фреймов индивидуальной и коллективной идентичности [Российское общество..., 2021: 264].

В России появились теории зависимости от прошлого с акцентом на национальных особенностях страны. Так, в начале XXI в. была создана объяснительная теория X- и Y-матриц в развитии России, предложенная С.Г. Кирдиной [2000]. X-матрица олицетворяет институты централизованной экономики и политики, Y-матрица – либеральную демократию и рынок. По мнению С.Г. Кирдиной, в каждой стране есть одна исторически доминирующая матрица, которая ретранслируется в разных вариациях. В России доминирует X-матрица. Такие страны более устойчивы в периоды кризисов. По мере смены глобального институционального порядка роль России в мире будет возрастать.

Несколько иную модель, основанную на анализе зависимости нынешнего развития России от ее истории, разработал Н.С. Розов [2011]: вместо матриц предложены циклы, повторяющиеся в истории страны. По его мнению, Россия всегда будет стараться использовать практики, привычные ее населению, основанные на опыте и отражающие ее историю. Даже если предлагаемые новые модели развития будут выглядеть эффективнее, они вряд ли будут восприняты в России, потому что и элиты, и население предпочитают следовать традициям. Эти тезисы достаточно дискуссионны, не оставляя места инновациям в России.

Оба автора считают, что их теории помогают осознать нынешнее положение страны и разработать ориентиры и стратегии ее развития. Однако, прежде всего, они постулируют повторяемость в российской истории, которая по сути ничего, кроме повторения пути по той же «колее» или «матрице», не предлагает будущему.

На протяжении более 20 лет Ж.Т. Тощенко создает национальные теории, выдвигаемые им на общесоциологический уровень. Это и теория парадоксального человека, отражающая противоречивость постсоветского общества, и «социология жизни», которая применяется автором к пониманию нынешнего российского общества и включает комплексный подход к анализу объективных и субъективных факторов, влияющих на развитие страны [Тощенко, 2016].

Нельзя не упомянуть российскую экосистемную теорию риска, разработанную О.Н. Яницким применительно к современным российским условиям. Эта концепция отражает рост в глобальном мире таких новых акторов, как социальные движения и женские движения, стремительно нарастающие экологические кризисы. Данные факторы существенно меняют социальный ландшафт мира, и Россия не выпадает из этого процесса. Базовая идея превращения современного общества в глобальное «общество риска» была выдвинута У. Беком [Beck, 1992]. Позднее она получила существенное развитие. Теория О.Н. Яницкого сфокусирована на тезисе, согласно которому ключевые риски российского общества связаны с отсутствием в обществе согласия относительно базовых целей и ценностей. По мнению автора, отчасти причина этого в ошибочной ориентации на западную модель в 1990-е гг. Отсюда автор выводит такие негативные следствия его развития начала XXI в., как «политическая стабилизация ценой демодернизации; растущая приватизация социального порядка»; пренебрежение экологическими рисками. Вместе взятые, указанные автором особенности российского «общества риска» существенно тормозят его позитивную социетальную динамику [Яницкий, 2003: 3].

Эвристическим потенциалом обладает цивилизационный анализ общества, в последнее время развиваемый в российской социологии. Такой подход демонстрирует неразрывную связь глобального и национального в современной социологии. Следуя традициям цивилизационного подхода, представленным в трудах Ш. Айзенштадта, Й. Арнасона, Н. Элиаса (соединение культурного и социального измерений человеческого существования, признание непрерывного конструирования социального и культурного порядков и множества цивилизаций модернистского типа), его российские сторонники создают собственный концептуальный аппарат фиксации, объяснения,

интерпретации множества сопряжений «социальной структуры и культуры, институтов и агентных структур (индивидов, групп, сообществ), разных капиталов в изменчивом социокультурном пространстве российских территорий» [О мировой..., 2021: 10].

Центральным понятием в российской версии цивилизационного анализа является цивилизационный порядок общества, который отражает «сложившийся устойчивый корпус форм социальной организации и регулирования культуры, хозяйства и власти» [Российское общество..., 2021: 258]. Считается, что этим порядком определяется способ социального и культурного включения индивида в ценностные структуры, сетевые отношения, функциональные и институциональные подсистемы общества, доступ к позициям, статусам, ресурсам, необходимым для самореализации. Данный критерий весьма сложен для прикладного использования, он подходит для теоретического анализа, при котором позволяет раскрыть взаимодействие индивида и власти во фрейме культуры. По мнению В.В. Козловского, любой режим цивилизационного порядка по отношению к отдельному индивиду проявляется двойственно: режим навязывает каждому господствующие стандарты общества потребления, при этом сохраняя возможности индивидуального выбора. Что касается российской цивилизации как специфической версии модерна, ее будущее прогнозируется в русле неконтролируемых кризисов и конфликтов современного глобального мира, частью которого является Россия. В ближайшее время мир ожидает переход от «вполне устойчивой социокультурной матрицы сложившихся типов современного общества "риска"... к новым формам общественного порядка» [Российское общество..., 2021: 259]. Формируется новая социокультурная карта мира и «цивилизационного сдвига российского общества в направлении новых типов модерности с учетом собственной специфики» [там же: 260]. В частности, будут создаваться новые механизмы включения/исключения социальных групп в механизмы принятия решений по всем важнейшим проблемам общества.

Ввиду признания отправной точкой теоретического анализа фундаментальной неопределенности развития общества в настоящее время цивилизационный анализ не позволяет его сторонникам предвидеть, что же сформируется в России в конечном счете, в чем будет проявляться ее цивилизационная специфика в рамках мирового цивилизационного процесса по сравнению с другими типами модерна. Современное общество (включая российское) настолько сложное, что его невозможно отрефлексировать в рамках прежних подходов и теорий, не разрабатывая более сложные и комплексные подходы. Однако и новые теории, которые попытаются реализовать данную задачу, не могут не быть противоречивыми. По этой причине имеет смысл разработать на основе цивилизационного анализа несколько теорий среднего уровня, которые с разных сторон раскроют развитие российского общества, взаимно дополняя друг друга и одновременно будут конкурировать между собой, предлагая разные схемы анализа и объяснения сложности развития российского модерна (модернов) [Российское общество..., 2021: 265].

Представленные теории, объясняющие историческое развитие России, несмотря на определенные недостатки и «нераскрученность» на глобальном уровне, можно оценивать позитивно, так как они построены с учетом российской специфики и многовековой истории страны. Однако они не дают ответов на современный комплекс социальных проблем развития России. В отличие от Ж.Т. Тощенко, И. Шубрт считает, что общая слабость подобных российских теорий связана с их фокусом на концептуализации, т.е. определении типа модернизации, не на решении более важных сущностных вопросов социетального развития (наследие типа советской модернизации, драйверы и преграды на пути нынешней российской модернизации) [Шубрт, 2021: 6]. По мнению чешского социолога, основным тормозом являются факторы, лежащие в предшествующем развитии России, и даже сохранение во власти социологов, принадлежащих к старшим поколениям может оказывать консервативное влияние на современное развитие российской социологии. Можно не согласиться с последним: ведь именно эти поколения социологов

и создали теории, которые сегодня репрезентируют теоретическую социологию в России и содержат значительный эвристический потенциал.

Если обратиться к российским социологам, во многом развитию социологии мешает нынешнее положение социологии в обществе: оно существенно ограничивает развитие дисциплины. Чтобы изменить ситуацию, нужны серьезные реформы в организации российской науки в целом [Ученые записки..., 2021; Черныш, 2020]. В области социологии это реформирование включает как проблемы ее управления и изменения структуры, преодоления внутренних конфликтов социологов, так и выход на актуальные проблемы исследования глобального и национального общества. В дополнение к этому не раз ставился вопрос, что социология должна проводить масштабные междисциплинарные исследования и не уходить от проблем, которые сегодня остро встали в экологии, технической науке, биологии и других науках. Отмечаются негативные последствия тенденции разрыва с междисциплинарной неоеволюционной теорией [Девятко, 2021: 8]. Согласно этой позиции, если новые теории в социологии будут междисциплинарны, они смогут системно охватить современные процессы развития, теоретически осмыслить их социальные, технические, биологические, экологические, исторические стороны.

Соглашаясь с этим тезисом, добавим, что на практике никакие «государственные заказы» на междисциплинарность исследований или успешные западные образцы новых подходов и «поворотов» в социологии не помогут создать такие общие теории. Только само российское социологическое сообщество может переосмыслить современную ситуацию и выдвинуть новые подходы и теории, которые будут адекватны объективному запросу общества на них. Иначе говоря, социологи не могут рассчитывать, что элита, государство или даже гражданское общество сознательно поставят перед ними конкретные цели и задачи теоретического характера и финансово поддержат подобные исследования. Современное государство (и другие стейкхолдеры) поддерживает те научные проекты, которые актуальны в ближайшей перспективе; финансов на создание общесоциологических теорий нет. Но поскольку стратегические проекты и общесоциологические теории нужны обществу, ими необходимо заниматься – даже на чисто научном энтузиазме. Возможно, создание таких теорий поможет поднять престиж социологии и общественных наук внутри самой России. Сегодня общесоциологическая теория нужна в России (и не только), прежде всего, самим ученым. Заказа на нее от власти нет: для определения курса страны научные прогнозы ей не требуются. Это положение дел не устраивает ученых, но пока ничего не меняется. Однако остается, говорил И. Кант, «постоянное стремление к истине», которое и заставляет ученых проводить научные исследования, делать выводы, конструировать модели и теории независимо от институциональной поддержки.

Возврат к национальным традициям (вместо заключения). В охарактеризованных обстоятельствах еще больше возрастает значимость обращения российских теоретиков к собственному теоретическому наследию, включающему досоветские и советские теории. Пока превалирует выборочный подход к этому наследию. Тщательно изучаются дореволюционные социологи (особенно П.А. Сорокин), хотя и здесь имеется некоторый перекосяк: преобладают интерпретации его трудов, выяснение нюансов, тогда как можно было бы, отталкиваясь от поднятых П.А. Сорокиным проблем российского общества и социологической дисциплины (социальная революция, альтруизм, интегративная социология), пытаться развивать их в современных условиях с учетом новых характеристик глобального и российского общества. Творческое наследие советской социологии часто замалчивается, или к нему обращаются только для критики, что бесспорно искажает общее понимание советского периода развития отечественной социологии, обедняет историческую память. Поскольку отношение к советскому социологическому наследию – отдельная тема, не будем подробно ее затрагивать здесь.

Одна из задач развития теоретической социологии состоит в том, чтобы (пере)осмыслить имеющееся социологическое наследие целиком, без изъятий, строить новые знания с учетом этого наследия. Оптикой такого рассмотрения должно стать реальное состояние науки (насколько возможно реконструировать ход ее развития и исследовать ее научные результаты), а не только и не столько представления об эпохе или мемуары отдельных социологов¹. Творчески развивая национальные традиции, российская социология сохранит преемственность, которой недоставало ее советскому периоду, а нынешние социологи будут гордиться «родством» с советской социологией, а не отрицать ее значимости. Возможно, для этого социологам не хватает таких средств научной коммуникации, как электронный журнал «Global Dialogue», на страницах которого можно опубликовать короткий текст, инициировать обсуждение новой проблемы, раскрыть забытую страницу истории, не заботясь о попадании в Scopus (журнал «Global Dialogue» популярен, но в Scopus не входит). Аналогичный российский общесоциологический журнал не повысит роль российской социологии в мире, но сыграет позитивную роль внутри страны и поспособствует научной коммуникации ученых разных поколений.

Российская теоретическая социология сможет развиваться, если будет находить новые повороты в решении актуальных социальных проблем, анализировать их в новых концептуальных рамках и использовать новую исследовательскую оптику. Связь с предшественниками – не цитаты и не интерпретации того, что сказано по разным поводам. Это творческое следование духу понимания проблемы. Очевидно, необходимо развивать методы исследования, что делается в России. Но методы исследований не заменяют теоретические подходы, позволяющие по-новому объяснить и прошлое, и настоящее. Возможно, междисциплинарные исследования отдельных сфер социума (учитывающие не только разные социально-гуманитарные подходы, но и технические, биологические науки) могут продвинуть социологию вперед. Основная задача развития науки – макроуровень, на котором может и должен применяться в том числе междисциплинарный подход. Отдельные теории среднего уровня их не заменят. Не годятся на консолидирующую роль и большие базы данных – прежде чем получить выводы о чертах, тенденциях, аспектах развития любого исследуемого социального феномена, необходимы осмысление и анализ собранных эмпирических данных в рамках конкретной теории. Каким образом можно (и можно ли?) использовать такие базы в конструировании общесоциологических теорий, открытый вопрос.

Сегодня, в условиях кризиса западной социологии и отсутствия теоретических «прорывов» в отечественной социологии, оптимизм в отношении конструирования общих теорий практически исчез. Уровень постановки теоретических задач снижается. Вместо создания «универсальной гранд-теории, объясняющей социальные изменения» [Черныш, 2018б: 78], у социологии остается «право исследовать вероятности, наблюдать риски и прогнозировать будущее» именно как вероятностное, чтобы определять опасные состояния и разрабатывать меры по снятию социальной напряженности. Было бы логично, чтобы объяснительные теории, сфокусированные на определении и преодолении кризисных состояний, на создании вероятностных вариантов развития, строились на национальном и глобальном уровнях. Появилось бы важное поле дискуссий и совместных размышлений о будущем, которые одинаково значимы для социологов всех стран.

¹ Наш подход нисколько не преуменьшает важность использования биографического метода, который развивает Б.З. Докторов; это необходимый, но не единственный метод использования российского социологического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. Цивилизационное измерение структурирования обществ // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 148–175. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-148-175.
- Девятко И.Ф. Социологическая теория: старые трудности, новые вызовы // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016657-5.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Николаев В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 30–40. DOI: 10.31857/S013216250017450-8.
- О мировой и отечественной теоретической социологии (круглый стол) // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250016494-6.
- Парсонс Т. Система современного общества. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.
- Российское общество: архитектура цивилизационного развития: моногр. / Отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10. Острые проблемы современной российской науки. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: ВШЭ, 2021. DOI: 10.17323/978-5-7598-2369-8.
- Черныш М.Ф. Проблема социального коллапса в социологии // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018б. С. 55–79. DOI: 10.19181/ezheg.2018.3.
- Черныш М.Ф. Реформа российской науки как институциональное конструирование // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 47–64. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.2.
- Черныш М.Ф. Тренды современной критической социологии (общие наблюдения с конференции ЕСА) // Социологические исследования. 2018а. № 2. С. 3–8. DOI: 10.7868/S0132162518020010.
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8.
- Ядов В.А. По поводу статьи А.И. Малинкина // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 127–129.
- Яницкий О.Н. Комментарий к статье Розова Н.С. Стагнация социологии как выражение общего недовга российского общественнознания // Официальный сайт ИС РАН. 2008а. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=925 (дата обращения: 12.12.2021).
- Яницкий О.Н. Почему социология теряет свой вес в обществе? // Официальный сайт ИС РАН. 2008б. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=988> (дата обращения: 12.12.2021).
- Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
- Arnason J.P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. Transl. by M. Ritter. London: Sage, 1992.
- Best S., Kellner D. The Postmodern Turn. New York: Guilford Press, 1997.
- Bowman P. Post-Marxism versus Cultural Studies: Theory, Politics and Intervention. Edinburgh: Edinburgh UP, 2007. DOI: 10.3366/edinburgh/9780748617623.001.0001.
- Delanty G., Turner S. (eds) Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory. London; New York: Routledge, 2011.
- Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.
- Joas H. The Age of Contingency // Faith as an Option. Possible Futures of Christianity. Redwood City: Stanford UP, 2014.
- Sim S. Post-Marxism: An Intellectual History. London; New York: Routledge, 2000.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. Sociology in Russia. A Brief History. London: Palgrave Macmillan, 2017.
- Wittrock B. Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 31–60.

THEORETICAL SOCIOLOGY IN MODERN RUSSIA: GLOBAL AND NATIONAL PERSPECTIVES

TITARENKO L.G.

Belarusian State University, Belarus

Larissa G. Titarenko, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Minsk, Belarus (larissa@bsu.by).

Abstract. The article provides a brief analysis of theoretical processes in post-Soviet Russian sociology. The current state and prospects for development of theoretical sociology are discussed in the context of global sociology and in the framework of original sociological theories on Russian soil. Within the first framework, a special place is given to the problem of borrowing and imitating foreign theories that take place among Russian sociologists educated and socialized in the West. It is stated that the development of national theories does not reject a possibility of relying on some global achievements and does not mean indigenization of Russian sociology. The article describes views on the general state of theoretical sociology and assessment of individual Russian theories (modernization, eco-risk, sociology of life, etc.), highlights their weaknesses and problems hindering their development. The author's position on the combination of the global and national in theoretical sociology, general sociological and special sociological theories, study of national traditions of science is offered. It is concluded that there are no prospects for a new grand theory, while coexistence of many general theories that determine the probabilistic paths of Russia's development is possible. The need for an active position of Russian sociologists in theoretical construction is emphasized.

Keywords: theoretical sociology, global and national sociology, crisis, modernization theories, civilizational analysis, interdisciplinarity, national heritage.

REFERENCES

- Alexander J. (2013) *The Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Ambarova P.A. (2022) Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4. (In Russ.)
- Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Transl. by M. Ritter. London: Sage Publications.
- Best S., Kellner D. (1997) *The Postmodern Turn*. New York: Guilford Press.
- Bowman P. (2007) *Post-Marxism versus Cultural Studies: Theory, Politics and Intervention*. Edinburgh: Edinburgh UP. DOI: 10.3366/edinburgh/9780748617623.001.0001.
- Braslavsky R.G., Kozlovsky V.V. (2021) Civilizational dimension of structuring society. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 20. No. 1: 148–175. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-148-175. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2018a) Trends in modern critical sociology (general observations from the ESA Conference). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–8. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2018b) The problem of social collapse in sociology. In: *Russia reforming: yearbook*. Ed. M.K. Gorshkov. Iss. 16. Moscow: Novyi Khronograf: 55–79. DOI: 10.19181/ezheg.2018.3. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2020) Reform of Russian science as an institutional construction. *Management of science: theory and practice*. Vol. 2. No. 2: 47–64. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.2. (In Russ.)
- Delanty G., Turner S. (eds) (2011) *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory*. London; New York: Routledge.
- Deviatko I.F. (2021) Sociological Theory: old problems, new challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016657-5. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 1–29.
- Harvey D. (2021) *The State of Postmodernity: A Study of the Origins of Cultural Change*. Moscow: VSHE. DOI: 10.17323/978-5-7598-2369-8. (In Russ.)
- Joas H. (2014) *The Age of Contingency. In: Faith as an Option. Possible Futures of Christianity*. Redwood City: Stanford UP.

- Kirdina S.G. (2000) *Institutional matrices and the development of Russia*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Nikolaev V.G. (2022) Sociological theory in Russia: at the crossroads of fragmentation and pluralism. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 30–40. DOI: 10.31857/S013216250017450-8. (In Russ.)
- On world and domestic theoretical sociology (round table) (2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250016494-6. (In Russ.)
- Parsons T. (1998) *The System of Modern Society*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the XXI Century*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Russian Society: Architectonics of Civilizational Development*: monogr. (2021) Ed. by V.V. Kozlovsky; FNISTC RAS. Moscow; St. Petersburg: FNISTS RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021. (In Russ.)
- Scientific notes of FCTAS RAS*. (2021) Ed. by M.K. Gorshkov. Iss. 10. Acute problems of modern Russian science. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Shubrt I. (2021) Thoughts on modern Russian sociology and its prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8. (In Russ.)
- Sim S. (2000) *Post-Marxism: An Intellectual History*. London; New York: Routledge.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. (2017) *Sociology in Russia. A Brief History*. London: Palgrave Macmillan.
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobility*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Wittrock B. (2000) Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 31–60.
- Yadov V.A. (2006) About the article by A.I. Malinkin. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 127–129. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2003) Sociology of risk: key ideas. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 1: 3–35. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2008a) Commentary on the article by Rozov N.S. Stagnation of sociology as an expression of the general ailment of Russian social science. In: *Official website of the IS RAS*. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=925 (accessed 12.12.21). (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2008b) Why is sociology losing its weight in society? In: *Official website of the IS RAS*. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=988> (accessed 12.12.21). (In Russ.)

Received: 09.02.22. Accepted: 01.03.22.

ЗНАНИЕ И ВЛАСТЬ: СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ МИР

Йоран ТЕРБОРН, почетный профессор социологии Кембриджского университета, Кембридж, Великобритания (gt274@cam.ac.uk).

Аннотация. Данная статья подводит итоги симпозиума журнала «*International Sociology*», посвященного индигенизации социологии в Восточной Азии. Поскольку мировые центры знания исторически коррелируют с мировыми центрами силы, происходящие геополитические перемены – смещение мирового центра тяжести из Северной Атлантики в Восточную Азию, – вероятно, приведут к переменам и в глобальной карте познания. Знание неразрывно связано с властью, оно основано на силе и производит инструменты силы. Перспективы социальной науки и ученых определяются отношениями власти в изучаемом социальном мире. Понять эти отношения позволяет анализ концептов и нарративов, которые они используют и производят. Изменения в познании приводятся в движение новыми открытиями в научных данных и изменениями во властных отношениях – социальными мобилизациями различных социальных групп, взлетом и падением крупных государств, экономическими и экологическими кризисами и пр. В статье сопоставляются два схожих, но имеющих принципиальные различия процесса: индигенизация и девестернизация. Первая представляет собой укоренение в культуру конкретных народов, а вторая – эмансипацию от культурного господства Запада во имя иной универсалистской культуры. Академическая индигенизация и девестернизация в своих когнитивных вызовах имеют сходство с современными движениями за идентичность, такими как феминизм или этнические движения. Эти когнитивные вызовы разворачиваются на четырех уровнях интеллектуальной глубины, которые требуют включения в существующий канон ролевых моделей и направлений мысли, ставящих под вопрос и отвергающих доминирующие социальные нарративы; развития новых форм производства знания; эпистемологической рефлексии по поводу различных парадигм знания. Индигенизацию следует рассматривать как ограниченный дополнительный проект, в отличие от нарастающей девестернизации, которая должна стать открытием глобальных горизонтов и благодаря дискурсивному плюрализму способствовать научной критике и поиску лучших теорий и методов в целях развития знания.

Ключевые слова: девестернизация • индигенизация • знание и сила • мировые центры знания

DOI: 10.31857/S013216250019603-6

В современном мире происходит поворот от его центра силы по обеим сторонам Северной Атлантики, каким он был половину тысячелетия, назад к огромным силам Восточной Азии. Господствующие в мире взгляды также начали меняться. Таков общий контекст четырех интересных статей, которые редакция журнала «*International Sociology*» собрала под рубрикой «Индигенизация социологии в Восточной Азии»¹. Эти работы по истории социологии Японии, Южной Кореи, Тайваня и по эпистемологии из континентального

Статья опубликована на английском языке: Therborn G. Knowledge and Power: Social Science and the Social World // *International Sociology*. 2021. Vol. 36. No. 5. P. 697–703. DOI: 10.1177/02685809211057557. Перевод публикуется с разрешения автора.

¹ Эта статья завершает рубрику в журнале *International Sociology* в № 5, 2021. Ей предшествуют статьи: Си Личжун. От географического плюрализма к плюрализму дискурса; Линь Фенцань, Ву Хунчан, Тан Чичий. Краткая история «индигенизации» социологии в послевоенном Тайване; Пак Менкю. Три типа индигенизации в развитии корейской социологии; Эйиджи Огума. Социология японцев, сделанная японцами для японцев. Краткая история непреднамеренной индигенизации социологии в Японии. – Прим. ред.

Китай показывают, что речь идет о более широких силах и глубоких проблемах, нежели просто ориентация академической дисциплины, – о социальных переменных, сдвигах международных и национальных сил, проблемах эпистемологии и логики.

Знание – не только просвещение и мудрость, но и власть, оно основано на силе и производит инструменты силы. Эта власть действует на нескольких уровнях – от мировой власти до власти внутри семей или университетских кафедр. Центры науки и всемирного знания имеют тенденцию быть в центрах мировой силы. Величина такой корреляции и направленность причинно-следственной связи далеко не ясны даже экспертам-историкам, но эти вопросы и не очень релевантны в нашем контексте. Однако известные нам исторические связи обеспечивают объяснительный фон нынешним дискуссиям. Пик расцвета, скажем, арабской или китайской науки совпадает с расцветом государственной власти аббасидских халифов в Багдаде IX в. и династии Сун в Китае XI–XII вв., а длительный относительный упадок производства арабского и китайского знания сопровождал их упадок во власти политической.

Сила университетов может быть и решающей силой как таковая. Например, Германия стала ведущим центром мировой науки в XIX в. до захвата власти нацистами в 1933 г. – главным образом благодаря созданию исследовательских университетов в рамках широкомасштабных социальных реформ после сокрушительных поражений главных германских княжеств от Наполеона в начале XIX в. Сегодня центр мирового производства знаний в естественных и социальных науках находится в США с огромными ресурсами их элитных университетов и исследовательских организаций.

Ресурсы и приоритеты власть имущих влияют на все производство знаний. Но прежде всего социальные ученые встроены в социальные отношения власти, которые они изучают, и ограничены ими. Диссидентов (почти) всегда можно найти, но, как правило, наиболее распространенные парадигмы связаны с доминирующими отношениями силы и меняются вслед за ними. Социологическая теория модернизации вышла из моды с подъемом антиколониального третьего мира, и на смену ей пришли попытки понять взаимозависимость развития Севера и слабости Юга, латиноамериканская теория «зависимости» и анализ мир-системы, глобальная история, постколониальные исследования и т.д. Структурный функционализм перестал занимать значимую роль в социологии после студенческих протестов 1960-х гг., которые открыли путь в западные университеты марксизму. Подъем феминистских движений сделал гендерные исследования уважаемым академическим направлением. Депрессия 1930-х гг. показала беспомощность ортодоксального либерализма, на смену которому пришла кейнсианская экономика, оказавшаяся столь же беспомощной перед лицом экономического кризиса 1970-х гг. и уступившая место неолиберализму. Последний же сейчас, после своего дискредитирующего финансового краха, обнаруживает свою недостаточность в вопросах борьбы с пандемией и климатическими изменениями, обеспечения устойчивости США в общем наступлении против Китая.

В этих структурах и изменениях социального знания термины и нарративы, иными словами, концепты и истории имеют критическое значение в силу своих исторических или бытовых коннотаций и того, что они акцентируют, скрывают или маргинализируют. Во второй половине XX в. основная часть социологов, как и экономистов, не интересовалась социальным неравенством. Вместо этого дискуссии и исследования строились вокруг «стратификации», «социальной мобильности», «статусных достижений». Насколько мне известно, в Международной социологической ассоциации (ISA) и сегодня нет комитета по изучению неравенства, но исследовательские центры, посвященные этой проблеме, появляются в западных университетах, причем под руководством экономистов, а не социологов. Другие важные проблемы означивания в современной социальной науке связаны с экономикой и политикой. Например, современная мировая экономическая система представляет собой «капитализм» или «рыночную экономику»? Терминологически преобладает последнее, однако «капитализм» стал употребляться чаще по двум противоположным причинам: вследствие снятия табу с марксизма после 1968 г. и повышения после 1990-х гг. самоуверенности неолиберализма, не нуждающегося более в эвфемизме

«рыночная экономика». В политике основная концептуальная битва касается усиливающегося конфликта между США и Китаем: является ли он соревнованием между демократией и авторитаризмом, соперничеством между существующей и формирующейся сверхдержавами или защитой мирового господства США и вызовом ему?

Мировое господство Запада развивалось вместе с двумя метанарративами, лежащими в основе гордости Запада за себя и претензии на право править миром, – идеями превосходства народов Западной Европы (включая их заморских переселенцев в Северной Америке и Океании) и превосходства обществ Запада в терминах свободы человека и процветания. Критика этих нарративов уменьшила их масштабы и сделала их менее «слышными». Расовое превосходство утратило большую часть привлекательности с поражением нацизма. Культурное превосходство – христианской религии и античного греко-римского индивидуализма – еще может претендовать на объяснение взлета индустриального капитализма на Западе, но в наши дни оно скорее подразумевается, нежели эксплицируется. Хотя эта причинно-следственная связь остается спорной, взаимозависимость подъема Запада с колониальным грабежом, экспроприацией и рабовладельческим плантаторским хозяйством получила широкое научное признание, как и ряд исторических обстоятельств – от конкуренции между различными государствами разделенной Европы до доступности угля. История свободных западных обществ была подорвана, но не разрушена тремя важными критическими замечаниями о ее двуличии. Одно из них, антиимпериалистическое, указывает на грубое внешнее насилие против незападных народов в прошлом и настоящем – прежде всего, на вторжения США и/или разрушения в Афганистане, Ираке, Йемене, Сомали, Ливии. Феминистская критика сосредоточивалась на патриархате и гендерной дискриминации. Антирасизм подчеркнул центральную роль рабства в создании США, которые даже после отмены рабства оставались расистским обществом апартеида вплоть до 1970-х гг. и где до сих пор остается распространенным институционализированный расизм в полицейской и судебной системах.

В такой перспективе следует ожидать, что теоретизация и интерпретация данных в социальной науке находятся под влиянием времени и места, в которых ученый осуществляет свою деятельность. Исторический опыт учит нас, что преобладающее знание о мире имеет тенденцию коррелировать с мировой властью, причем первое меняется вместе со второй. В наше время доминирующие когнитивные карты социального мира менялись главным образом вследствие действия трех сил подрыва власти. Не расставляя их по степени важности, отметим, что это были: 1) социальные мобилизации и движения – классовые мобилизации рабов, «средних» классов, рабочих, крестьян; женские, этнические и пр. движения; 2) взлет и падение крупных государств; 3) экономические и экологические кризисы, препятствующие нормальному функционированию существующих держав.

В развитии, гегемонии и снижении роли важных означиваний и нарративов в социальных дисциплинах наблюдается интересное взаимодействие между социальной силой и научными данными. Социальная наука не действует путем релятивистского «плюрализма дискурса», где «нет ничего правильного или неправильного», как утверждает в статье Си Личжун [Xie, 2021]. И она не должна, ибо это означало бы *stasis* – стояние на месте без какого-либо продвижения науки. Если бы это было так, кому была бы интересна социальная наука? Кто бы ее финансировал?

Любой «дискурсивной системе», претендующей на то, чтобы быть наукой или учением, внутренне присущи признание «доказательств» (*evidence*) в качестве критерия истины и принятия определенного протокола обнаружения этих доказательств. Наука и учение характеризуются не статичным «мирным сосуществованием», но вызовами, критикой и поиском лучших, более адекватных, более истинных альтернатив – другими словами, дискурсивным соперничеством в убеждении. Результат, особенно при решении больших научных и социальных проблем, редко может быть определен исключительно на основе доказательств: вмешиваются властные ресурсы, консолидация некой теории, относительное

положение сторонников и противников, интеллектуальное настроение во времени и по месту и др. Но в науке и учении доказательства всегда релевантны.

Индигенизация и девестернизация – не синонимы. В статье Си Личжуня [Xie, 2021] индигенизация и девестернизация употребляются как синонимы. Это не сказывается на его эпистемологической аргументации, но при более общем обсуждении ориентации социальной науки необходимо их различать. Индигенизация – отуземливание (*nativization*) – означает укоренение чего-либо в культуре страны или народа. В свою очередь девестернизация предполагает устранение западного влияния или гегемонии и не обязательно влечет за собой их замену чем-то коренным для конкретного народа. Она также включает в себя замену западной интернациональной культурой, такой как ислам (который имел большое значение, например, в Иране), марксизм-ленинизм, конфуцианство, panaфриканизм, доколумбовая андская культура или многогранная глобальная культура и наука для имперско-либеральных западных мировоззрений.

Индигенизация выражает научный и/или профессиональный национализм в той или иной форме – от требований внимания к конкретным национальным проблемам и соответствующим методам их изучения, признания местных интеллектуальных традиций и истоков до полного отказа от зарубежной мысли и международного интеллектуального обмена. Статьи Линь Фенцзя и др. о Тайване и Пака о Южной Корее отражают первый сценарий [Lin, Wu, Tang, 2021; Park, 2021], тогда как статья Огумы о японской социологии помещает опыт этой страны на противоположный полюс изоляционизма [Oguma, 2021].

Индигенизация по большей части является довольно «холодной» темой для обсуждения (*cold topic*), в основном с защитными коннотациями, и легко укладывается в дискуссии о разнообразии социологических традиций в мире, которые представлены, например, в справочнике ISA [Patel, 2010]. В то же время девестернизация служит предметом горячих обсуждений (*hot subject*), оспаривания преобладающих евро-американских концепций мира и нарративов мировой истории. Япония никогда не была колонией, подчеркивает Огума [Oguma, 2021], и, что уникально для народов за пределами Северной Атлантики, лишь в течение короткого времени подвергалась унижениям со стороны западного империализма. Япония сопротивлялась ему, но лишь как соперничающая империалистическая сила, которая после своего полного поражения приняла его довольно примечательным образом.

Девестернизация связана с антиколониальным сопротивлением, деколонизацией и борьбой против мирового господства США. Сам термин, как представляется, наиболее часто использовался в исламском мире, в частности в Иране, а в качестве общей темы обсуждения выступала критика евро-американского культурного господства как следствия и продолжения колониального угнетения и империализма. Это критика «не Запада *sui generis*, но последствий слепоты и жестокости, вызванной определенной концепцией – я бы сказал, колониальной – разума, гуманности и универсализма», как писал один из самых влиятельных постколониальных мыслителей современности Ахил Мбембе [Mbembe, 2006: 118]. Выдающийся португальский социолог Бонавентура де Соуса Сантуш обратил внимание на противоположность индигенизации – «эпистемцид», убийство знания имперским господством: «Неравный обмен между культурами всегда подразумевал смерть знания подчиненной культуры», однако в ответ на это возникают эпистемологии Юга «как пути к знанию, рожденные в борьбе против капитализма, колониализма и патриархата» [Santos, 2014: 92, 238].

Несмотря на то, что индигенизация и девестернизация работают в разных регистрах (национальное против альтер-глобального, профессиональное против политического), они являются критическими движениями за идентичность и по способам функционирования демонстрируют сходство с интеллектуальной культурой других новых движений идентичности, таких как феминизм, исследования сексуальных или этнических меньшинств.

В вызовах, бросаемых доминирующим канонам социального познания со стороны индигенизации и девестернизации, а также эмансипационных движений идентичности, могут быть выделены четыре уровня интеллектуальной глубины. Во-первых, это расширение регистра, своего рода открытие и признание мыслителей, ролевых моделей, направлений мысли

и социальной практики, исключенных из существующего канона. Диапазон забытого и исключенного, позже извлеченного на свет, включая Маркса во многих западных университетах до 1968 г. или в Южной Корее до 1987 г. [Park, 2021], бесконечен. Так, в упомянутом справочнике ISA Сайед Фарид Альатас [Alatas, 2010], неумолимый критик западнцентричной социологии, напоминает о деятельности арабского историка XIV в. Ибн Хальдуна и филиппинского мыслителя и писателя конца XIX в. Хосе Ризаля. А Линь и др. [Lin, Wu, Tang, 2021] говорят о повторном открытии в тайваньских дебатах об индигенизации их забытого предшественника Шiao-Син Ченя.

Во-вторых, в качестве самого важного уровня выступает *оспаривание и отвержение гегемонистских нарративов*, таких как развитие и слаборазвитость без колониализма, история без женщин, этнические отношения без колониализма, рыночная экономика без рабочих и эксплуатации и т.д.

В-третьих, на основе отказа от гегемонистских нарративов и вдохновения от (пере)открытия прошлого опыта происходит *развитие новых практик социальных и исторических исследований*, охватывающих диапазон от изучения травматичного личного колониального опыта, сексизма и расизма до исследований мирового масштаба в областях накопления капитала, империализма и разрушения природы. Со времени постановки этих вопросов в последней трети XX в. были достигнуты большие успехи, особенно в гендерных и глобальных исследованиях, где важную роль сыграли ученые из стран третьего мира. Однако и в настоящее время процесс девестернизации социальных наук и историографии продолжается и развивается.

В-четвертых, существует также эпистемологический, или метасоциологический, уровень преодоления доминирующих парадигм, который отражает и *системно сравнивает различные способы мышления*. Вышеупомянутые авторы А. Мбембе и Б. Сантуш, например, весьма погружены в этот процесс. Их критика, как и критика ряда других авторов, достигает ядра западной интеллектуальной современности, ее концепции рациональности, природы и отношений людей к ней. Одним из интересных вариантов этого критического подхода является кросскультурный концептуальный анализ и история, применение которого демонстрируется в статьях тайваньских и корейских авторов [Lin, Wu, Tang, 2021; Park, 2021]. Это, по моему мнению, очень многообещающий подход, хотя его развитие потребует невероятных лингвистических и межкультурных навыков.

Индигенизация как программа или лозунг – в какой-то мере способ защиты, что не очень хорошо сочетается с формированием центра мира в Восточной Азии. Статьи о Японии, Южной Корее и Тайване также свидетельствуют о снижении интереса к ней. Статья о Китае выдерживает эпистемологический фокус, не сообщая о каких-либо дискуссиях или интересных вопросах в этой стране и не пропагандируя индигенизацию [Xie, 2021]. Автор отвергает это понятие, предлагая заменить эту тему проблематикой «соотношения теории и практики». Однако я не считаю такую позицию убедительной, поскольку и индигенизация, и девестернизация могут относиться и обычно относятся и к теории, и к практике.

Индигенизация – рискованный проект, потенциально ведущий ко «многим негативным последствиям», как обнаружил Огума в Японии. Изоляция от мира науки и знаний легко поддается идеологическим предрассудкам и стагнации творчества. Однако критика ею научного подражания иностранным моделям не всегда ошибочна. На своем опыте я отмечал некоторые достойные сожаления побочные эффекты того, что можно назвать «стандартом американской подготовки аспирантов» в социологии, – фокусирования исключительно на вопросах, на которые можно ответить количественными данными, и слабого интереса к институтам, институциональным отношениям и ситуативным контекстам.

Девестернизация – необъятный культурный процесс, сопровождающий переориентацию, новую «центровку» мира. Ее следует интерпретировать и воплощать в науке как глобальное открытие интеллектуальных – методологических и теоретических – горизонтов, а не замыкание в себе. В этом вопросе я солидарен с Си Личжуном, призывающим к дискурсивному плюрализму, так как движение вперед и углубление знаний во многом зависят от открытых возможностей критики и поиска, возможно, лучших теорий и методов исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Alatas S.F. (2010) Religion and Reform: Two Exemplars for Autonomous Sociology in the Non-Western Context. In: Patel S. (ed.) *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. London: Sage: 29–39.
- Lin F.T., Wu H.C., Tang C.C. (2021) A Concise History of Sociology's 'Indigenization' in Postwar Taiwan: Emergence, Transformation, and Invisibilization. *International Sociology. International Sociology*. Vol. 36. No. 5: 662–673. DOI: 10.1177/02685809211057494.
- Mbembe A. (2006) Qu'est-ce que la pensée postcoloniale? Entretien avec Achille Mbembe. *Esprit*. No. 330: 117–133.
- Oguma E. (2021) Sociology of the Japanese, by the Japanese, for the Japanese: A Short History of Unintentional Indigenization of Sociology in Japan. *International Sociology*. Vol. 36. No. 5: 684–696. DOI: 10.1177/02685809211057556.
- Park M. (2021) Three Types of Indigenization in the Development of Korean Sociology. *International Sociology*. Vol. 36. No. 5: 674–683. DOI: 10.1177/02685809211057551.
- Patel S. (ed.) (2010) *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. London: Sage.
- Santos B.S. (2014) *Epistemologies of the South*. Boulder; London: Paradigm.
- Xie L. (2021) From Geographical Pluralism to Discourse Pluralism. *International Sociology*. Vol. 36. No. 5: 647–661. DOI: 10.1177/02685809211057483.

Пер. с англ. Н.В. РОМАНОВСКОГО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН; зам. гл. ред. журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

KNOWLEDGE AND POWER: SOCIAL SCIENCE AND THE SOCIAL WORLD

THERBORN G.

University of Cambridge, Cambridge, United Kingdom

Göran THERBORN, Professor Emeritus of Sociology, University of Cambridge, Cambridge, United Kingdom (gt274@cam.ac.uk).

Abstract. The world's centre of gravity is changing, from the North Atlantic to Eastern Asia. As world centres of knowledge have correlated historically with world centres of power, this ongoing geopolitical change is likely to bring changes also to the global map of cognition. Knowledge and power are intrinsically related, knowledge is power, it is based on power, and it produces instruments of power. Moreover, the vistas of social scientists and scholars are always circumscribed by the power relations of the social world they are studying. A way of looking into this is to analyse the concepts and the narratives they use and produce. What features do they highlight, and what do they hide? Cognitive change is driven by two kinds of change, change (i.e. new discovery) of evidence, and change of power. On a macro scale, the major forces of power change bearing upon cognitive change have been social mobilizations, for example, of classes, women, and ethnic groups, the rise and decline of states, and, third, economic or ecological crises disrupting the functioning of existing powers. Indigenization and de-Westernization are different programmes. The former is synonymous with nativization and rooting in the particular culture of a population, whereas the latter may be, and often is, an emancipation from Western cultural domination in the name of another universalistic culture. De-Westernization is inherently confrontational, whereas indigenization may range from supplementary to isolationist. Academic indigenization and de-Westernization have in their cognitive challenges similarities with contemporary critical identity movements, such as feminism and ethnic movements. The cognitive challenges mounted by both types of currents proceed across four levels of cognitive depths, claiming canon inclusion of certain thinkers and role models, questioning and rejection of prevailing social narratives, practising new forms of knowledge production, and fourth epistemological or meta-sociological reflections on the old and the new knowledge paradigms. Indigenization should be treated as a limited supplementary project, whereas de-Westernization is likely to advance. It should be an opening of global horizons, not a closure. Pluralism of critique, challenge, and search for other, better ways are decisive for the development of knowledge.

Keywords: de-Westernization, indigenization, knowledge and power, knowledge change, world centres of knowledge.

Transl. by Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Deputy Chief Editor, Journal "Sotsiologicheskie issledovaniya" (Sociological Studies), Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Социальная политика. Социальная структура

© 2022 г.

С.В. РЫЖОВА

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЗИТИВНЫЙ И НЕГАТИВНЫЙ КОНТЕКСТЫ

РЫЖОВА Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (Silica2@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе концептуальных подходов теории социальной идентичности и социологии эмоций изучается эмоциональная составляющая российской идентичности. Описываются результаты анализа представленности моральных эмоций – «гордость за Россию», «вера в Россию», «стыд за Россию» – в сообщениях СМИ и медиапространстве за 2019–2020 гг. Позитивные эмоции в них широко представлены, тогда как негативная эмоция стыда, представляющая угрозу позитивной российской идентичности, не упоминается, хотя присутствует в массовых настроениях россиян. На данных всероссийских социологических опросов 2015 и 2020 гг. анализируется динамика чувств к России среди населения. Отмечается, что в структуре российской идентичности преобладают позитивные эмоции – любовь, гордость и уважение к своей стране. Возмущение, обида и стыд также вовлекаются в формирование российской идентичности, однако не носят массового характера. Наблюдается снижение уровня позитивных и повышение уровня негативных эмоций по отношению к стране в 2020 г. Выявляется взаимозависимость эмоциональной составляющей российской идентичности и ряда показателей субъективного благополучия – удовлетворенности работой, оплатой труда и жизнью в целом.

Ключевые слова: национально-гражданская идентичность • российская идентичность • эмоции и чувства к России • моральные эмоции • социология эмоций

DOI: 10.31857/S013216250019609-2

Введение. Уровень российской идентичности – это стратегический параметр оценки национально-гражданской консолидации¹, но и для экспертов, и для широкой общественности смыслы общероссийской идентичности пока неочевидны [Дробижева, 2020]. Ее содержание подвержено влиянию ситуационных факторов культурного и политического характера, особенно важную роль играет оценка истории страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.05.2021).

Российская идентичность, представляющая собой процесс и результат идентификации человека с Россией, подобно любой социальной идентичности, имеет трехчастную структуру и проявляет себя в когнитивном, эмоционально-оценочном и поведенческом измерениях. Эмоциональные компоненты поддерживают мотивацию принадлежности к макрообщности или ее избегания. Таким образом, их анализ применительно к российской идентичности дает возможность оценить степень общенациональной солидарности или отчуждения, потенциал чувств и эмоций в процессах нациестроительства.

Эмоции, сопряженные с принадлежностью к России, несмотря на известную противоречивость и неустойчивость, оказывают прямое влияние на характер российской идентичности. Пандемия коронавирусной инфекции, осложнившая жизнь людей в 2020–2021 гг., продемонстрировала зависимость силы российской идентичности от текущих событий и массовых настроений, ее высокую обусловленность актуальными эмоциями. В условиях ограничительных мер, увеличения тревожности и социальной дистанции значительно снизилась актуализация российской идентичности².

На наш взгляд, следует дифференцировать понятие национально-гражданской идентичности от близких к нему понятий российского менталитета и национального характера. Идентичность – более узкое и содержательно подвижное понятие, отражающее, в том числе, *динамику процесса идентификации*, важнейшую роль в котором играют эмоции и чувства. Российскую идентичность целесообразно рассматривать в процессуальном ракурсе, поскольку идентификация со страной и соотечественниками происходит в «фоновом режиме» – постоянно и зачастую неосознанно. В процессе повседневной деятельности актор переживает и переосмысливает различные составляющие идентичности. Опору для такого взгляда дает известное представление Ренана о том, что нация – это ежедневный плебисцит, требующий постоянного подтверждения на уровне повседневных практик и эмоций согласия людей быть и считать себя нацией.

Спектр представлений о России и россиянах, на основе которых формируется российская идентичность, может быть очень широким. В качестве осевых измерений исследователями выделяются представления об общем гражданстве и политических институтах [Семененко, 2017], государстве, стране, территории, культуре, гражданской ответственности [Дробизева, 2020], а также комплекс историко-культурных, политических и морально-правовых характеристик [Тишков, 2008–2016]. При этом эмоции сопутствуют практически всем составляющим российской идентичности.

Следует отметить, что если в психологии существует аналитическое разделение эмоций и чувств (эмоции лабильны и кратковременны, чувства более стабильны и долгосрочны)³, то в социологии четкого размежевания этих категорий пока не произошло [Ильин, 2016]. Говоря об эмоциональных компонентах российской идентичности, мы не дифференцируем устойчивые и кратковременные эмоциональные и аффективные состояния, участвующие в ее формировании, и используем понятия «эмоции» и «чувства» как синонимы. Таким образом, предметом нашего анализа являются *эмоции и чувства позитивного и негативного спектра, вовлеченные в процесс идентификации с Россией*.

Задачи статьи – исследовать эмоциональные компоненты российской идентичности; выявить факторы, обуславливающие динамику позитивных и негативных чувств к России; рассмотреть моральные эмоции, вовлеченные в процесс формирования российской идентичности. В качестве эмпирической базы используются данные всероссийского

² По данным репрезентативных всероссийских социологических исследований в 2019 г. «часто» ощущали общность с гражданами России 67% респондентов, в 2020 г. – 19%. В 2015 г. «в значительной степени» ощущали общность с гражданами России 27% респондентов. Описание выборки этих исследований см. ниже.

³ Козлов Н.И. Эмоции и чувства // Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/emocii_i_chuvstva (дата обращения: 15.07.2021).

репрезентативного опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2020 г.⁴, опроса по программе научных исследований РАН за 2020 г.⁵, а также материалы СМИ за 2020 г., собранные и проанализированные с помощью автоматизированной системы «Медialogия»⁶. Для иллюстрации некоторых наблюдений и выводов привлекаются данные второй волны мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН за 2015 г., опросов ФАДН-ВЦИОМ за 2019 г.⁷, Левада-Центра и ФОМ, а также интервью с экспертами в области образования, науки и журналистики, проведенных Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН в 2020 г.

Теоретические подходы к исследованию эмоциональной составляющей национальной идентичности. Большим потенциалом для изучения эмоциональной составляющей российской идентичности обладают теория социальной (психосоциальной) идентичности и социология эмоций. Для сторонников первой идентичность представляет собой единство личностной и социальной идентичностей, она динамична и теснейшим образом связана с текущими общественными трансформациями, культурными, религиозными и историческими контекстами [Эриксон, 1996]. Фундаментальным условием успешного социального взаимодействия и стабильности социальной идентичности являются формирование и защита позитивных представлений о группе или сообществе, к которым принадлежит человек, и формирование соответствующих *позитивных эмоций* [Tajfel, Turner, 1986]. Эмоциональный компонент в значительной мере определяет интенсивность идентичности и обеспечивает ее изменчивость: в случае с российской идентичностью – «флуктуацию» от солидарности со всеми россиянами и Россией до отчуждения от них.

Обращение к социологии эмоций позволяет по-новому подойти к изучению эмоциональной компоненты российской идентичности и расширить представления о роли эмоций в становлении общероссийской солидарности. О. Симонова, изучающая процесс институционализации этого направления исследований, отмечает, что сегодня практически каждая социологическая школа включает в рассмотрение эмоции как «реакции, вписанные в социальный порядок и поддерживающие его» [Симонова, 2016]. Один из главных тезисов – эмоции встроены в социальную структуру общества и являются неотъемлемым свойством социальных отношений. Они имеют социальную природу и являются побудительной силой коллективного поведения, «связующим звеном» между социальной структурой и актором [Barbalet, 1999: 27], а также ресурсом, вовлеченным в легитимацию деятельности социальных институтов [Turner, 2010].

Эмоции регулируются и контролируются обществом, формируются в определенной социокультурной среде и соответствуют ее нормам. Так, существуют, например, «правила для чувств» – предписанные нормы эмоциональных переживаний, адекватные текущим ситуациям и социальным ожиданиям, для соответствия которым проводится «эмоциональная работа» – сознательное управление собственными эмоциями [Хокшильд, 2019: 103–105].

Концептуальные подходы, сформировавшиеся в рамках социологии эмоций, применимы к исследованию эмоционального измерения социальных макроидентичностей, в том числе российской национально-гражданской идентичности. В частности, в этом контексте важен тезис Т. Шеффа о том, что эмоции – это *переживание социальной связи* [Scheff,

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>; <http://www.hse.ru/rhms> (дата обращения: 15.05.2021). В 2020 г. в рамках мониторинга было опрошено 14 007 чел. в 39 регионах РФ.

⁵ Общероссийский репрезентативный опрос по программе научных исследований РАН проводился в 22 субъектах РФ методом face-to-face интервью (N = 2000).

⁶ Мониторинг соцмедиа и СМИ // Медialogия. URL: <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 15.05.2021). Автор статьи благодарит П.В. Фадеева за помощь в сборе данных.

⁷ Общероссийский опрос, осуществленный ВЦИОМ по заказу ФАДН в ноябре 2019 г. по многоступенчатой стратифицированной случайной выборке с элементами целенаправленного отбора (N = 2000).

2000]: эмоции сопутствуют идентификации и включены в структуру идентичности, которая обеспечивает связь человека с воображенным и реальным сообществом, а также интенсивность этой связи. По мнению А. Хокшильд, эмоции выполняют сигнальную функцию в общественных взаимодействиях – они всегда являются индикатором того, что какое-то явление привлекает внимание актора [Хокшильд, 2019]. Применительно к анализу российской идентичности можно говорить о том, что характер чувств к России и их динамика сигнализируют о событиях, представляющих угрозу позитивной российской идентичности или, наоборот, укрепляющих ее.

Для анализа эмоциональных компонент российской идентичности также важно понятие *моральных эмоций*, которые сопряжены с оценкой ситуации – с одобрением или неодобрением ее с моральных позиций – и поддерживаются моральными представлениями. Моральные эмоции рассматриваются как «чувства, связанные с оценкой себя и других в соответствии с моральными кодами общества» [Симонова, 2014], как основа поддержания социального порядка в современном обществе. В условиях упадка традиционной религиозности именно моральные эмоции поддерживают положительные социальные связи и сплочают общество.

Исследования эмоций проводятся и в российской социологии, однако они не выделяются в самостоятельное направление. Эмоции изучаются в контексте травмы российского общества (Ж.Т. Тощенко), его «эмоционального баланса» (Ю.А. Левада), российского менталитета (А.В. Юревич), социальных настроений (С.В. Харченко), социального самочувствия (исследования Левада-Центра), влияния общественной эмоциональной атмосферы на текущий политический процесс (М.К. Урнов). Социальные чувства изучаются как «массовидные духовно-психологические образования» [Горшков, 2021]. Л.Д. Гудков отмечает, что россиянам свойственна тревожность, а также «рессентиментный национализм», формирующийся на основе фрустраций по поводу несправедливости социального порядка и чувств «неполноценности и ущербности, подавляемого раздражения, не имеющего выхода» [Гудков, 2015: 147]; тревожность в глазах автора приобретает свойство российского национального характера.

Патриотические эмоции. Эмоциональное содержание российской идентичности чаще всего рассматривается в исследованиях патриотизма. В его основе, согласно Толковому словарю русского языка В. Даля, лежит любовь к Отечеству, забота о его благе⁸. В.К. Левашов отмечает, что патриотизм выражает собой «общественный и нравственный принцип», характеризующий отношение граждан к своей стране [Левашов, 2006]. В таком ракурсе патриотизм можно рассматривать как одну из моделей российской идентичности. При этом связь патриотизма с идеологией создает риски политического манипулирования этим элементом общественного сознания. С позиций социологии эмоций, в патриотизме как идеологии воплощается *нормативный характер* эмоционального компонента российской идентичности, который формируется благодаря воспитанию. Наравне со стихийной эмоциональной приверженностью России и россиянам патриотизм предполагает изрядный объем «эмоциональной работы», волевые усилия, направленные на управление чувствами, – культивирование позитивных эмоций в отношении России и сдерживание негативных. Благодаря эмоциональной работе процесс идентификации со своей страной (или ее избегания) может быть осознанным и намеренным: человек может развивать в себе благодарность и сочувствие, эмпатию и любовь к России, либо, напротив, развивать и питать негативные чувства к России и возвращать в себе отчуждение от нее.

Когда патриотические эмоции наделяются оттенком долженствования, то подавляется динамичность и пластичность повседневных, нередко негативных эмоциональных состояний, которые вовлекаются в процесс идентификации с Россией. Поощрение исключительно положительных, нередко идеализированных чувств приводит к тому, что

⁸ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dal.slovaronline.com/24625-PATRIOT> (дата обращения: 22.07.2021).

эмоции негативного спектра вытесняются из общественного обсуждения и подавляются. Вопрос о том, насколько уместно общественное обсуждение негативных эмоций, связанных с идентификацией с Россией, требует отдельного рассмотрения. Пока же отметим, что именно патриотические эмоции, в основе которых лежат как искренняя любовь, гордость и уважение к стране, так и нормативные аналоги этих чувств, обеспечивают сплоченность общества, разделяемую всеми позитивную «эмоциональную энергию» [Collins, 1990], создающую чувство общероссийского единства.

Согласно данным ФОМ, в представлениях большинства россиян (53%) люди становятся патриотами под влиянием патриотического воспитания; чуть меньше половины опрошенных (42%) считают, что это происходит по иным причинам⁹. Сегодня в РФ приняты меры, направленные на закрепление патриотических чувств как нормативного эмоционального компонента российской идентичности. В июле 2020 г. был принят Федеральный закон¹⁰ об обязательном патриотическом воспитании в школах, учреждениях высшего и среднего образования. Эта инициатива подкрепляется новой статьей Конституции РФ (ст. 67.1.4), в которой воспитание патриотизма у детей позиционируется как важнейший государственный приоритет.

В формировании эмоциональной составляющей российской идентичности важную роль также играет праздничная культура, которая выступает хранилищем и аккумулятором чувств, сопряженных с празднуемым событием или датой. Всеобщее празднование Дня Победы и эмоциональное единение в шествии «Бессмертный полк» способствует накоплению позитивного «эмоционального заряда» [Collins, 1990], формирующего российскую идентичность. Общенациональным праздником постепенно становится и День России: в 2021 г. о нем знали уже 73% наших соотечественников (по сравнению с 62% в 2006 г.)¹¹. Религиозные праздники преобладающей конфессии, возможно, также вносят свой вклад в общероссийскую солидарность и идентичность этнического большинства.

«Гордость за Россию», «стыд за Россию» и «вера в Россию» в СМИ и социальных сетях. Эмоции, прежде всего страх, гнев, стыд и гордость, не только имеют значение для индивидуальной жизни, но и играют фундаментальную роль в социальных процессах [Симонова, 2016]. Гордость и стыд считаются наиболее важными моральными эмоциями, оказывающими влияние на формирование социальных связей. Стыд возникает как эмоциональный ответ на нарушение моральных норм, в то время как гордость – на соответствие этим нормам. По мнению Т. Шеффа, эти эмоции, возникающие на микроуровне, могут проявляться и аккумулироваться на национальном и межнациональном уровнях [Scheff, 2000].

В психологии гордость и стыд именуются эмоциями самосознания (вторичными), которые, в отличие от первичных эмоций (счастье, удивление, возмущение, отвращение, опасение и грусть), обусловлены культурным влиянием. В частности, стыд понимается как эмоция, возникающая в результате столкновения и несоответствия идеального и реального «Я» [Ильин, 2016]. Но социологическая концептуализация стыда отличается от психологической. В социологии эмоций стыд понимается как группа чувств, главное содержание которых – «реакция на отвержение», «чувство неудачи», «низкая самооценка» [Симонова, 2014], сопутствующие состоянию ressentiment. Ситуация, вызывающая чувство коллективного стыда, представляет собой угрозу общественной целостности, поскольку ведет к гневу, разрыву социальных связей и отчуждению [Scheff, 2000]. В свою

⁹ По данным всероссийского телефонного опроса (N = 1000), проведенного 2 августа 2020 г.: Критерии патриотизма // Официальный сайт Фонда Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/Tsenosti/14446> (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁰ Федеральный закон № 304-ФЗ от 31.07.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/ (дата обращения: 25.05.2021).

¹¹ 12 июня – День России // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/12-ijunja-den-rossii> (дата обращения: 19.07.2021). По данным инициативного всероссийского телефонного опроса (N = 1600), проведенного 11 июня 2021 г.

очередь гордость, напротив, способствует поддержанию этих связей, коллективной идентичности и позитивной солидарности.

Для эмпирического изучения эмоциональной составляющей российской идентичности мы обратились к материалам СМИ и социальных медиа, которые могут рассматриваться как активные агенты, оказывающие прямое влияние на эмоциональную систему общества и формирование национальной идентичности. Для этого мы выбрали категории «гордость» и «стыд», поскольку они представляют собой обобщенные эмоциональные паттерны, связанные с моральными переживаниями и придающие российской идентичности оценочный характер, позитивный или негативный. Мы включили в анализ также категорию «вера в Россию», которую можно отнести к эмоциональным переживаниям морального свойства, отражающим доверие к стране, веру в ее будущее и способность к поступательному развитию.

С помощью автоматизированной системы анализа СМИ и социальных медиа «Медиалогия» мы посчитали количество сообщений в газетах, журналах, информагентствах, блогах и других интернет-ресурсах, на телевидении и радио¹², где употреблялись эмоционально-насыщенные словосочетания «вера в Россию», «гордость за Россию», «стыд за Россию», за период с 1 ноября 2019 г. по 31 октября 2020 г. Отметим, что изучаемый период был осложнен развитием пандемии COVID-19.

Исследование носило разведывательный характер. Подсчет и сравнение количества сообщений, содержащих данные словосочетания, сравнение суммарных медиаиндексов¹³ показывают не только обсуждение данных чувств к России в СМИ и социальных сетях, но и их «заметность» и репрезентацию в позитивном или негативном контексте, что оказывает непосредственное влияние на характер и содержание формирующейся российской идентичности.

Результаты показали следующее.

1. Эмоциональная категория «стыд за Россию» вообще не прозвучала в сообщениях СМИ в течение этого времени: не нашлось ни одного сообщения, где упоминалось бы это словосочетание.

2. Эмоциональная категория «вера в Россию» была представлена в СМИ. Количество сообщений, содержащих данное словосочетание, составило 311. Большинство упоминаний (86%) носило нейтральный характер, доли позитивных и негативных сообщений составили 5 и 9% соответственно. Значение суммарного медиаиндекса, отражающего, насколько ярко и позитивно объект представлен в СМИ, составило 1056. Наиболее упоминаемые слова в этой категории (в порядке убывания частоты в сообщениях): «Россия», «русские», «гражданство», «Конституция», «вера», «справедливость», «народ».

Анализ сообщений показал, что «вера в Россию» включает в себя целый спектр эмоциональных состояний, которые используются в различных, порой диаметрально противоположных контекстах и наделяются разным содержанием. Несмотря на то что это содержание преимущественно позитивное, негативные смыслы также присутствуют. Разброс мнений очень широк – от искренней веры в то, что «Бог любит Россию» и «Господь на нашей стороне» и поэтому Россия возродится как империя в масштабах, значительно превышающих ее дореволюционные размеры¹⁴, до пессимизма и сарказма: «Но как поверить в Россию?... Россия же не делает ничего, чтобы в нее поверили! Россия же делает

¹² «Медиалогия» как система поиска и анализа информации осуществляет автоматический мониторинг в режиме реального времени свыше 60 тыс. источников СМИ и 900 млн аккаунтов в социальных сетях. URL: <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 15.05.2021).

¹³ Медиаиндекс рассчитывается автоматически и отражает «яркость», актуальность контента в поле СМИ и социальных медиа, его обсуждаемость. Чем выше значение медиаиндекса, тем более позитивен образ изучаемого объекта.

¹⁴ Охлобыстин И. Господь на нашей стороне // Авторский блог. 13.01.2020. URL: <https://zavtra.ru/blogs/ohlobistin> (дата обращения: 15.07.2021).

только то, чтобы в нее не верили!»¹⁵. В сообщениях на эту тему представлены обзоры религиозной ситуации и культурных мероприятий, размышления о будущем России и ее истории, тексты патриотической ориентации. Значительная часть сообщений посвящена словам президента РФ В.В. Путина, сказанным им лауреатам государственных премий 2020 г., о том, что в его окружении нет людей, не верящих в Россию.

3. Эмоциональная категория «гордость за Россию» шире представлена в СМИ. Этой теме посвящено в три раза больше сообщений, чем «вере в Россию», – 1044, при этом их большая часть (515 сообщений) приходилась на август 2020 г., когда отмечается День Государственного флага РФ. Как и в предыдущем случае, основной массив сообщений (89%) имел нейтральный характер. Доля сообщений позитивной направленности составила 5%, негативной – 6%. Значение суммарного медиаиндекса в пять раз выше по сравнению с аналогичным показателем для сообщений, связанных с верой в Россию, – 5568, что характеризует «гордость» как более влиятельную и ресурсную эмоцию, оказывающую воздействие на формирование российской идентичности. Гордость за Россию чаще всего звучала в связи с упомянутым выше праздником и высказыванием президента РФ о том, что он испытывает гордость за Россию и россиян в пандемию: «Я в очередной раз в самые тяжелые моменты развития пандемии испытал и, честно скажу, испытываю чувство гордости за Россию, за наших граждан, за их готовность делать друг для друга все возможное»¹⁶. Наиболее упоминаемые слова по этой теме (в порядке убывания частоты в сообщениях): «флаг», «триколор», «государственный», «гордость», «Путин», «Россия».

Моральные эмоции «гордость за Россию» и «вера в Россию» широко представлены в СМИ, и эта тенденция отражает и поддерживает позитивные тренды формирующейся российской идентичности. При этом в отсутствие в поле СМИ моральной эмоции «стыд за Россию» проявляется, возможно, стратегия общественного самосохранения, поскольку артикулированные эмоции стыда в отношении своей страны в состоянии нанести серьезный ущерб социальным связям и поколебать целостность и устойчивость формирующейся национальной идентичности. Это наблюдение позволяет дискутировать с выводами некоторых социологов о постоянном рессентименте как черте российского национального характера, включающего такие эмоции, как обида и зависть к Западу, самоумаление, недостаток самоуважения, дефицит гордости, стыд за Россию [Гудков, 2015].

Скорее, можно говорить о том, что рессентимент присутствует в структуре российской идентичности, но не представляет угрозу для ее позитивного развития. В экспертных интервью звучат представления о том, что негативные эмоции также включаются в содержание российской идентичности. Отмечается, что все чувства, связанные с идентификацией с Россией, в том числе негативные (например, «ощущение тревоги, связанное с этой страной»; «ощущение чувства вины за Россию в связи с какими-то историческими событиями»), «работают» в пользу общероссийского единства, за исключением равнодушия, и сопутствуют формированию российской идентичности:

«На формирование общности “работают” все чувства, связанные со своей страной и направленные на ее укрепление, включая боль, тревогу, возмущение и прочие. Главное – не быть равнодушным» (эксперт, преподаватель).

«Обидно и досадно тогда, когда мы видим свои не совсем хорошего качества дороги, когда видим пьянствующих людей среди своих одноклассников и соседей, когда видим, что мама одинокая в деревне осталась, а дети не ухаживают. Это стыдно. Что я могу сделать? У нас много ресурсов, и дороги должны быть ровные, но этого нет» (эксперт, сфера науки).

Но как показывают наши исследования, чувства рессентимента, участвуя в формировании российской идентичности, не носят массового и всеобъемлющего характера.

¹⁵ Яркевич И. Темная личность // Независимая Газета. 19.02.2020. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-02-19/12_1018_russia.html (дата обращения: 15.07.2021).

¹⁶ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://news.mail.ru/society/43858865> (дата обращения: 22.07.2021).

Согласно данным всероссийских опросов 2020 г. (см. ниже табл. 1), «обиду и стыд» в отношении России чувствуют 15–16% россиян, а «возмущение» – 10–13%.

Чувства к России в массовых настроениях. Для формирования уверенной и ярко выраженной российской идентичности важны положительные эмоции, сопровождающие процесс идентификации с Россией. Согласно репрезентативным общероссийским опросам ИС ФНИСЦ РАН, проведенным в 2015 и 2020 гг., а также опросу RLMS-HSE за 2020 г. (табл. 1), в массовых настроениях жителей страны преобладают позитивные чувства к России – любовь, гордость и уважение¹⁷. Наиболее устойчивым и распространенным чувством можно считать уважение (его отметили 26% респондентов в 2015 г. и 25–28% в 2020 г.).

Эмоции в отношении России во многом обусловлены текущими социальными условиями и общественными вызовами. Во время пандемии фиксируется ослабление позитивных чувств и усиление негативных, таких как равнодушие, обида и стыд, возмущение. Если в 2015 г. общий уровень позитивных чувств составлял 67%, то в 2020 г. он снизился до 50–55%. Количество упоминаний гордости за Россию, которую в 2015 г. испытывали четверть россиян (24%), в 2020 г. снизилось до 16%. При этом общий уровень негативных чувств, в 2015 г. составлявший 18%, в 2020 г. поднялся до 35–37% (табл. 1).

Таблица 1

Чувства, выражающие личное отношение к современной России, 2015–2020 гг.

(в % от числа опрошенных)

Главное чувство, которое выражает личное отношение к современной России	2015 ФНИСЦ РАН	2020 ФНИСЦ РАН	2020 RLMS-HSE
Любовь	17	11	11
Гордость	24	14	16
Уважение	26	25	28
Общий уровень позитивных чувств	67	50	55
Равнодушие	5	9	9
Обида, стыд	7	16	15
Возмущение	6	10	13
Общий уровень негативных чувств	18	35	37
Затруднились ответить	15	15	8

Как отмечалось выше, в сообщениях СМИ за изучаемый период (с ноября 2019 г. по 31 октября 2020 г.) эмоциональная категория «стыд за Россию» ни разу не упоминалась. Однако всероссийские опросы, проведенные в 2020 г., показывают, что среди чувств к России «обиду и стыд» назвали 15–16% респондентов. По сравнению с 2015 г. «вес» этих эмоций заметно вырос. Представляется, что снижение уровня позитивных чувств и нарастание негативных в последние годы обусловлено социальной травматизацией, усилением страхов, появлением новых ограничений и рисков, связанных с пандемией, а также недовольством действиями властей в условиях пандемии.

Несмотря на описанное выше мнение о том, что любые эмоции, за исключением равнодушия, играют важную роль в формировании общероссийского единства, мы полагаем, что стыд – опасная для российской идентичности эмоция, поскольку она разрушает социальные связи и *травмирует чувство причастности к России*. В отличие от нее, другие негативные эмоции, связанные с переживанием общих бед и поражений, такие как горечь или скорбь, сплавляют, а не разделяют людей. Согласно исследованию ИС ФНИСЦ РАН (2020 г.), совокупная доля тех, кто считает, что «память о пережитых трагедиях, потерях и поражениях» и «пережитые социальные и экономические кризисы и трудности» объединяют россиян, достигает 38%.

¹⁷ Во всех опросах респондентам задавался одинаковый вопрос: «Назовите главное чувство, которое выражает ваше личное отношение к сегодняшней России». Описание выборки данных опросов см. выше.

Таблица 2

**Чувства к России в зависимости от удовлетворенности/неудовлетворенности работой,
оплатой труда, жизнью в целом, 2020 г.
(в % от числа опрошенных)**

Чувства к России	Удовлетворены	И да, и нет	Не удовлетворены
Насколько вы удовлетворены или не удовлетворены вашей работой?			
Позитивные чувства к России (<i>любовь, гордость, уважение</i>)	56	42	35
Негативные чувства к России (<i>равнодушие, обида и стыд, возмущение</i>)	36	48	58
Насколько вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой вашего труда?			
Позитивные чувства к России (<i>любовь, гордость, уважение</i>)	58	54	40
Негативные чувства к России (<i>равнодушие, обида и стыд, возмущение</i>)	33	37	51
Насколько вы удовлетворены или не удовлетворены своей жизнью в целом?			
Позитивные чувства к России (<i>любовь, гордость, уважение</i>)	62	51	44
Негативные чувства к России (<i>равнодушие, обида и стыд, возмущение</i>)	31	40	48

В большей степени ослабление позитивных и усиление негативных чувств к России в период пандемии проявлялось среди респондентов, *неудовлетворенных работой, зарплатой и жизнью в целом*. Серьезным стимулом к этому послужили ограничительные меры, которые привели к массовым фрустрациям в связи с сокращением рабочих мест и снижением уровня доходов населения. Если в среднем в 2020 г.¹⁸ любовь, гордость и уважение к России испытывали 55% жителей страны, то среди неудовлетворенных работой и зарплатой – 35 и 40% соответственно (табл. 2). А уровень негативных чувств (равнодушие, обида и стыд, возмущение в отношении России) среди респондентов из этой категории превышает 50% (в сравнении с 37% в среднем)¹⁹. Среди удовлетворенных своим материальным положением россиян уровень позитивных чувств к стране поднимается до 65%, а уровень негативных – снижается до 27%.

Удовлетворенность жизнью, выражая интегральное качество субъективного благополучия, наравне с удовлетворенностью работой, зарплатой и материальным положением, непосредственным образом способствует формированию позитивных чувств к России. Среди «в целом удовлетворенных жизнью» россиян уровень позитивных эмоций (любовь, гордость и уважение к стране) достигает 62%, среди неудовлетворенных он снижается до 44% (табл. 2).

Благоприятной можно считать тенденцию, в соответствии с которой позитивные чувства к России связаны с гражданским измерением российской идентичности. Среди тех, кто связывает свою российскую идентичность с «ответственностью за дела в стране», уровень позитивных эмоций к России вырастает до 61% (по сравнению с 50% в среднем).

Заключение. Национально-гражданская идентичность наравне с другими социальными идентичностями имеет эмоциональную составляющую, которая поддерживает мотивацию принадлежности к макрообщности или ее избегания. Эмоции в значительной мере определяют интенсивность и изменчивость идентичности. В связи с этим чувства по отношению к России служат важным индикатором внутрироссийской консолидации.

Российскую идентичность целесообразно рассматривать в процессуальном ракурсе, поскольку идентификация жителей страны с Россией и своими соотечественниками происходит

¹⁸ По данным опроса RLMS-HSE.

¹⁹ Здесь и далее статистическая значимость выявленных различий проверялась критерием связи χ^2 ($p \leq 0,01$).

постоянно и зачастую неосознанно, под влиянием множества ситуационных факторов – например, культурного и политического характера. Уважение к России на протяжении рассмотренного нами периода (2015–2020 гг.) оставалось наиболее стабильной и распространенной эмоцией. Однако если в 2015 г. среди населения преобладали позитивные эмоции к стране, то в 2020 г. произошло их ослабление, а негативные эмоции (при сохраняющемся преобладании позитивных) стали более распространенными. Во многом это связано с режимом социальных ограничений, вызванными пандемией. Важными факторами стали также некоторые показатели субъективного благополучия: удовлетворенность работой, оплатой труда и жизнью в целом. Среди респондентов, удовлетворенных этими аспектами, общий уровень позитивных чувств к России значительно выше по сравнению со средними значениями, как и среди тех, для кого общность с Россией связана с «ответственностью за дела в стране».

Важную роль в процессе формирования российской идентичности играют моральные эмоции – гордость и стыд за Россию, а также вера в нее. Положительная эмоция гордости была широко представлена в материалах СМИ за 2019–2020 гг. Эмоциональная категория «вера в Россию» в сообщениях СМИ была более противоречивой: в наших данных она была связана как с уверенностью в том, что у России достойное уважения настоящее, прошлое и будущее, так и с сомнением в этом. Моральная эмоция «стыд за Россию», несмотря на то что она проявляется в массовых настроениях россиян, отсутствовала в материалах СМИ за изучаемый период. Возможной причиной этого может служить стратегия общественного самосохранения: избегание артикулирования чувства стыда за страну во избежание нанесения серьезного ущерба социальным связям и нарушения целостности и устойчивости российской идентичности. Исследование показывает, что большинство россиян испытывают позитивные эмоции в отношении своей страны (любовь, гордость, уважение). Чувства рессентимента (обида, стыд, возмущение) участвуют в формировании российской идентичности, однако они не носят массового и всеобъемлющего характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250012674-4.
- Гудков Л.Д. Рессентиментный национализм // Политическая концептология. 2015. № 4. С. 102–187.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Ильин В.И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 28–40. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.402.
- Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 67–76.
- Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 405–413.
- Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 12–27. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.401.
- Симонова О.А. Социология эмоций и социология морали: моральные эмоции в современном обществе // Социологический ежегодник, 2013–2014. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 148–187.
- Тишков В.А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник российской нации. Спецвыпуск 2008–2016. № 51. С. 33–43.
- Хокшильд А. Управляемое сердце: коммерциализация чувств / Пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. В. Данилова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Barbalet J.M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Collins R. Stratification, Emotional Energy, and the Transient Emotions // Research Agendas in the Sociology of Emotions / Ed. by T.D. Kemper. New York: State University of New York Press, 1990. P. 27–57.

- Scheff T.J. Shame and the Social Bond: A Sociological Theory // *Sociological Theory*. 2000. Vol. 18. No. 1. P. 84–99.
- Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by S. Worchel, V.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
- Turner J.H. The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations // *Sociological Inquiry*. 2010. Vol. 80. No. 2. P. 168–199.

Статья поступила: 26.07.21. Принята к публикации: 03.03.22.

EMOTIONAL COMPONENT OF THE ALL-RUSSIAN IDENTITY: POSITIVE AND NEGATIVE CONTEXTS

RYZHOVA S.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Svetlana V. RYZHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (Silica2@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was funded by RFBR, project No. 20-011-00241.

Abstract. The paper offers the results of the study dedicated to the All-Russian identity on the basis of theory of social identity and sociology of emotions. It describes the analysis of the representation of moral emotions (pride, faith and shame vs Russia) in media during 2019–2020. Positive emotions were widely represented there, while negative emotion of shame posing a threat to positive All-Russian identity is not mentioned, although it is present in the public opinion of Russians. The dynamics of feelings towards Russia is analyzed basing on All-Russian sociological surveys in 2015, 2020. It is noted that the structure of All-Russian identity is dominated by positive emotions – love, pride and respect for the country. Indignation, resentment and shame are also present in the Russian identity, but they are not of a mass nature. There is a decrease in the level of positive emotions and an increase in the level of negative emotions towards the country in 2020. The article reveals an interdependence of the emotional component of All-Russian identity and some indicators of subjective well-being – satisfaction with work, wages and life in general.

Keywords: national and civil identity, All-Russian identity, emotions and feelings towards Russia, moral emotions, sociology of emotions.

REFERENCES

- Barbalet J.M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins R. (1990) Stratification, Emotional Energy, and the Transient Emotions. In: Kemper T.D. (ed.) *Research Agendas in the Sociology of Emotions*. New York: State University of New York Press: 27–57.
- Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.)
- Erickson E. (1996) *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2021) To the Issue of Sociology of Collective Spiritual Phenomena (Theoretical and Methodological Aspect). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250012674-4. (In Russ.)
- Gudkov L.D. (2015) Ressentiment Nationalism. *Politicheskaya konceptologiya* [Political Conceptology]. No. 4: 102–187. (In Russ.)
- Hochschild A.R. (2019) *The Managed Heart. Commercialization of Human Feelings*. Moscow: Izd. dom "Delo" RANHiGS. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (2016) "Feelings" and "Emotions" as Sociological Categories. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psihologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. No. 4: 28–40. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.402. (In Russ.)
- Levashov V.K. (2006) Patriotism in the Context of Modern Socio-Political Realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 67–76. (In Russ.)
- Scheff T.J. (2000) Shame and the Social Bond: A Sociological Theory. *Sociological Theory*. Vol. 18. No. 1: 84–99.

- Semenenko I.S. (2017) National Identity. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identity: The Individuals, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Moscow: Ves' mir: 405–413. (In Russ.)
- Simonova O.A. (2014) Sociology of Emotions and Sociology of Morality: Moral Emotions in Contemporary Society. In: *Sociological Yearbook, 2013–2014*. Moscow: INION RAN: 148–187. (In Russ.)
- Simonova O.A. (2016) Basic Principles of the Sociology of Emotions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psihologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. No. 4: 12–27. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.401. (In Russ.)
- Tajfel H., Turner J. (1986) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin V.G. (eds). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall: 7–24.
- Tishkov V.A. (2008–2016) National Identity (on the Meaning of Debates). *Vestnik rossiyskoy natsii. Spetsvypusk* [Bulletin of the Russian Nation. Special Issue]. No. 51: 33–43. (In Russ.)
- Turner J.H. (2010) The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations. *Sociological Inquiry*. Vol. 80. No. 2: 168–199.

Received: 26.07.21. Accepted: 03.03.22.

Г.Ф. РОМАШКИНА, В.А. ДАВЫДЕНКО, Е.В. АНДРИАНОВА

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КОМПОНЕНТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КАПИТАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

РОМАШКИНА Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля (g.f.romashkina@utmn.ru); ДАВЫДЕНКО Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра (v.a.davydenko@utmn.ru); АНДРИАНОВА Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН (Тюмень), (e.v.andrianova@utmn.ru). Все – Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Аннотация. На основе базы данных социологического опроса в 2020 г. в Тюменской области ($N = 1096$) рассмотрены взаимосвязи компонентов человеческого, социального и психологического капиталов, измеряемых как по объективным характеристикам респондентов, так и по их самооценкам. Построены модели деревьев иерархии для классификации влияния различных индивидуальных ресурсов на параметры человеческого, социального и психологического капиталов. В число факторов трех видов капитала включена трудовая мотивация. В результате проверки согласованности классической модели Минсера с самооценками человеческого, социального и психологического капиталов установлено, что рост самооценок человеческого капитала сильно замедляется после достижения медианного дохода, дальнейший прирост обеспечивается повышением стажа работы. Люди более успешно оценивают свои социальные связи на работе при значительно более высоком, чем средний, уровне трудового дохода, а ориентация на вознаграждение снижает самооценки социального капитала. На эмпирических данных установлено, что следование внутренней мотивации способствует психологическому благополучию личности, что, в свою очередь, ведет к росту трудового дохода.

Ключевые слова: человеческий капитал • социальный капитал • психологический капитал • человеческие ресурсы

DOI: 10.31857/S013216250017012-6

На протяжении последних десятилетий научные исследования показали, как ресурсы человека, объединяемые концепцией человеческого капитала в широком смысле слова¹, влияют на результативность индивидов и различных общностей. При этом человеческий капитал (ЧК) либо рассматривался как ресурс работника (ЧК индивида), либо изучался как вклад работников в эффективность фирмы (ЧК фирмы). В то же время экономисты и социологи всегда соглашались, что применение концепции ЧК ограничивается недостаточно развитыми методами измерения тех навыков, которые называют «мягкими», связанными с личными качествами работников (в отличие от «жестких», выработанных в процессах обучения и труда).

Обществоведы на эмпирических данных изучают взаимосвязи между различными видами капитала и ресурсов человека, в результате чего активно развивается

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07131.

¹ В современной научной литературе термин «человеческий капитал» используется как в первоначальном узком смысле (как у Г. Беккера и Т. Шульца), так и в широком смысле, как обозначение всех человеческих ресурсов.

традиция интеграции разных человеческих ресурсов в один конструкт [Harris et al., 2019; Kerksieck et al., 2019; Slåtten et al., 2019]. Однако в российской социологической науке до сих пор не было попыток имплементировать разные ресурсы, воплощенные в людях-работниках, в один целостный конструкт, хотя за рубежом усилия по интеграции различных типов человеческих ресурсов наблюдаются на понятийном уровне достаточно давно, уже с 1970-х гг. (см., напр.: [Pecsei, 2016]).

Авторы намерены далее предложить свой подход к интеграции разных человеческих ресурсов. Для этого на эмпирических данных будет рассмотрена взаимосвязь трех видов этих ресурсов, описываемых концептами ЧК (в узком смысле слова), «социальный капитал» и «психологический капитал». Напомним их содержание.

Теории человеческих ресурсов. Теория ЧК предполагает, что вложения в людей (их обучение, воспитание и т.д.) окупятся в будущем. Соответствующий термин впервые ввёл Д. Минсер для объяснения взаимосвязей между персональным распределением доходов и полученным профессиональным обучением [Mincer, 1958]. Г. Беккер активно поддержал этот принцип в контексте экономического подхода к человеческому поведению в целом [Becker, 1964]. В дефиницию ЧК изначально включались «запасы» образования (знаний, навыков, опыта), здоровья, мотиваций и интеллекта. Трудовые мотивации при этом раскрывались через конструкты самоопределения/самодетерминации (self-determination) [Ryan, Deci, 2017].

Современные представления весьма расширили спектр видов капиталов как ресурсов человека. В частности, ЧК в трактовке К. Голдин представлен как набор привычек, знаний, талантов, здоровья и опыта работников, иных социальных и личностных качеств, позволяющих создавать экономическую ценность [Goldin, 2019: 147]. Производство ЧК через образование и обучение хорошо исследовано на основе уравнений Минсера и других экономических моделей, хотя всегда слишком многое оставалось «за пределами объяснительной силы» [Eckardt et al., 2021: 281]. Производство ЧК справедливо связывают с развитием общественного здравоохранения, внедрения достижений современной медицины [Goldin, Lawrence, 2020] и демократических институтов.

Одновременно с исследованиями причин экономического роста изучалось индивидуальное благополучие, которое не обязательно выражается в повышении производительности. В частности, В.В. Радаев еще 20 лет назад предложил трактовку восьми разных видов капитала, воплощенного в отдельных людях и в отношениях между ними, продемонстрировав процедуры их взаимной конвертации [Радаев, 2002: 26].

В российской научной литературе широко распространено не только общетеоретическое, но и эмпирическое изучение человеческих ресурсов – в частности, тестирование уравнения Минсера с различными модификациями. На основе данных РМЭЗ ВШЭ сделаны выводы о слабом влиянии образовательной компоненты на приращение дохода респондентов [Tikhonova, 2019]. Отдача от ЧК по модели Минсера изучена также на данных опроса ФНИСЦ РАН, на основе чего сделан вывод о поселенческих диспропорциях [Аникин, 2018: 95].

В данной работе не ставится вопрос о влиянии образования на накопление ЧК. Авторы поставили перед собой иную задачу – смоделировать *самооценки* человеческих ресурсов, используя методики, широко применяемые в мировой науке, но пока не в России. Кроме того, в России практически все значимые публикации о ЧК основаны на общенациональных данных РМЭЗ ВШЭ или опросов ФНИСЦ РАН, в то время как результаты моделирования на российских региональных данных в научном дискурсе практически не представлены. Данная работа восполнит этот пробел, используя материалы по Тюменской области. Она направлена также на преодоление дефицита моделей оценки ЧК за счет включения в анализ более широкого диапазона социологических инструментов.

Человеческие ресурсы (человеческий капитал в широком смысле слова) будут рассматриваться как состоящие из трех видов капитала – человеческого (в узком смысле слова), социального и психологического капиталов.

Расширение концепта ЧК (HumCap) при помощи компонентов социального капитала (SocCap) восходит к П. Бурдьё и Д. Коулману [Bourdieu, 1986; Coleman, 1990]. Социальный капитал в классической трактовке – это отношения и связи, которые позволяют людям получать доступ к знаниям, навыкам, квалификации и другим ключевым ресурсам. Р. Патнэм предложил идею стремления индивида и общности к всеобщему благополучию при помощи сочетания структурного (сети) и социокультурного аспектов (доверие, нормы взаимности) [Putnam, 2000]. Социальный капитал возникает как эффект ожидаемых коллективных выгод от процесса сотрудничества. На микросоциальном уровне это – индивидуальный ресурс сетей актора, а на мезо- и макросоциальном уровнях – ресурс сообщества, основанный на гражданственности, доверии и социальной сплоченности [Membiela-Pollan, Atiano, 2017: 146].

HumCap и SocCap дополняют друг друга. Например, грамотные граждане способны лучше оценивать противоречивую информацию и конструктивно выражать свои взгляды [Woolcock, 2000: 9]. Динамика компонентов социального капитала в системе «человеческих качеств» по данным общероссийских опросов Института социологии РАН представлена, например, в работе [Латов, 2021], где на примере поведения россиян в условиях пандемии показано, что социальный капитал приносит выгоды, значимые для ЧК (больше доверяющие власти чаще проявляют здоровьесберегающее поведение и реже болеют).

Концепция психологического капитала (PsyCap) – относительно новый научный подход, связанный с анализом отношений, поведения и эффективности сотрудников бизнес-фирм [Avey et al., 2011]. По мнению Ф. Лютанса, PsyCap оценивает ресурсные характеристики сотрудников фирм, давая «оценку вероятности успеха, основанную на мотивированных усилиях и настойчивости персонала» [Luthans et al., 2017]. «Психологический капитал» дополняет концепт ЧК, включая в него врожденные качества индивида и результаты первичной социализации (такие как способности, таланты, психологические особенности).

Конструкт психологического капитала основан на идеях позитивной психологии. К базовым человеческим ресурсам, включаемым в PsyCap, отнесены надежда, эффективность, стойкость и оптимизм. Согласно Ф. Лютансу, именно эти четыре ресурса лучше всего подходят для моделирования, поскольку основаны на достоверно измеряемых данных, выявляющих параметры, оказывающие влияние на отношения и установки, поведение, результативность и благополучие [Luthans, Youssef, 2004].

В мировой науке в последние годы активно расширяются социологические и социально-психологические исследования, направленные на выработку рекомендаций по использованию индивидуальных ресурсов для повышения производительности труда. Например, в работе [Harris et al., 2019] показано прямое влияние ЧК, социального капитала и координации между работниками на производительность. Внимание авторов другой работы [Kerksieck et al., 2019] сосредоточено на личных ресурсах, «которые операционализируются с помощью хорошо зарекомендовавшей себя концепции психологического капитала», объединяя в батарею логистических моделей социальный капитал и индивидуальные характеристики. Есть анализ на результатах опроса работников автосалонов [Sjåtten et al., 2019], показывающий, как бизнес-организации могут использовать SocCap и PsyCap для повышения производительности труда. Отмечено, что опосредующая роль психологического капитала для повышения вовлеченности сотрудников в работу особенно заметна в период пандемии, противодействуя снижению социального и ЧК [Alshaabani et al., 2021].

Психологический капитал можно включать в концепт «некогнитивных навыков» как антитезу «когнитивным навыкам», которые приобретаются в процессе обучения и «взрослой» социализации. В. Гимпельсон с соавторами уже включали в анализ человеческих качеств некогнитивные компоненты, опираясь на данные РМЭЗ ВШЭ [Гимпельсон и др., 2020: 5]. На наш взгляд, исследование некогнитивных навыков через

инструментарий «большой пятерки»² и локуса контроля [Гимпельсон и др., 2020: 9] не в полной степени отражает их капитализацию в процессе труда, тогда как концепт психологического капитала широко применяется именно в контексте капитализации личностных качеств работника.

Далее в статье будут рассмотрены ключевые компоненты HumCap, SocCap и PsyCap в едином парадигмальном поле для обоснования комплексной ресурсной модели человека.

Методология исследования. Эмпирическое исследование было проведено в 2020 г. с применением комплексного инструментария изучения формирования и реализации различных типов капитала на уровне индивида³. Выборка репрезентативна для работающих жителей Тюменской области (без автономных округов) и состоит из 1096 человек в возрасте 20–65 лет⁴. Инструментарий включал русскоязычную версию оригинальных вопросников по HumCap и SocCap (см., напр.: [Moses, 2013]).

Самооценки степени успешности и востребованности своих навыков, знаний и умений на своей работе усреднялись через субиндекс «Специфический ЧК» (6 вопросов), а самооценки успешности/востребованности на рынке труда – через субиндекс «Общий ЧК» (6 вопросов). Индекс HumCap вычислялся как среднее от этих субиндексов⁵. Аналогично рассчитывался индекс SocCap⁶. Самооценки успешности усилий, которые люди уделяют налаживанию взаимоотношений для решения рабочих задач в своей организации, составляли индекс «Внутренний социальный капитал» (6 вопросов), а для решения задач в своей профессиональной области – «Внешний социальный капитал» (6 вопросов). Измерение психологического капитала проведено в версии PCQ12, апробированной в [Djourгова et al., 2019], путем вычисления соответствующего индекса как среднего от четырех субиндексов⁷ – «самоэффективность» (самооценка, насколько уверенно человек чувствует себя при решении рутинных рабочих задач), «надежда» (уверенность в способности достичь поставленных целей), «жизнеустойчивость» (самооценки своей самостоятельности) и «оптимизм» (насколько успешно люди ведут себя в ситуации неопределенности на работе)⁸. Все индексы и субиндексы варьировались от 0 (минимум, когда все респонденты ответили на все вопросы «совершенно не согласен») до 1 (максимум, когда все отвечали «полностью согласен»).

Логика анализа предполагает учет влияния параметров, измеренных в различных шкалах. Поскольку остается неясной направленность связей, были построены различные модели.

На первом этапе методом Exhaustive CHAID были построены деревья классификации HumCap, SocCap и PsyCap. Предварительно в модель включались следующие характеристики: пол, возраст, заработная плата, уровень образования респондента и его родителей, наличие трудового договора, семейное положение, стаж работы в данной должности и на данном предприятии, профиль образования, самооценки здоровья, количество подчиненных, наличие дополнительной занятости, связь работы с цифровыми технологиями⁹. Достоинство такого метода в том, что он не зависит от типа шкалы,

² Речь идет о таких качествах, как экстраверсия, дружелюбие (готовность к компромиссам), добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость к новому опыту.

³ Этот инструментарий ранее уже апробирован авторами [Ромашкина и др., 2020: 16].

⁴ Выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная, ошибка выборки не превышает 2,6%, метод – формализованное интервью.

⁵ 12-пунктовая альфа Кронбаха равна 0,886. Проверялась аддитивность инструментария с вычислением Т-квадрата Хотелинга на максимальном уровне значимости ($p < 0,001$).

⁶ Альфа Кронбаха равна 0,892.

⁷ Тестирование дискриминантной и конвергентной валидности русскоязычного варианта инструментария по альфа Кронбаха, корреляции по Спирмену и факторному анализу проведено ранее [Ромашкина, 2020].

⁸ Альфа Кронбаха равна 0,888.

⁹ Метод пошаговый, исключения малозначимых переменных. Критерий остановки по критериям: $p < 0,001$, минимальный размер узла – 50 наблюдений, $F > 10$, с проведением кросспроверки.

автоматизирован, выстраивает иерархию признаков и группировку уровней наблюдения по важности в соответствии с критерием статистической значимости подвыборки. На втором этапе построены регрессионные модели оценки влияния трудовых мотивов на три типа капитала человека, а на третьем – проведен анализ регрессий на основе модифицированной модели Минсера по восстановленным данным.

Анализ иерархических связей. Рассмотрим иерархические модели, которые упорядочивают признаки по критерию снижения их влияния на вариацию индексов HumCap, SocCap и PsyCap (рис.).

Согласно модели дерева иерархии, самые низкие самооценки HumCap ($M = 0,46$) дают те, кто получает зарплату не выше 22 тыс. руб. и не имеют высшего образования (узел 6 для модели человеческого капитала). При том же среднем трудовом доходе наличие высшего образования почти на 50% повышает самооценки HumCap ($M = 0,66$, узел 7). Самые высокие самооценки HumCap ($M = 0,76$) дают респонденты со стажем на текущей должности выше 12 лет и зарабатывающие более 39 тыс. руб. по основному

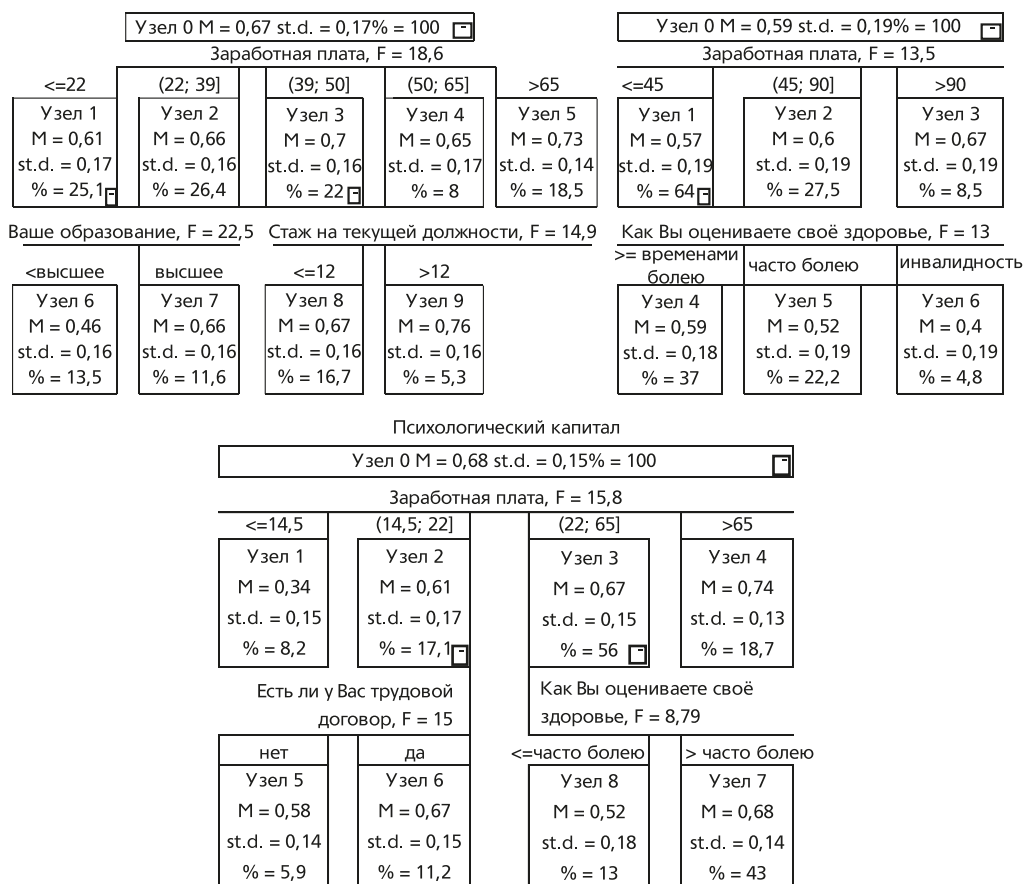

Рис. Иерархические модели HumCap, SocCap и PsyCap¹⁰

¹⁰ Основные обозначения: M – среднее значение целевой переменной (самооценок капитала); st.d. – стандартное отклонение от среднего; % – доля от выборки, F – статистика (критерий Фишера). Для проверки результатов в общей сложности было построено более 20 моделей по различным подвыборкам.

месту работы (узел 9), «опытные профессионалы». Выделенные параметры не исчерпывают факторы ЧК. С уровнем образования и стажем работы в первую очередь возрастает специфический ЧК. Общий же ЧК больше связан с внешними для данной модели факторами (например, с внешним социальным капиталом).

СосСар минимален для работников, имеющих инвалидность и трудовой доход не выше 45 тыс. руб. ($M = 0,4$, узел 6 для социального капитала). Самые высокие оценки СосСар дают респонденты, зарабатывающие более 90 тыс. ($M = 0,67$, узел 3). При этом образование и стаж работы, как оказалось, гораздо слабее влияет на вариацию СосСар.

РсуСар принимает самые высокие средние значения у респондентов с трудовым доходом выше 65 тыс. руб. ($M = 0,74$, узел 4 для психологического капитала). Самые же низкие самооценки своего психологического капитала дают респонденты, зарабатывающие менее 14,5 тыс. ($M = 0,34$, узел 1).

Из анализа иерархических моделей следует несколько значимых выводов:

- наличие устойчивого трудового дохода элиминирует негативное влияние самочувствия своего нездоровья и невысокого уровня образования на HumСар;
- высокий трудовой доход не обязательно связан с успешностью человека на работе, поскольку рост самооценок HumСар прекращается после достижения медианного дохода в подвыборке, дальнейший прирост обеспечивается приростом стажа работы;
- психологический капитал может быть сильно снижен даже для самых высокоресурсных групп при слабом ресурсе здоровья (у часто болеющих респондентов);
- человеческий и психологический капиталы прямо связаны с трудовым доходом, но признаки второго уровня для этих ресурсов различны (люди более успешно оценивают свои социальные связи на работе при значительно более высоком, чем средний, уровне трудового дохода).

Таким образом, эмпирические данные согласуются с представленной нами теорией взаимовлияния трех видов ЧК в широком смысле слова. Все эти три вида комплементарны – взаимодополняемы, а не взаимозаменяемы – друг к другу. Например, высокоресурсные социальные группы (имеющие высокие уровни образования и стажа работы) могут не столь высоко оценивать свою успешность в достижении рабочих задач в случае снижения психологических и социальных компонент. Наиболее быстро снижается такая субъективная успешность при снижении психологического капитала.

Взаимосвязь между капиталными ресурсами и трудовой мотивацией. Современные исследования мотивации делают упор на самодетерминацию, интеграцию, когнитивные оценки, каузальные ориентации, базовые психологические потребности и содержание целей [Richard, 2018]. Поэтому мы выделяем самоопределения, оценки и цели как признаки трудовых мотивов. Значимость трудовых мотивов выявлялась по ответам согласно 11-балльной шкале на вопрос «Как вы считаете, что больше всего мотивирует вас на работу?» Закрытый список мотивов (предикторов) и значимые характеристики регрессий приведены в табл. 1, все индексы нормированы от 0 до 1¹¹.

Согласно представленным данным, основные признаки, которые рассматриваются респондентами как наиболее мотивирующие их к труду (имеющие значения M свыше 0,7), – это деньги (зарплата), реальный результат труда, характер работы (является ли она интересной и содержательной), самореализация в труде, комфортные условия труда и коллектив. Это в целом согласуется с иерархией Д. Мак-Грегора, согласно которой ценность вознаграждения за труд (деньги) дополняется возможностью самореализации, оценками результатов выполненной работы (реального результата) и своих усилий (внешнего признания) [McGregor et al., 1960].

Среди выделенных базовых 6-ти мотивов 2 являются внешними (оплата и характер коллектива), а 4 внутренними. Внешние мотиваторы чаще оказываются второстепенными, что

¹¹ Регрессии вычислены пошаговым методом, позволяющим исключать наименее значимые предикторы.

Таблица 1

Коэффициенты линейных регрессий и средние значения предикторов

Трудовые мотивы-предикторы	Коэффициенты регрессий*			Средние	
	HumCap	SocCap	PsyCap	M	st.d.
Деньги		-0,064		0,82	0,23
Реальный результат	0,067	0,066	0,082	0,75	0,27
Интересная, содержательная работа			0,039	0,74	0,28
Самореализация	0,094	0,062	0,061	0,72	0,28
Комфорт				0,72	0,27
Коллектив				0,71	0,28
Статус		0,099		0,59	0,30
Внешнее признание			-0,039	0,54	0,30
Привычка	0,035	-0,044		0,47	0,31
Власть		0,076		0,36	0,30
Константа	0,546	0,482	0,576		
F**	30,53	23,68	21,64		
R-квадрат	0,261	0,321	0,254		
Стандартная ошибка оценки	0,158	0,180	0,144		
Коэффициент Дарбин-Уотсона	1,73	1,87	1,83		

Примечания. *Для коэффициентов регрессий, отраженных в таблице, $p < 0,001$. **Статистика F подтверждает статистическую устойчивость группировок.

согласуется с концепцией ресурсов самодетерминации. Коэффициенты регрессии с наибольшим влиянием на рост компонентов всех человеческих ресурсов (HumCap, SocCap и PsyCap) соответствуют самореализации работника в труде и осознанием реальных результатов своего труда. Вариация социального капитала дополняется ориентацией на внешние мотиваторы (статус и власть). Ориентация на вознаграждение (деньги) и выполнение рутинных задач (привычка) снижает самооценки социального капитала. Если следовать теории базовых потребностей, то следование внутренней мотивации обеспечивает психологическое благополучие личности. Действительно, PsyCap в наибольшей степени возрастает с поддержкой достижительной ориентации (реальный результат, самореализация) и обратно коррелирует с ориентацией на внешнее признание своих усилий на работе.

Тестирование модифицированной модели Минсера. В заключение нашего исследования мы проверили при помощи классического уравнения Минсера и его модификации, как влияет вариация самооценок человеческого, социального и психологического капиталов на вариацию трудового дохода, а также может ли эконометрическая модель отдачи от индивидуальных инвестиций в человеческий капитал быть дополнена самооценками человеческого капитала (табл. 2)¹².

Согласно модели Y1, повышение обучения на один год дает приращение трудового дохода примерно на 6%, аналогичное увеличение потенциального трудового стажа дает прирост на 4%, но с дальнейшим приростом потенциального стажа трудовой доход будет снижаться. По модели Y2 прирост самооценок на 1% дает прирост прогнозируемого дохода примерно на 1% от человеческого капитала, на 0,09% от социального капитала и на 0,27% от психологического капитала. Согласно модели Y3, совместно с количеством лет обучения и трудовым стажем индекс человеческого капитала дает прирост примерно на

¹² К сожалению, количественные выводы на основе коэффициентов регрессии на микроуровне не будут адекватными из-за большой ошибки оценки. Однако сравнение прироста уровня трудового дохода от трех видов капитала имеет высокий уровень точности. Результаты тестирования модели Y1 подобны полученным ранее другими авторами [Аникин, 2018: 105; Tikhonova, 2019: 42].

Таблица 2

Тестирование классического и модифицированного уравнений Минсера¹³

Целевая переменная $\ln(Y)$	Y1	Y2	Y3
$\ln(Y_0)$ (константа)	9,085 (0,000)	9,526 (0,000)	8,520 (0,000)
Количество лет обучения	0,059 (0,001)	–	0,071 (0,005)
Потенциальный стаж	0,039 (0,005)	–	0,035 (0,015)
Потенциальный стаж в квадрате	–0,001 (0,003)	–	–0,001 (0,000)
HumCap*	–	1,083 (0,001)	0,993 (0,004)
SocCap*	–	0,091 (0,050)	–
PsyCap*	–	0,273 (0,004)	–
R-квадрат**	0,309	0,611	0,623
F	14,2	21,7	6,8
Коэффициент Дарбин-Уотсона	1,812	1,799	1,793
N	1096	1092	1093

Примечания. *Индексы варьируются от 0 (минимум) до 1 (максимум). ** R^2 колеблется от 0,3 для классического уравнения до 0,6 для модифицированного. Визуальная оценка распределения ошибок демонстрирует, что требование нормальности распределения нарушено, поскольку распределение скошено вправо, критерий Дарбин-Уотсона подтверждает отсутствие автокорреляции.

1%, существенно повышая объяснительную мощность модели. При дальнейшем анализе можно будет рассмотреть вариацию по частным параметрам, выделяя конкретные компетенции, входящие в совокупные индексы HumCap, SocCap и PsyCap.

Выводы. В работе была поставлена цель включить в российский научный дискурс актуальные зарубежные методики измерения человеческого капитала в широком смысле слова. Перечислим наиболее важные аналитические результаты.

Прежде всего, как показал анализ, измеряли ли мы ЧК при помощи самооценок респондентов или по внешним признакам (здоровье, образование и стаж работы), все равно индикаторы оказываются существенно связаны. Это подтверждает эмпирическую валидность применяемых моделей.

Обнаружено, что работники начинают связывать успешность своих усилий на работе (на примере суждений, включенных в компоненты человеческого и психологического капиталов) с достаточным уровнем вознаграждения только после достижения ими медианного уровня дохода. Далее рост ЧК сильно замедляется и связан уже с накоплением стажа работы. Порог определения успешности и влияния на примере измерения социального капитала значительно выше. Собственный социальный капитал люди-работники оценивают высоко, если их трудовой доход значительно превышает средний.

Важным результатом выступает включение психологического и социального контекстов в общий методологический конструкт человеческого капитала в широком смысле слова. В работе на эмпирических данных показано, как в него могут включаться творческие способности и таланты, воплощенные в возможности выполнять трудовую деятельность таким образом, «чтобы производить экономическую ценность» [Goldin, 2019: 174].

Отдельный исследовательский вопрос – как различные индикаторы ресурсов человека связаны между собой. Их использование позволяет раскрыть ситуацию «изнутри», добавляя новые краски в многомерную картину использования ЧК. В наибольшей степени чувствительным к вариации микроданных оказался индекс ЧК (HumCap), впитавший

¹³ Зависимая переменная – логарифм $\ln(Y)$ заработной платы по основному месту работы. Количество лет обучения (X) и потенциальный стаж (Z) переведены из оценочной шкалы по формуле ($Z = \text{возраст} - 6 - X$); эта модель тестирована, например, в [Аникин, 2018: 95]. В скобках возле соответствующих оценок стоят их значимости (p-уровень). Совместное применение уравнения Минсера и всех трех компонентов самооценок капитала не дает адекватной модели, поэтому этот вариант не отражен.

в себя показатели образования и стажа работы. Согласно эмпирическим данным, влияние на рост зарплаты индекса HumCap значительно превышает влияние индексов социального и психологического капиталов. В наименьшей же степени с вариацией трудового дохода связана готовность людей накапливать социальный капитал.

Важно отметить, что социальный капитал тоже неотделим от самих людей, но проявляется в социальных взаимодействиях, поэтому он имеет более слабую статистическую связь с параметрами человеческого и психологического капиталов. Результаты тестирования PsyCap в Тюменской области во многом согласуются с результатами Н. Джуоровой и ее соавторов (использовавших версию PCQ12) в Испании [Djourova et al., 2019], хотя в социокультурном плане межстрановые различия достаточно существенны.

Влияние трудовой мотивации на ресурсы человека оказалось самым значимым по сравнению со всеми остальными выбранными переменными. Структура трудовых мотивов характеризует ориентацию людей на внутренние мотивы, характеристики их работы, а не статусные диспозиции (внешнее признание, статус, власть). Иные социально-демографические параметры дают значительно меньший разброс по оценкам ресурсов капитала человека. Однако вариация компонентов человеческого, социального и психологического капиталов связана именно с ресурсами самореализации. Этот результат демонстрирует, что рост достижительного типа мотивации значимо способствует росту ЧК. При этом социальный капитал прямо связан с важностью статуса, а психологический капитал снижается у тех, для кого важно внешнее признание.

Остается неочевидной направленность влияния. Как показал анализ, недостаточный запас здоровья может блокировать успешность усилий, несмотря на уровень образования, опыт и знания. Если человек имеет достаточно средств, он может лучше следить за здоровьем и поддерживать необходимый уровень знаний (через повышение квалификации), чувствуя себя более уверенным в самых разных ситуациях на работе или в профессиональной среде. Поэтому мы подчеркиваем необходимость оценки взаимовлияния индивидуальных ресурсов.

В заключение выскажем важное общеметодологическое замечание. Исследования российских социологов и экономистов во многом сосредоточены на изменении параметров ЧК по отраслям, трудовым статусам и типам поселений. Наиболее часто встречающийся вывод – это скорее отсутствие такой вариации. На наш взгляд, такие научные поиски идут несколько вразрез с главными тенденциями мирового развития. Ведь в последние десятилетия все слабее обозначаются границы между типами поселений, конкретными традиционными отраслями или статусами. Зато растет значимость конкретных направлений компетенций, дающих приращения как трудового дохода, так и основных составляющих ресурсов человека. Всё более важными становятся общие и/или специфические навыки и знания на работе, социальные и психологические компетенции, личностные особенности человека-работника. Именно данное направление исследований – к сожалению, пока недостаточно отраженное в российском научном дискурсе – мы попытались апробировать в этой работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Аникин В.А. Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // *Journal of Institutional Studies*. 2018. Т. 10. № 2. С. 90–117. [Anikin V.A. (2018) Human capital in post-crisis Russia: state and impact. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 2: 90–117. (In Russ.)]
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // *Вопросы экономики*. 2020. № 11. С. 5–31. [Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapeliushnikov R.I. (2020) Non-cognitive components of human capital: Evidence from Russian data. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues]. No. 11: 5–31. (In Russ.)]
- Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 5. С. 161–175. [Latov Yu.V. (2021) Institutional Trust as Social Capital in Modern Russia (Based on Monitoring Results). *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 5: 161–175. (In Russ.)]
- Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Том 3. № 4 (сентябрь). С. 20–32. [Radaev V.V. (2002) The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Vol. 3. No. 4: 20–32. (In Russ.)]

- Ромашкина Г.Ф. и др. Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической проверки комплексного инструментария // *Siberian Socium*. 2020. Том 4. No. 3 (13). С. 8–32. [Romashkina G.F. et al. (2020) Human capital study: experience of empirical testing of complex tools. *Siberian Socium*. Vol. 4. No. 3 (13): 8–32. (In Russ.)]
- Alshaabani A., Naz F., Magda R., Rudnák I. (2021) Impact of Perceived Organizational Support on OCB in the Time of COVID-19 Pandemic in Hungary: Employee Engagement and Affective Commitment as Mediators. *Sustainability*. Vol. 13. No. 14: 1–21.
- Avey J.B., Reichard R.J., Luthans F., Mhatre K.H. (2011) Meta-analysis of the impact of positive psychological capital on employee attitudes, behaviors, and performance. *Human Resource Development Quarterly*. No. 22(2): 127–152.
- Becker G. (1964) *Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education*. Columbia University Press, New York.
- Bourdieu P. (1986) The forms of capital. In: Richardson J. (ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport, Conn.: Greenwood Press: 241–258.
- Coleman J. (1988) Social capital in the creation of human capital. *The American Journal of Sociology*. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Vol. 94: 95–120.
- Crocker A. (2020) Social capital and human capital co-emergence: A socialized view of emergent human capital resources. In: Nyberg A.J., Moliterno T.P. (eds) *Handbook of research on strategic human capital resources*. Edward Elgar Publishing: 215–235.
- Djourova N., Rodriguez I., Lorente-Prieto L. (2019) Validation of a Modified Version of the Psychological Capital Questionnaire (PCQ12) in Spain. *Revista Interamericana de Psicología Ocupacional*. Vol. 37. Iss. 2: 93–110.
- Eckardt R., Crocker A., Chou-Yu T. (2021) Clarifying and empirically assessing the concept of human capital resource emergence. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 32. Iss. 2: 279–306.
- Goldin C. (2019) Human Capital. In: *Handbook of Cliometrics*. Ed. by C. Diebolt, M. Hauptert. Springer: 147–179.
- Goldin C., Lawrence F.K. (2020) The Incubator of Human Capital: The Nber working paper series (NBER) and the Rise of the Human Capital Paradigm. *NBER Working Paper*. No. 26909.
- Harris C.M., Wright P.M., McMahan G.C. (2019) The emergence of human capital: Roles of social capital and coordination that drive unit performance. *Human Resource Management Journal*. Vol. 29. No. 2: 162–180.
- Kerksieck P., Bauer G.F., Brauchli R. (2019) Personal and Social Resources at Work: Reciprocal Relations Between Crafting for Social Job Resources, Social Support at Work and Psychological Capital. *Frontiers in Psychology*. Vol. 10: 2632.
- Luthans F., Youssef C. (2004) Human, social, and now positive psychological capital management: Investing in people for competitive advantage. *Organizational Dynamics*. Vol. 33. No. 2: 143–160.
- McGregor D., Cletcher-Gershenfeld J. (1960) *The human side of enterprise*. New York: McGraw-Hill.
- Membiela-Pollán M., Atilano P.L. (2017) Clarifying the concept of social capital through its three perspectives: individualistic, communitarian and macro-social. *European Journal of Government and Economics*. Vol. 6. No. 2: 146–170.
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4: 281–302.
- Moses A.R. (2013) Understanding the relationship of job embeddedness with social and human capital: the importance of organizational identification thumbnail. Dissertation for the degree of doctor of philosophy, university of Texas at Arlington, United States. dc.date.submitted January 2012. dc.date.issued 2013-03-20. URL: https://rc.library.uta.edu/uta-ir/bitstream/handle/10106/11535/Moses_uta_2502D_11894.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 07.01.2022).
- Peccei A. (2016) *The Human Quality*. Pergamon Press.
- Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Ryan R.M., Deci E.L. (2017) *Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. The Guilford Press.
- Slåtten T., Lien G., Horn C.M.F., Pedersen E. (2019) The links between psychological capital, social capital, and work-related performance – A study of service sales representatives. *Total Quality Management and Business Excellence*. Vol. 30. No. 1: 195–209.
- Tikhonova N.E., Karavay A.V., Latova N.V. (2019) Human Capital of Russian Blue Collars. State, Changes over Time, Factors. *Russian Foundation for Basic Research Journal*. Issue 4 (97): 39–47.
- Woolcock M. (2000) *The Place of Social Capital in Understanding. Social and Economic Outcomes*. Development Research Group, The World Bank, and Kennedy School of Government, Harvard University.

MUTUAL INFLUENCE OF THE COMPONENTS OF HUMAN, SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CAPITAL: THE CASE OF THE TYUMEN REGION

ROMASHKINA G.F.*, DAVYDENKO V.A.*, ANDRIANOVA E.V.**

* University of Tyumen, Russia; **West-Siberian Branch of FCTAS RAS, Russia

Gulnara F. ROMASHKINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Economic Security, System Analysis and Control (g.f.romashkina@utmn.ru); Vladimir A. DAVYDENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of Research Center (v.a.davydenko@utmn.ru); Elena V. ANDRIANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Department of General and Economic Sociology; Senior Researcher, West-Siberian Branch of FCTAS RAS (e.v.andrianova@utmn.ru). All – University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07131.

Abstract. On the basis of the database of a sociological survey conducted in 2020 in the Tyumen region ($N = 1096$), the authors consider interrelationships of human, social and psychological capital components, which are measured using the objective characteristics of the respondents and their self-assessments. In order to classify the influence of various individual resources on the parameters of human, social and psychological capital, the authors build hierarchy trees models. Labor motivation is included into the number of factors of the three capital types. The consistency of the classical Minser model with self-assessments of human, social and psychological capital is verified. As the result, it is found that that the growth of self-assessments of human capital will reduce dramatically when people reach a median income. After median income is reached, the further growth depends on the length of service. If the income of people is much higher than the average, they will rate their social connections as more successful, while reward-oriented behavior reduces self-assessment of social capital. Using empirical data it is verified that following intrinsic motivation ensures the psychological well-being, in turn resulting in a corresponding increase in labor incomes.

Keywords: human capital, social capital, psychological capital, human resources.

Received: 27.09.21. Final version: 07.01.22. Accepted: 11.01.22.

© 2022 г.

А.О. МАКАРЕНЦЕВА, С.В. КОРЖУК

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ В ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СИРОТСТВА

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник (makarentseva-ao@ranepa.ru); КОРЖУК Софья Владимировна – кандидат социологических наук, научный сотрудник (korzhuk-sv@ranepa.ru). Обе – Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Аннотация. В настоящей статье перспективы развития профессиональных замещающих семей рассматриваются в русле текущей реформы деинституционализации сиротства в России, а также в более широком контексте современных идеалов заботы о детях. Авторы структурируют накопленный опыт в этой сфере в России и других странах. На материалах глубинных интервью с приемными родителями авторы ищут ответы на вопросы о дальнейшем развитии профессионального приемного родительства в отечественной структуре устройства детей без попечения, о рисках и возможностях этого института. В заключение приводятся рекомендации по успешной имплементации ключевых характеристик профессиональных семей в России.

Ключевые слова: профессиональные замещающие семьи • дети-сироты • дети без попечения родителей • деинституционализация сиротства

DOI: 10.31857/S013216250014317-1

В России продолжается масштабная реформа устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и, шире, в сфере организаций социального обслуживания¹. Эта реформа связана с имплементацией современных идей о том, какой в идеале должна быть забота о детях-сиротах, детях без попечения родителей и детях, имеющих риск остаться без попечения. В мире подобные преобразования основывались на теориях развития Э. Эриксона, Г. Сэлливена и др. и ключевой для смены политической парадигмы теории привязанности. Согласно ее постулатам, условием сохранения психического здоровья детей в младенческом и раннем детстве является наличие теплых, устойчивых и продолжительных отношений с матерью или лицом, ее заменяющим [Шмидт, 2016]. Достижение целей реформы объявлено через демонтаж сети организаций для детей-сирот на основе развития института замещающих семей, который идет с момента принятия Постановления Правительства № 481 в 2014 г.² Вместе с тем масштабирование приемного

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2022 г.

¹С 1.01.2021 г. вступил в силу Приказ Минтруда России от 30.03.2020 № 157н «О внесении изменений в Правила организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений, утвержденные приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 ноября 2014 г. № 940н».

²Подробно о динамике масштабов сиротства в России см.: [Biryukova, Makarentseva, 2020].

родительства неизбежно породило проблемы роста и поставило новые задачи перед акторами социальной политики.

В настоящей статье рассматривается один из инструментов возможного дальнейшего развития сферы устройства детей – институт профессиональных замещающих семей. Идея вынесения профессионального приемного родительства в отдельный институт фигурирует в российском социально-политическом дискурсе уже не один десяток лет [Ослон, 2006]. По мере реализации реформы деинституционализации сиротства она приобретает новое содержание. В настоящей статье впервые представлено, как через развитие профессиональных замещающих семей могут воплощаться современные идеалы заботы о ребенке. Структурируя накопленный опыт функционирования института профессиональных замещающих семей в других странах, мы оцениваем историю его развития в России. Затем на материале интервью с приемными родителями ищем ответы на вопросы о дальнейшем развитии профессионального приемного родительства в структуре устройства детей без попечения, о рисках и возможностях этого института.

Развитие института профессиональных замещающих семей в западных странах и в России. В последние несколько десятилетий по всему миру прослеживается тенденция к профессионализации замещающего семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Сегодня профессиональные семьи взяли на себя задачи, которые не могут быть эффективно решены в рамках других форм устройства.

В российской практике наиболее популярными формами семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, являются усыновление и передача под безвозмездную опеку (попечительство), реже – передача под возмездную опеку (попечительство) в приемные семьи. Последние могут считаться профессиональными приемными семьями (оплачиваемый труд), однако, как мы увидим ниже, они не имеют тех особенностей, которые характеризуют такие семьи в других странах. Каковы они?

Определение специализации профессиональных семей. Так, в США профессиональные замещающие семьи возникли как альтернатива институциональному воспитанию детей с особыми потребностями (детей с серьезными нарушениями здоровья, эмоциональными, ментальными, поведенческими нарушениями [Southerland et al., 2014: 4; Dore, Mullin, 2006: 474; Seibert et al., 2019]). В практиках штатов профсемьи используются и для краткосрочного размещения в них детей из родных или «непрофессиональных» замещающих семей, например, на период получения реабилитации или прохождения краткосрочной программы терапии (3–15 месяцев) в случае глубоких эмоциональных, поведенческих нарушений, угрозы лишения свободы [Seibert et al., 2019].

В Польше выделяется три типа профессиональных замещающих семей³. Первый – семьи, принимающие на воспитание детей с особыми потребностями (детей-инвалидов, социально неадаптированных детей, несовершеннолетних матерей; не более трех в семье). Второй – семьи для устройства братьев и сестер (от трех до шести детей в семье). И третий – семьи для краткосрочного (до 15 месяцев) устройства детей в экстренных случаях, например в случае угрозы жизни или здоровью ребенка [Knuiman et al., 2015: 6].

Профессиональные семьи в Великобритании зачастую определены для устройства в семьи детей с особыми потребностями или в случаях, когда ребенок неоднократно подвергался смене замещающих семей, или когда нежелательна смена места жительства ребенка (например, для возможности поддержания позитивных социальных связей) [SSIA, 2007].

Предъявление требований к образованию/обучению родителей и трудоустройство. Во Франции все замещающие семьи имеют статус профессиональных [Laklija, 2011: 9]. Родители заключают трудовой договор с государственными или частными агентствами

³ The Child Right to a Family: Foster Care under the Lens (2011). Poland. Our Home Association. URL: http://www.synergia-net.it/uploads/attachment/foster_care_pol_1327588517.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

по защите детей, проходят обучение с последующим экзаменом на получение диплома и имеют специальность «семейный помощник».

В США к родителям не предъявляется требование наличия профессионального образования, но до начала работы они обязаны пройти обучение и получить государственную лицензию, подтверждающую их квалификацию и возможность взять на воспитание ребенка с особыми потребностями. Также они должны проходить регулярные повышения квалификации на протяжении нахождения ребенка в семье [Seibert et al., 2018; ASPE, 2016; Acil, 2013].

Хотя бы один из замещающих родителей в Германии должен быть квалифицированным социальным работником, учителем или социальным педагогом и трудоустроиться в систему социальной защиты. Кроме того, профессиональные родители проходят предварительное обучение до начала работы [Harder et al., 2013: 209].

В Польше к профессиональным родителям не предъявляется требование наличия профессионального образования, но они обязаны пройти обучающий курс до приема ребенка в семью [Laklija, 2011]. Для получения статуса профессионального родителя в Румынии кандидаты должны пройти курс обучения и сдать тест на знание законодательных основ воспитания, педиатрии и детской психологии; наличие профессионального образования не требуется. Обязательные повышения квалификации не предусмотрены, но родителям доступны различные тренинги. Профессиональных родителей трудоустраивают на полную ставку в управление по защите детей со всеми вытекающими трудовыми правами [Guth, 2014].

В Великобритании к профессиональным замещающим родителям предъявляются требования в отношении уровня образования, наличия специфических знаний, навыков и опыта работы в сфере здравоохранения, образования или социальной работы. Профессиональные замещающие родители обязаны пройти предварительное обучение [KPMG, 2017: 52].

Доступ к услугам сопровождения приемной семьи. В США формируется «профессиональная команда» из замещающих родителей и специалистов по медицинскому, психологическому, психиатрическому и иному сопровождению семьи [Seibert et al., 2018; McClung, 2007]. Сопровождение семьи во Франции обычно включает помощь социального работника, психолога и возможность обратиться к коллегам или руководству в экстренных случаях. В Германии профсемьи также могут рассчитывать на консультативную и практическую помощь специалистов системы защиты детей на протяжении пребывания ребенка в семье. В Румынии сопровождение семьи включает помощь социального работника и психолога [Anghel et al., 2013: 245].

Ограничения деятельности профсемей. В США в отдельных штатах могут дополнительно устанавливаться ограничения к количеству приемных детей (чаще это один-два ребенка, но с исключениями для сиблингов), предъявляться требования к условиям занятости родителей, регулярности прохождения ими курсов повышения квалификации, порядка взаимодействия со специалистами, а также с биологическими родителями, если это отвечает интересам ребенка. Французские профессиональные семьи, как правило, принимают на воспитание от одного до трех детей [Acil, 2013: 22–23].

Дифференциация оплаты труда. Во Франции заработная плата замещающих родителей зависит от количества принятых на воспитание детей, дополнительные пособия выплачиваются на приемных детей с особыми потребностями [там же]. Размер оплаты труда в Великобритании зависит от уровня квалификации и опыта работы – более квалифицированные или опытные родители получают более высокую оплату [Cording, 2019: 4].

Таким образом, к профессиональным замещающим родителям, как правило, предъявляется требование прохождения специфического обучения. Требование к тому, чтобы хотя бы один из родителей имел профессиональное образование в области социальной работы или педагогики, встречается редко. Их отношения с государством могут регулироваться посредством трудового контракта. Ключевой особенностью является сопровождение семьи специалистами или наличие доступа к профессиональной поддержке.

Распространена специализация таких семей на детях с особыми потребностями. Профессиональные замещающие семьи могут быть как самостоятельной формой постоянного проживания ребенка в семье, так и вариантом временного размещения, в том числе этапом на пути к его воссоединению с кровной семьей.

В России нынешний формат договорной опеки и попечительства можно назвать модификацией патроната, введенного в практику жизнеустройства детей-сирот в 1943 г. Дети, нуждающиеся в устройстве, передавались в семьи рабочих и колхозников по временному договору, с выплатой зарплат замещающим родителям и пособий детям. При патронатном воспитании требования к обучению замещающих родителей не предъявлялись, сопровождения таких семей не было. Несмотря на усилия государства, патронат не получил широкой поддержки населения и в 1968 г. был отменен [Бессчетнова, 2011]. В современных версиях договорной опеки и попечительства также нет требований к дополнительным компетенциям помимо обучения в Школе приемных родителей, нет преимуществ в получении социальных и медицинских услуг и услуг сопровождения и нет специализации таких семей на отдельных категориях детей.

С конца 1990-х гг. для решения проблемы устройства отдельных групп детей (старших возрастов, дети с серьезными ограничениями здоровья, сиблинги) предпринимались попытки развития профессиональных форм устройства, условия содержания в которых приближены к семейным: детских домов семейного и квартирного типов, детских деревень и поселков [Бессчетнова, 2011]. Однако они не получили широкого распространения и сейчас существуют лишь как отдельные точечные инициативы⁴.

В 2014 г. экспертами высказывалось мнение, что «профессиональная замещающая семья – наиболее безопасная и эффективная форма устройства детей-сирот»⁵. Такой формат дает «возможность разделения ответственности за социализацию ребенка между приемными родителями, сообществом профессионалов, органами опеки и государством». На наш взгляд, подобное разделение является и преимуществом, и проблемным вопросом профессионального семейного устройства. Оно формирует поле столкновения интересов различных акторов и потенциальный конфликт ответственности между ними. Вместе с тем однозначным преимуществом таких семей перед учреждением является индивидуальный подход к ребенку, формирование привязанности, гибкость подбора инструментов реабилитации, в том числе широкие возможности для работы в направлении психологической реабилитации.

Попытка введения в российскую практику профессиональных замещающих семей предпринята в 2014 г. В Государственную думу был внесен законопроект, предлагающий поправки в Семейный и Трудовой кодексы РФ с целью организации новой формы устройства детей в семьи – социального воспитания. Оно определялось как опека или попечительство над ребенком, осуществляемые по трудовому договору, заключенному между замещающими родителями (социальными воспитателями) и организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Предполагалось, что на социальное воспитание будут передаваться прежде всего дети с инвалидностью, дети старшего возраста и кровные братья и сестры. Помимо прочего, трудовой договор с социальным воспитателем должен был содержать программу развития переданных ему на воспитание детей⁶. В ходе обсуждения законопроекта эксперты отмечали, что, помимо указанного,

⁴ Место профессиональной приемной семьи в системе замещающего родительства в России: итоги исследования / Независимый институт социальной политики по заказу Фонда Тимченко. 2013. URL: <http://fondkluch.ru/wp-content/uploads/Rezyume-issledovaniya-po-formam-ustroystva-detey-sirot.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵ Дети-сироты нуждаются в профессиональных родителях. URL: <https://iq.hse.ru/news/177668257.html> (дата обращения: 21.01.2021).

⁶ Законопроект № 649934-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/649934-6?sortEventsByNum=num_down&sortEventsByDate=date_up#bh_hron (дата обращения: 29.12.2020).

профессиональные замещающие семьи должны рассматриваться как временный вариант размещения на период, пока идет работа с кровной семьей⁷. Несмотря на обоснование необходимости развития в России профессиональных замещающих семей политиками, экспертами и активистами, в 2017 г. законопроект отклонен из-за противоречий между предлагаемыми поправками и текущими положениями Трудового кодекса, которые «размывают» понятие трудовых отношений⁸. В 2019 г. на фоне нового витка реформы деинституционализации дискуссия о профессиональных семьях актуализировалась вновь^{9,10}.

Таким образом, попытки развития профессиональных замещающих семей в России предпринимаются давно, однако поиск оптимальной модели профессиональных замещающих семей не окончен. Мы видим ее в: 1) форме временного устройства; 2) постоянном устройстве отдельных категорий детей. Профессионализация всей системы семейного устройства по примеру отдельных стран нам представляется нецелесообразной.

Теория привязанности в организации устройства детей без попечения. Для успешной имплементации нового института крайне важно поместить его в поле актуальных нормативных представлений об устройстве детей без попечения родителей. Идеалы заботы, вокруг которых выстраивается нынешняя реформа системы устройства детей-сирот и детей без попечения, предполагают приоритет семейных форм устройства над институциональными [Чернова, Кулмала, 2018; Шпаковская и др., 2019; Чернова и др., 2020]. В развернувшемся процессе деинституционализации сиротства ключевое значение приобретают принципы теории привязанности [Harlow, 2021; Kang'ethe, Makuyan, 2014; Stovall, Dozier, 1998]. Она постулирует, что качество отношений в детстве закладывает основу для дальнейшего развития ребенка, отношения к другим и использования жизненных возможностей. Отсутствие надежной привязанности повышает риски эмоциональных, поведенческих и социальных трудностей и в детстве, и во взрослом возрасте. Институциональная забота не может обеспечить качество взаимоотношений, необходимое для оптимального развития ребенка. Соотношение числа детей и взрослых в институциональных учреждениях; сменный характер и низкая оплата труда, невысокая квалификация взрослых, осуществляющих уход; регламентированный характер заботы без учета индивидуальных потребностей детей не позволяют формировать надежные привязанности [Harlow, 2021].

Пагубные последствия помещения детей в институциональные учреждения зависят от возраста, в котором это происходит, периода пребывания в этих учреждениях, опыта и количества «возвратов» из кровных или замещающих семей в структуру институционального ухода, опыта пренебрежения, жестокого обращения, семейной нестабильности, злоупотребления взрослыми алкоголем или психоактивными веществами в семьях детей [Kang'ethe, Makuyan, 2014]. Помещение в безопасную и заботливую семейную среду может обеспечить прогресс в развитии ребенка.

Реформирование устройства детей-сирот и детей без попечения в соответствии с принципами теории привязанностей требует гибкого подхода к их жизнеустройству с учетом их жизненного опыта, индивидуальных особенностей и потребностей. Как

⁷ Семейный кодекс пополнится понятием «профессиональная семья» для детей-сирот // Агентство социальной информации. 2014. 22 июля. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2014/07/22/semejnyj-koдекс-popolnitsya-ponyatiem-professionalnaya-semya-dlya-detej-sirot/> (дата обращения: 28.12.2020).

⁸ Родители приемных детей не дождутся зарплаты и отпуска // Коммерсантъ. 2017. 12 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3435853> (дата обращения: 29.12.2020).

⁹ Протокол заседания Совета при Правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере от 1 февраля 2019 г. URL: <https://popechitely.ru/about/vypiska/> (дата обращения: 29.12.2020); Институт профессиональных семей может появиться в России. URL: <http://www.usynovite.ru/massmedia/bf1dd7d2b2.html> (дата обращения: 29.12.2020).

¹⁰ Протокол заседания Совета при Правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере от 24 февраля 2021 г. URL: https://www.popechitely.ru/pdf/protocol_PS_%E2%84%962_24.02.2021.pdf (дата обращения: 11.03.2021).

показывает зарубежная практика, в определенных случаях интересам детей в наибольшей степени отвечают профессиональные замещающие семьи, временные и/или постоянные.

Ключевые особенности профессионального родительства: мнения приемных родителей. Социологический инструментарий изучения сферы социального сиротства сводится к качественным исследованиям, так как построение репрезентативных выборок для количественных исследований невозможно. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в июле 2020 г. проведено 22 глубинных интервью с приемными родителями (дети которых были приняты в семью после 2012 г.). Гайд интервью включал такие блоки, как история приемной семьи, опыт взаимодействия с организациями в сфере попечения детей (органами опеки, детскими учреждениями и т.д.), видение респондентом основных проблем в сфере устройства детей и его рекомендации (в частности, обсуждение профессиональных семей). В связи с необходимостью подробного обсуждения взаимодействия с конкретными организациями сферы устройства детей выбор был сделан в пользу отдельных интервью, а не фокус-групп. Респонденты представляли разные регионы России (Москва и областные города, Новосибирск, Томск, Казань, Екатеринбург и др.), объем выборки достаточен для выявления и заполнения типичных сценариев интервью.

В последние годы в среде приемных родителей усиливается роль теории привязанности и ее постулатов. Мы связываем это с расширением представительства таких семей, а также некоммерческих организаций и благотворительных фондов в интернет-пространстве, социальных сетях и блогосфере. Именно представители НКО активно говорят о роли психологического комфорта приемного ребенка и его потребностей в поддержании отношений заботы и привязанности с постоянным взрослым (более подробно см.: [Шмидт, 2016]). В наших интервью респонденты также делали упор на компетенциях замещающих родителей для психологической работы с «травмированным ребенком». Используемая респондентами лексика («травма», «привязанность», «адаптация») восходит к теории привязанности и утверждает ее ключевую роль в осмыслении вариантов устройства детей без попечения.

Специализация профсемей по направлению временного устройства детей. Большинство респондентов указывают на необходимость специализации профессиональных семей, рассматривая ее по направлению временного устройства детей. А обеспечение психологической работы с ребенком в этот период видят **одной из главных компетенций профессиональной замещающей семьи**. Это преимущество и перед институциональными учреждениями: *«Когда ребенок-малыш попадает [в профессиональную временную семью] и у него один главный взрослый, это ему всяко проще пережить свое горе с одним взрослым, чем четыре воспитателя на группе, которые не подойдут, если ты кричишь и зовёшь. Я считаю, что личный взрослый он лучше. Пусть даже временный»; «...чтобы у них была хорошая подготовка психологическая. Чтобы они могли скомпенсировать травму изъятия»* (Светлана, один усыновленный, двое приемных детей); *«Мы говорим конкретно про профессиональную семью... которая наточена на то, чтобы передать ребенка в семью с минимальными для ребёнка последствиями. С минимальными травмами. Потому что травма в детском доме она, конечно, стопроцентная»* (Екатерина, один приемный ребенок).

И перед «обычными» замещающими семьями в случае придания профессиональным родителям особого статуса: *«А если бы специалисты помогали, и психологи, и кинезиологи, вот кто-то бы оплачивал это... эта помощь очень нужна, именно в развитии и проживании травмы ребенком... и только ты ребенка взял... надо, чтобы с ними работали»* (Наталя, девять приемных детей). Такой статус сформировал бы права на ряд требований, и в частности на получение столь недостающих услуг комплексного сопровождения замещающих семей: *«Больше надежды, что будет какая-то конкретная помощь в плане медицины. Уже там не ты бегаешь ищешь, да, а есть уже будут какие-то четкие внимание. И никто не скажет, иди отсюда со своим ребенком, да»* (Елена, двое приемных детей). Таким образом, модель сопровождения профессиональных семей находит поддержку в среде приемных родителей.

Вместе с тем **характерные для временных профессиональных семей риски** подаются также в психологическом контексте: «Я считаю, что это травма для ребенка [попадание во временную профессиональную семью]. Ребенок только привыкает, а потом их в другую семью» (Светлана, трое приемных детей); «у ребенка, возможно, уже какая-то привязанность появилась к этим [временным] родителям, его опять забирают, ему нужно снова привыкать. То есть вот одна сторона, что это все равно разрыв и ребенку приходится заново адаптироваться, но уже в другой семье. А скажем, это такой минус. Плюс, что, попадая в fosterную семью, он не попадает вот в систему детского дома. Где там 30, 40, 50 детей» (Владимир, трое приемных детей). Эти риски могут быть снижены в процессе проработки модели профессиональных семей. Кроме того, развитие сферы устройства должно идти комплексно, и в том числе в направлении задействования социальных сетей ребенка. Это означает, что **приоритет временного устройства** должен отдаваться семьям родственников и знакомых ребенка, а когда это невозможно или опасно для ребенка – профессиональным семьям.

В то же время, будучи акторами сферы устройства, респонденты отстаивают свои интересы, в частности ставят под вопрос **границы контроля над профессиональными замещающими семьями**: «И серьезное сопровождение, и контроль в этой семье. Туда должны регулярно, постоянно приходить специалисты, которые будут работать, которые будут контролировать, которые будут заниматься» (Владимир, трое приемных детей); «Только не так вот, знаете, мы вас на учёт берём, мы вас всех контролируем, каждый день к вам ходим, проверяем. Нет. Не в таком виде, боже упаси» (Наталья, девять приемных детей). Другими словами, они делают упор на необходимость ограничения деятельности профессиональных семей.

Специализация профсемей по направлению постоянного устройства отдельных категорий детей. Вторая специализация профессиональных семей – принятие отдельных категорий детей – респонденты говорили о **детях с психиатрическими и ментальными нарушениями**. Идеологически оно близко к начавшейся реформе снижения численности ПНИ и расширения формата сопровождаемого проживания. «Фостерные семьи для этого очень нужны, потому что это хоть и 10% вот такие сложные случаи занимают» (Наталья, один приемный ребенок); «наверное, есть семьи, которые готовы заниматься с детьми с синдромом Дауна. И они вот специализируются только на них» (Елена, двое приемных детей). **Возможна и другая специализация**: «Есть и семьи, которые на подростков профилированы, да, они готовы их брать, и они справляются, у них все прекрасно складывается. Они их абсолютно замечательно социализируют» (Елена, двое приемных детей).

Говоря о вариантах устройства «сложных детей», мы понимаем, что критерии «сложности» размыты и не могут быть четко определены, а сама эта категория является символической, утверждая и разграничивая зоны компетенции. Можно утверждать, что «сложные дети» в настоящий момент являются зоной компетенции институциональной заботы, а в случае развития профессионального замещающего родительства могут перейти в их компетенцию.

В целом **специфическая зона компетенций замещающей семьи** определяется как функция родителя, установление с ребенком отношений привязанности. «Да, вот тема привязанности – это работа на всю жизнь. То есть, ребенок не будет испытывать глубокие чувства, высшего порядка, то ничего хорошего у него в жизни не будет (Светлана, один усыновленный, двое приемных детей); «Вот это именно принять этого ребенка и как-то с ним общий язык найти. Вот, там нам все время говорили, у каждого ребенка должен быть свой взрослый. Вот поэтому, поэтому надо стать взрослым для этого ребенка» (Гузель, двое приемных детей). Сообразуясь с представлениями об идеалах заботы и нынешним этапом развития устройства детей, важно оставить эту зону компетенции и профессиональным приемным семьям, не сводя их деятельность исключительно к «работе».

Исходя из логики обсуждения этого института в России существует опасность его дальнейшего формирования на основе профессии педагога с жестким регулированием

обязанностей и отчетности перед государством [Алдашева, Зеленова, 2016]. Несмотря на то что в ряде стран принята такая модель, на наш взгляд, в российском контексте она не сможет решить реальные задачи и, кроме того, столкнется с противоречиями положениям Трудового кодекса. Инструментом «работы» выступает сам приемный родитель, поэтому формализация обязанностей и требований подменит собой ключевую родительскую функцию. В общественном дискурсе это прежде всего должен быть «родитель» и только потом «профессиональный». Только так новый институт сможет занять свое место на арене игроков.

Заключение. Развитие семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, принесло много плодов по снижению масштабов социального сиротства. В отношении детей с высокими шансами быстрого устройства в замещающие семьи или возврата кровным родителям необходимо продолжать работу по сокращению их времени пребывания в учреждении и снижению сопутствующего стресса за счет минимизации числа переходов из одного учреждения в другое (включая больницы). Одним из вариантов поддержки этой категории детей могут стать временные профессиональные семьи, которые бы заменяли пребывание в социальном центре. Внедрение такого формата должно сопровождаться формализацией механизмов их работы, основываясь на уже накопленном опыте, в частности: в них могут быть кровные дети, но не должно быть детей под постоянной опекой. Это связано с рисками травмы привязанности приемных детей под влиянием появления и ухода «временных приемных»; количество «временных приемных» в замещающей семье должно быть ограничено; должны быть проработаны риски длительного пребывания ребенка на временном устройстве, риски смены нескольких семей и риски перехода из такой семьи в учреждение, так как полностью исключить их невозможно.

Численность детей, проживающих институционально, значительно сократилась в последние годы. Однако среди них остается высокой доля детей-инвалидов, подростков, детей с несколькими сиблингами, детей «без статуса». Сокращение этого институционального контингента также возможно за счет внедрения профессиональных замещающих семей. К уже действующему в России формату «приемной семьи» требуется несколько надстроек по примеру опыта других стран: более глубокая профессиональная подготовка замещающих родителей, определение отличных от иных форм семейного устройства направлений их работы и регулирование их деятельности, обеспечение преимущественного доступа к услугам внешних специалистов по работе с детьми. И для краткосрочного, и для постоянного устройства ребенка в семью профессиональные родители должны проходить подготовку по работе с травмированными детьми, обладать компетенциями социальной и психологической реабилитации. Им должен быть обеспечен доступ к консультациям специализированных психологов (возможен онлайн-формат), в том числе по вопросам профилактики выгорания. Отдельный вопрос состоит в определении границ между сопровождением такой семьи и контролем за выполнением ею своих функций.

Цель данного института заключается не в дальнейшем масштабировании приемного родительства как такового, а в передаче в его ведение специфических функций и компетенций, которые не могут осуществляться уже действующими форматами.

Обращаем внимание на взаимодействие акторов сферы устройства [Kulmala et al., 2017; Шпаковская и др., 2019], которое выражается, помимо прочего, в борьбе за ресурсы. Можно выделить следующие типы ресурсов и потенциальные притязания института профессиональных замещающих семей: материальные ресурсы, притязания в виде достойной оплаты труда приемного родителя; сервисные ресурсы, притязания в приоритетном доступе к услугам специалистов сопровождения; медицинские ресурсы, притязания в приоритетном доступе к услугам здравоохранения; административные ресурсы. Профессиональными замещающими родителями, с высокой вероятностью, станут люди с определенной жизненной позицией, компетенциями и опытом (в том числе с опытом пребывания в клубах приемных родителей). Такое сообщество в дальнейшем может стать самостоятельным институциональным игроком и участвовать в процессе принятия

государственных решений в сфере устройства детей, а также потенциально влиять на развитие идей заботы о детях без попечения.

Перераспределение ресурсов в сторону профессиональных замещающих родителей изменит баланс сил в сфере устройства: не только буквально, но и в дискурсивном пространстве. То, чьи ресурсы они перетянут в большей степени – учреждений или «обычных» замещающих семей, будет зависеть от нюансов формирования этого института в России. В связи с этим так важно ограничить зону ответственности нового института и сформулировать корректный дискурс вокруг него.

Итак, развитие профессионального приемного родительства будет служить целям увеличения разнообразия форм устройства детей в России, расширения возможностей семейного устройства для тех детей, которые сейчас их практически лишены, а также снижению времени пребывания детей в институциональной среде. В контексте политики государства в социальной сфере важно, что оно приведет, во-первых, к сокращению расходов за счет ускорения снижения численности воспитанников учреждений, а во-вторых, к оздоровлению среды приемного родительства и преодолению проблем ее роста. Однако все это невозможно без продолжения реформы деинституционализации сиротства и в других направлениях. Важнейшим звеном должна стать работа с кровными семьями, в том числе с семьями зависимых. Как было сказано выше, доступность психологического сопровождения и формирование поддерживающей среды является неотъемлемым фактором успешности развития нового института – встает вопрос о том, за кем будут закреплены эти функции. По мере продвижения в реформе деинституционализации компетенции государства должны все более ограничиваться обеспечением инфраструктуры в широком смысле этого слова и гарантий соблюдения прав детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алдашева А.А., Зеленова М.Е. К проблеме построения профессиограммы специалиста «замещающий родитель» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 99–114. DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114.
- Бессчетнова О.В. Сиротство в России: от признания к деинституционализации // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 102–110.
- Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.
- Чернова Ж.В., Кулмала М. «По сложности – это работа, по состоянию души – семья»: профессионализация приемного родительства в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 3. № 21. С. 46–70. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.3.
- Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., Гарифулина Э.Ш. Мотивы и практики создания приемных семей (анализ нарративов) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 74–83. DOI: 10.31857/S013216250008495-7.
- Шмидт В. Привязанность в действии: психологическая теоретизация связи ребенка и матери в (пост) социалистической Чехии // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2016. Т. 8. № 1. С. 58–81.
- Шпаковская Л., Кулмала М., Чернова Ж. Идеальная организация заботы о детях, оставшихся без попечения родителей: реформа системы защиты детей как борьба за ресурсы и признание // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2019. Т. 11. № 1. С. 57–81. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-1-57-81.
- Acil A. Professional Foster Care: Barriers, Opportunities and Options. Report to Australian Government Department of Families, Housing, Community Services and Indigenous Affairs. Melbourne: ACIL Allen Consulting, 2013. URL: https://www.dss.gov.au/sites/default/files/documents/08_2014/professional_foster_care_final_report.pdf (дата обращения: 21.12.2020).
- Anghel R., Herczog M., Dima G. The challenge of reforming child protection in Eastern Europe: The cases of Hungary and Romania // Psychosocial Intervention. 2013. Vol 22. No. 3. P. 239–249. DOI: 10.5093/in2013a27.
- Biryukova S., Makarentseva A. Statistics on the Deinstitutionalisation of Child Welfare in Russia // Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space: Institutional Change in Russia / Ed. by M. Kulmala, M. Jäppinen, A. Tarasenko, A. Pivovarova. L.: Routledge, 2020.

- Cording J. Professionalisation of Caregiving Evidence Brief / Wellington: Oranga Tamariki – Ministry for Children, 2019. URL: <https://www.orangatamariki.govt.nz/about-us/research/our-research/professionalisation-of-caregiving-evidence-brief/> (дата обращения: 21.12.2020).
- Dore M.M., Mullin D. Treatment Family Foster Care: Its History and Current Role in the Foster Care Continuum // *Families in Society: the Journal of Contemporary Human Services*. 2006. Vol. 87. No. 4. P. 475–482. DOI: 10.1606/1044-3894.3562.
- Guth A. Reform Steps towards Child Protection Bulgaria – Romania. A Comparative Approach. 2014. URL: http://www.childpact.org/wp-content/uploads/2014/04/Reform_steps_Romania-and-Bulgaria.pdf (дата обращения: 19.12.2020).
- Harder A.T., Zeller M., López M., Köngeter S., Knorth E.J. Different Sizes, Similar Challenges: Out of Home Care for Youth in Germany and the Netherlands // *Psychosocial Intervention*. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 203–213. DOI: 10.5093/in2013a24.
- Harlow E. Children's Rights, Deinstitutionalisation and the Development of Foster Care Services across the World // *Practice: Social Work in Action*. 2021. DOI: 10.1080/09503153.2021.1909719.
- Kang'ethe S.M., Makuyan A. Orphans and Vulnerable Children (OVC) Care Institutions: Exploring Their Possible Damage to Children in a Few Countries of the Developing World // *Journal of Social Sciences*. 2014. Vol. 38. No. 2. P. 117–124. DOI: 10.1080/09718923.2014.11893241.
- Knuiman S., Rijk C.H.A.M., Hoksbergen R.A.C., Van Baar A.L. Children without parental care in Poland: Foster care, institutionalization and adoption // *International Social Work*. 2015. Vol. 58. No. 1. P. 142–152. DOI: 10.1177/0020872812473138.
- KPMG. Foster and Kinship Care in South Australia: Final Report / Adelaide: Department for Child Protection, 2017. URL: https://www.childprotection.sa.gov.au/_data/assets/pdf_file/0017/107270/foster-kinship-care-review.pdf (дата обращения: 18.12.2020).
- Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 353–366. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-353-366.
- Laklija M. Foster Care Models in Europe: Results of a Conducted Survey. Zagreb, 2011. URL: <https://udomiteljizadjecu.hr/wp-content/uploads/documents/publikacije/Foster%20care%20models%20in%20Europe%20-%20results%20of%20a%20conducted%20survey%20-%20Maja%20Laklija.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).
- McClung L. Therapeutic Foster Care: Integrating Mental Health and Child Welfare to Provide Care for Traumatised Children. Melbourne: Berry Street, 2007.
- Office of the Assistant Secretary for Planning and Evaluation (ASPE). Challenges and opportunities in treatment foster care. U.S. Department of Health and Human Services. Washington, DC: ASPE, 2016. URL: https://aspe.hhs.gov/system/files/pdf/206766/TFC_ResearchSummary.pdf (дата обращения: 23.12.2020).
- Seibert J.H., Feinberg R., Ayub A., Helburn A., Gibbs D. State Practices in Treatment/Therapeutic Foster Care. U.S. Department of Health and Human Services. Washington, DC: ASPE, 2018. URL: <https://aspe.hhs.gov/system/files/pdf/259121/TREATMENTFOSTERCARE.pdf> (дата обращения: 25.12.2020).
- Seibert J.H., Romaine M.A., Cowell A.J., Hinde J.M., Mills M.J., Cool A., Theis E.N. Patterns of Treatment/Therapeutic Foster Care and Congregate Care Placements in three States. U.S. Department of Health and Human Services. Washington, DC: ASPE, 2019. URL: https://aspe.hhs.gov/sites/default/files/migrated_legacy_files/190756/TreatmentFosterCareReport.pdf (дата обращения: 25.12.2020).
- Social Services Improvement Agency (SSIA). What Works in Promoting Good Outcomes for Looked After Children and Young People? / Cardiff: Institute of Public Care, Social Services Improvement Agency, 2007.
- Southerland D.G., Burns B.J., Farmer E.M.Z., Wagner H.R., Simpson A.N. Family Involvement in Treatment Foster Care // *Residential Treatment for Children & Youth*. 2014. Vol. 31. No. 1. P. 2–16. DOI: 10.1080/0886571X.2014.878586.
- Stovall K.Ch., Dozier M. Infants in Foster Care: An Attachment Theory Perspective // *Adoption Quarterly*. 1998. Vol. 2. No. 1. P. 55–88. DOI: 10.1300/J145v02n01_05.

Статья поступила: 17.03.21. Финальная версия: 21.11.21. Принята к публикации: 04.03.22.

THE CAPABILITIES OF PROFESSIONAL FOSTER FAMILIES FOR THE FURTHER ORPHANHOOD DEINSTITUTIONALIZATION IN RUSSIA

MAKARENTSEVA A.O.*, KORZHUK S.V.*

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Alla O. MAKARENTSEVA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher (makarentseva-ao@ranepa.ru); Sofia V. KORZHUK, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow (korzhuk-sv@ranepa.ru). Both – Institute of Social Analysis and Prediction at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme in 2022.

Abstract. The article looks for the perspectives of professional foster care development in line with the current deinstitutionalization reform of orphanhood in Russia and the broader context of modern childcare standards. Structuring the experience of Russia and other countries we used in-depth interviews with foster parents as the empirical base. Based on the interviews, we discuss the place that professional foster care might take in Russia's existing orphanage system and describe the pitfalls/possibilities of this institute. In conclusion, specific recommendations are offered for the successful implementation of the key features of foster families in Russia.

Keywords: professional foster care, orphans, children without parental care, deinstitutionalization.

REFERENCES

- Acil A. (2013) *Professional Foster Care: Barriers, Opportunities and Options. Report to Australian Government Department of Families, Housing, Community Services and Indigenous Affairs*. Melbourne: ACIL Allen Consulting. URL: https://www.dss.gov.au/sites/default/files/documents/08_2014/professional_foster_care_final_report.pdf (accessed 21.12.2020).
- Aldasheva A., Zelenova M. (2016) To the Problem of Establishment of Professiogram of a Specialist "Adoptive Parent". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie issledovaniya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology]. No. 1: 99–114. DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114. (In Russ.)
- Anghel R., Herczog M., Dima G. (2013) The challenge of reforming child protection in Eastern Europe: The cases of Hungary and Romania. *Psychosocial Intervention*. Vol. 22. No. 3: 239–249. DOI: 10.5093/in2013a27.
- Besschetnova O.V. (2011) Orphanhood in Russia: From Charity to Deinstitutionalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 102–110. (In Russ.)
- Biryukova S., Makarentseva A. (2020) Statistics on the deinstitutionalisation of child welfare in Russia. In: Kulmala M., Jäppinen M., Tarasenko A., Pivovarova A. (eds) *Reforming child welfare in the Post-Soviet Space: Institutional Change in Russia*. London: Routledge.
- Chernova Zh., Kulmala M. (2018) "In its Complexity it's Work, in its Soul it's Family": Professionalization of Foster Parenting in Contemporary Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 3. No. 21: 46–70. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.3. (In Russ.)
- Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L., Garifulina E.Sh. Motives and Practices of Foster Parents (an Analysis of Narratives). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 74–83. (In Russ.)
- Cording J. (2019) *Professionalisation of Caregiving Evidence Brief*. Wellington: Oranga Tamariki – Ministry for Children. URL: <https://www.orangatamariki.govt.nz/about-us/research/our-research/professionalisation-of-caregiving-evidence-brief/> (accessed 21.12.2020).
- Dore M.M., Mullin D. (2006) Treatment Family Foster Care: Its History and Current Role in the Foster Care Continuum. *Families in Society: the Journal of Contemporary Human Services*. Vol. 87. No. 4: 475–482. DOI: 10.1606/1044-3894.3562.
- Guth A. (2014) *Reform Steps towards Child Protection Bulgaria – Romania. A Comparative Approach*. URL: http://www.childpact.org/wp-content/uploads/2014/04/Reform_steps_Romania-and-Bulgaria.pdf (accessed 19.12.2020).
- Harder A.T., Zeller M., López M., Köngeter S., Knorth E.J. (2013) Different sizes, similar challenges: Out of home care for youth in Germany and the Netherlands. *Psychosocial Intervention*. Vol. 22. No. 3: 203–213. DOI: 10.5093/in2013a24.
- Harlow E. (2021) Children's Rights, Deinstitutionalisation and the Development of Foster Care Services across the World. *Practice: Social Work in Action*. DOI: 10.1080/09503153.2021.1909719.

- Kang'ethe S.M., Makuyan A. (2014) Orphans and Vulnerable Children (OVC) Care Institutions: Exploring Their Possible Damage to Children in a Few Countries of the Developing World. *Journal of Social Sciences*. Vol. 38. No. 2: 117–124. DOI: 10.1080/09718923.2014.11893241.
- Knuiman S., Rijk C.H.A.M., Hoksbergen R.A.C., Van Baar A.L. (2015) Children without parental care in Poland: Foster care, institutionalization and adoption. *International Social Work*. Vol. 58. No. 1: 142–152. DOI: 10.1177/0020872812473138.
- KPMG (2017) *Foster and Kinship Care in South Australia: Final Report*. Adelaide: Department for Child Protection. URL: https://www.childprotection.sa.gov.au/__data/assets/pdf_file/0017/107270/foster-kinship-care-review.pdf (accessed 18.12.2020).
- Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. (2017) Overhauling Russia's child welfare system: Institutional and ideological factors behind the paradigm shift. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 3: 353–366. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-353-366.
- Laklija, M. (2011) *Foster Care Models in Europe: Results of a Conducted Survey*. Zagreb. URL: <https://udomiteljiz-adjecu.hr/wp-content/uploads/documents/publikacije/Foster%20care%20models%20in%20Europe%20-%20results%20of%20a%20conducted%20survey%20-%20Maja%20Laklija.pdf> (accessed 15.12.2020).
- McClung L. (2007) *Therapeutic Foster Care: Integrating Mental Health and Child Welfare to Provide Care for Traumatized Children*. Melbourne: Berry Street.
- Office of the Assistant Secretary for Planning and Evaluation (ASPE) (2016) *Challenges and Opportunities in Treatment Foster Care*. U.S. Department of Health and Human Services. Washington, DC: ASPE. URL: https://aspe.hhs.gov/system/files/pdf/206766/TFC_ResearchSummary.pdf (accessed 23.12.2020).
- Oslon V.N. (2006) *Living Arrangements for Orphans: Professional Foster Family*. Moscow: Genesis. (In Russ.)
- Schmidt V. (2016) Attachment Theory in Action: Psychological Theories of Mother-Child Bonding in Post-socialist Czech Republic. *Laboratorium: Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 8. No. 1: 58–81. (In Russ.)
- Seibert J.H., Feinberg R., Ayub A., Helburn A., Gibbs D. (2018) *State Practices in Treatment/Therapeutic Foster Care*. U.S. Department of Health and Human Services. Washington, DC: ASPE. URL: <https://aspe.hhs.gov/system/files/pdf/259121/TREATMENTFOSTERCARE.pdf> (accessed 25.12.2020).
- Seibert J.H., Romaine M.A., Cowell A.J., Hinde J.M., Mills M.J., Cool A., Theis E.N. (2019) *Patterns of Treatment/Therapeutic Foster Care and Congregate Care Placements in three States*. U.S. Department of Health and Human Services. Washington, DC: ASPE. URL: https://aspe.hhs.gov/sites/default/files/migrated_legacy_files/190756/TreatmentFosterCareReport.pdf (accessed 25.12.2020).
- Shpakovskaya L., Kulmala M., Chernova Zh. (2019) The Ideal Organization of Care for Children Left without Parental Care: Russia's Child Welfare Reform as a Battle over Resources and Recognition. *Laboratorium: Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 11. No. 1: 57–81. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-1-57-81. (In Russ.)
- Social Services Improvement Agency (SSIA) (2007) *What Works in Promoting Good Outcomes for Looked After Children and Young People?* Cardiff: Institute of Public Care, Social Services Improvement Agency.
- Southerland D.G., Burns B.J., Farmer E.M.Z., Wagner H.R., Simpson A.N. (2014) Family Involvement in Treatment Foster Care. *Residential Treatment for Children & Youth*. Vol. 31. No. 1: 2–16. DOI: 10.1080/0886571X.2014.878586.
- Stovall K. Ch., Dozier M. (1998) Infants in Foster Care: An Attachment Theory Perspective. *Adoption Quarterly*. Vol. 2. No. 1: 55–88. DOI: 10.1300/J145v02n01_05.

Received: 17.03.21. Final version: 21.11.21. Accepted: 04.03.22.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕМОДАЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСТВА

ЯНАК Алина Леонидовна – кандидат социологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Нижний Новгород, Россия (alinayanak91@yandex.ru).

Аннотация. Предпринята попытка концептуального осмысления феномена немодального родительства на основе анализа отечественных и зарубежных работ. Методология исследования опирается на трансформационную и кризисную концепции развития семьи, теоретические подходы Т. Парсонса, П. Бурдьё, Э. Гидденса, З. Баумана. Немодальное родительство рассматривается как семейный субинститут, социальная практика, социальная идентичность. Предложены авторские критерии и определение понятия немодального родительства. Дифференцируются материнство и отцовство, их немодальные практики. Отмечается, что основные отличия альтернативных/ненормативных моделей от традиционных сосредоточены вокруг структуры детности и родительства, особенностей его возникновения, реализации, субъектности, востребованности и восприятия.

Ключевые слова: альтернативные типы брачно-семейных отношений • нетрадиционная семья • немодальное родительство • материнство • отцовство • семейный субинститут • социальная практика • социальная идентичность

DOI: 10.31857/S013216250016486-7

Семья сегодня рассматривается в нарративах трансформации, плюрализации, дифференциации, нуклеаризации, эгалитаризации и других процессов. Преобразования семьи могут дискутироваться в контексте институционального кризиса и дефункционализации, преобразований и модернизации, демографической проблемы, индивидуального восприятия семьи и семейных ценностей отдельной личностью, сферы занятости, (домашнего) труда. Бесспорно, что это статистически и качественно фиксируемый, актуальный и стремительно распространяющийся процесс. Одним из продуктов глобальных изменений семейной сферы является немодальное родительство. В отличие от альтернативных типов семьи и брака, немодальное родительство пока теоретически не конкретизировано, хотя нуждается в этом, учитывая условную автономизацию супружества и родительства, распространение новых родительских практик. Цель статьи – комплексный анализ подходов к пониманию природы немодального родительства.

Немодальное родительство как семейный субинститут. В этом контексте семейная организация (структура) довлеет над родительством как собственной компонентой, управляет его формами и типами, с одной стороны. Отсюда немодальное родительство – ядро, производное немодальных семейных систем. С другой стороны, оно может рассматриваться как относительно сепарированная «упорядоченная совокупность регуляторов и предписаний», регламентирующих определенные типы родительско-детских отношений внутри института семьи и способных спровоцировать его изменения [Басина, 2020: 14].

Понятие «немодальные семьи» введено в отечественный научный оборот А.А. Клецкиным. Термин не имеет четкой трактовки, но использовался автором как тождественный «внебрачным и альтернативным», «нетипичным» семьям. При этом немодальная семья

представлена как «патология», а модальная – «норма», или «нечто, не отклоняющееся от усредненных показателей, не выделяющееся из массы» [Клецин, 1994: 167–168]. Модальная семья – среднестатистическая семья. Доминирующим социально-демографическим типом семейных домохозяйств сегодня являются те, что состоят из одной супружеской пары и одного или двух несовершеннолетних детей (порядка 30% от общего числа).

Т. Парсонс описывает ключевое свойство «модальной личности» как «предрасположенность к конформности с главными ролевыми ожиданиями в обществе» [Парсонс, 2002: 337]. То есть модальная семья должна соответствовать социально приемлемым/одобряемым паттернам поведения. Важной чертой модального типа выделяется вариативность, однако благодаря «силе социализирующих механизмов» другие типы «отклоняются от модального по одной, самое большее – двум переменным».

С.И. Голод, акцентируя внимание на трансформации семьи, плюрализации брачных/партнерских отношений, констатирует распространение «инновационных союзов»: неполные (монородительские), материнские, послеразводные, вдовы, фактические (сожительства), повторнобрачные семьи, семьи с неродным(и) родителем(ями), би(поли)гамные (конкубинат, суаньнантаж) с раздельным проживанием супругов, открытые (свободные) браки, одиночные домохозяйства, образованные «людьми, осознанно отказывающимися от семейной жизни» [Клецин, 1994; Голод, 2003: 117].

Т.А. Гурко выделяет альтернативные брачным моделям организации частной жизни неофициальные и неактуальные семьи [Гурко, 2008: 185], «новые семейные формы», к которым причисляются приемные семьи и замещающее опекунство [Гурко, 2017]. Применительно к описанию практик, отклоняющихся от основных тенденций и норм *случайно*, применяется понятие «вариация», *систематически* (например, регистрация брака сожителями парами после зачатия/рождения ребенка или монородительство в результате развода) – «девиация», постепенно превращающаяся в норму [Гурко, 2016]. М. Лэм трактует термин «нетрадиционная семья» как «намеренную, или умышленную, девиацию» [Lamb, 1999].

В зарубежной литературе часто употребляемыми выражениями служат «альтернативные» (alternative families) и «нетрадиционные» семьи (nontraditional families) [Alexander et al., 1980; Lamb, 1999; Macklin, 1987; Rosenfeld, 2010]. В качестве аналогов используются термины «трансгрессивная семья» [Perry et al., 2016], «ненормативная семья», которая рассматривается Э. Чапман и С. Салтмарш в риторике «гетеропатриархата», полноты родительской структуры и релевантности благополучному детству [Chapman et al., 2013]. Также преимущественно зарубежными исследователями «карта» нетрадиционных семей дополняется однополыми партнерствами [Amato, 2012; Golombok et al., 2018; Perry et al., 2016; Rosenfeld, 2010; Stacey, 1996].

Анализируя новые теоретико-методологические подходы и фокусы в западной социологии семьи, А.В. Носкова отмечает появление «нетрадиционных партнерств», развивающихся в том числе за счет «массового использования вспомогательных репродуктивных технологий, ...набирающего популярность репродуктивного туризма, ...мультилокальных семей» [Носкова, 2015: 179].

Осмысление немодальной семьи может конструироваться методом «от противного». Как заметила Э. Маклин, «чтобы дать определение нетрадиционному, нужно сначала выяснить суть традиционного, принимая во внимание, что традиции меняются». И хотя альтернативные формы классифицируются ею как противоположные традиционным, «разновидности традиционной семьи образуют широкий континуум от традиционного до нетрадиционного, и любой образ жизни варьируется в нем в зависимости от таких факторов, как ценности вовлеченных лиц, причины выбора ими того или иного образа жизни, и их приверженность к нему» [Macklin, 1987: 317].

Э. Гидденс отмечает, что под «стандартной» семьей понимают поздний переходный этап ее развития, относящийся к 1950-м гг. К тому времени она уже и так значительно трансформировалась. Современная семья рассматривается через категории

«детрадиционализации» (привычных стилей жизни) и риска, а ее последователи сравниваются с «первопроходцами, идущими по целине». Социолог подчеркивает, что в структуре современной семьи приоритет отдается не столько детско-родительскому или межпоколенному звену, сколько отношениям в «паре» («чистым», основанным на «демократии чувств», эмоциональной, сексуальной близости, доверии и одновременно независимости), которая заменяет «супружество», а семья в целом преобразуется в «институт-пустышку», уже не соответствующий своей первоначальной миссии. «В разделяющемся и разводящемся обществе нуклеарная семья порождает разнообразие новых родственных связей, ассоциирующихся, например, с ... рекомбинантными семьями». При этом деторождение сегодня может быть факультативной или сверхценной задачей, поскольку дети перестали быть необходимым источником экономических выгод и превратились в осознанный объект инвестиций – «семейных бенефициаров». Фундамент детско-родительских отношений – тоже «чистые отношения», подкрепленные равноправием старших и младших, финансовой властью и авторитетом взрослых, «договорной приверженностью», «чувствительностью и пониманием» [Гидденс, 2004: 35, 44, 73–79].

Л. Руссель описывает три формы семьи в контексте ее трансформации: 1) традиционная, имеющая целью выживание группы путем репродукции, фактически представляющая собой инструмент слияния индивидуальной идентичности с социальным положением; 2) современная, снижающая функцию воспроизводства и становящаяся местом построения и трансляции личного счастья, глобальная задача которой заключается в импликации индивидуального благополучия во всеобщее благо; 3) фрагментированная, включающая следующие типы в зависимости от своего назначения: современную семью, основанную на чувстве любви, но институционально регулируемую; семью слияния, скрепленную только любовными узами; клубную (контрактную) семью, объединяющую независимых партнеров на взаимовыгодных условиях (удобный, но сложный вариант отношений, приводящий к распространению ре- и перекомпанованных семейных конфигураций); историческая семья, в рамках которой интенсивность первоначального чувства со временем изменяется в брачный проект, где партнеры становятся проверенными спутниками жизни [Russel, 1989].

С.И. Голод условно делит семью на патриархальную (традиционную), детоцентристскую (современную) и супружескую (постсовременную) [Голод, 1996: 100], второй тип автор называет модальным, оговариваясь, что российский семейный ландшафт весьма эклектичен [Голод, 2003: 118]. Современная семья скорее является симбиозом указанных моделей, компануется из их элементов. Детоцентристская семья – тип моногамии, характеризующийся повышением роли приватной сферы, детей, целенаправленным контролем фертильности, ограничением горизонтальных связей, нивелированием их значения в процессе социализации (отсутствие или малочисленность сиблингов, родственников, дистанцируемость контактов), возможностью развода как приемлемого варианта исправления «субъективной ошибки» выбора брачного партнера. Следовательно, немодальными, с этой позиции, могут считаться многодетные семьи и, напротив, семьи чайлдфри, неблагополучные, дисфункциональные семьи, находящиеся в социально опасном положении, нарушенное или ограниченное (например, после развода) родительство, ставшее результатом безответственных и/или беспорядочных половых связей [Саралиева, 2014], а также матери и отцы, лишённые родительских прав.

Э. Маклин конкретизирует традиционный, «подтвержденный юридической практикой и иудео-христианским наследием» семейный паттерн как «законный, пожизненный, детный, исключительный сексуальный брак между одним мужчиной и одной женщиной, где мужчина является основным кормильцем и высшим авторитетом» [Macklin, 1987: 317]. И.И. Елисеева называет модальную семью «основной», ссылаясь на «классическое определение», включающее гетерогенность супругов, «наличие кровного родства, общего жилища и бюджета» [Елисеева, 2020: 21]. Среди важных дополнений к интерпретации следует отметить доминирование жены-матери в приватном пространстве, а мужа-отца – в публичном. Отсюда женщины – «домашние стейкхолдеры» («провайдеры заботы»,

«источники безопасности» [Lamb, 1999], «эксперты в уходе за детьми», «эмоциональные менеджеры») [Рождественская, 2020: 162] выполняют типичные женские обязанности, уход за детьми, а мужчины – типичные мужские, с минимальным участием в заботе о детях, но способностью служить для них «символическим рычагом давления» и обеспечивать их «связь с престижем и ответственностью за узкими рамками круга родства» [Парсонс, 2002: 326–327]. И хотя формально, согласно Семейному кодексу РФ, отцы имеют равные с матерями родительские права, обязанности и ответственность за детей, эгалитарная семья, с точки зрения функционального аспекта и распределения властных отношений, считается новаторской.

Л.В. Карцева отмечает, что модификации в брачно-семейной сфере – адаптационная реакция на социальные реформы. Возникает конфликт между семьей как социальным институтом, претерпевающим кризис в дестабилизирующих условиях, и семьей как малой социальной группой, стремящейся сохранить статус семьи, пусть даже неформальный, а значит, между «нормативным» и «ненормативным» типами семьи [Карцева, 2003: 94].

Родительство как семейный субинститут, в свою очередь, дифференцировано материнством и отцовством. Существуют материнские и отцовские семьи. Как девиация материнское монородительство, пожалуй, уже прошло все стадии своего развития [Смелзер, 1992]. Монородительство в принципе отождествляется с материнским, и оно действительно глубоко феминизировано: в структуре семей с одним родителем семейные ячейки «матери с детьми» составляют 89% [Воронин, Янак, 2018]. Образ материнской семьи конструируется как приемлемый и даже «привычный» ввиду множества факторов: от демографических (более высокая и ранняя смертность мужчин и как следствие вдовство женщин) и социально-политических (закрепление паттерна постразводной материнской опеки в судебной практике и обыденном сознании) до субъективных (внебрачное рождение ребенка «для себя», отказ отца ребенка от родительства) [Гурко, 2017]. В целом материнство, как правило, независимо от типа семьи и континуумов его реализации (кроме отказного, прекращенного или ограниченного) рассматривается как безусловное, первичное родительство, основной источник заботы о детях (см. подробнее: [Гурко, 2008; Исупова, 2014: 383–384; Чернова, 2011]). Если родительская роль матери осмысливается как естественная и, скажем, универсальная, то отцовский ролевой репертуар – детерминированный, выборочный.

Представления об отцовской семье более «немодальны» в силу ряда причин: малочисленность; труднодоступность для исследования; гендерные стереотипы и низкая педагогическая компетентность отцов; вторичная природа формирования семьи (обычно вдовство, иногда развод, материнское «дезертирство», редко устная договоренность разведенных супругов о разделении разнополых детей-сиблингов, фактическое воспитание детей отцом в случае длительного и систематического отсутствия матери, исключительные случаи – суррогатное материнство); более высокий, чем у одиноких матерей, материальный статус одиноких отцов; монородительство как временный переходный этап, предшествующий повторному союзу/созданию сводной семьи [Безрукова, Самойлова, 2019; Воронин, Янак, 2018; Ермилова, 2016; Шевченко, 2014].

Немодальное родительство как социальная практика. В рамках данного подхода родители и дети представляют собой малую социальную группу, (не)модальность родительства рассматривается сквозь призму специфики родительско-детских отношений.

П. Бурдые под практикой понимает все, что социальный агент (вос)производит сам, и с чем он встречается в социальном, повседневном мире [Бурдые, 2001: 551–552]. В такой интерпретации данное понятие схоже с «деятельностью» и «культурой» в широком смысле. Т.А. Гурко не зря применяет к родительским социальным практикам словосочетание «родительские субкультуры» [Гурко, 2008: 298]. Э. Гидденс добавляет, что социальная практика, являясь «результатом, (вос)производимым социальной деятельностью», еще служит ресурсом организации структур [Гидденс, 2005: 70].

Социальную практику определяют социальные действия по реализации прав и обязанностей (правил и ресурсов). Усвоение и имитация ценностей, норм и условий социальной деятельности делают возможным повторение и типизацию социальных практик, воспроизводство структур (которые все чаще и независимее начинают проявлять свою способность к самотворению или рефлексивности [Гидденс, 2005: 38–74]), развитие инновационных практик. Традиционное отцовство трактуется как отсутствующее, или «патриархальный дефицит». В результате адаптации к институциональным социальным и семейным преобразованиям, ломки гендерного порядка, выработки других норм и ценностей современные отцы демонстрируют новые поведенческие ориентиры (вовлеченное отцовство), в том числе через родительские гражданские инициативы, социальные сети [Клецина, 2009; Рождественская, 2020; Егорова и др., 2020; Чернова, 2018]. Некоторые исследователи маркируют социальную потребность в активном включении мужчин в репродуктивный и родительский труд [Римашевская и др., 2017]. В свою очередь, женщины утрачивают родительскую гегемонию и априорную материнскую субъектность, не всегда и не повсеместно проявляют витальную потребность в детях, имеют противоречивые ожидания от материнской роли [Микляева, Румянцева, 2018].

Наряду с вовлеченным отцовством, нерезидентным материнством (добровольный уход женщины из семьи, длительное отсутствие вследствие образовательной или профессиональной миграции, пребывания в местах лишения свободы, медицинских учреждениях), Т.А. Гурко также указывает на парадоксальные с демографической точки зрения практики родительства (материнства), «когда рожают те женщины, которые не могут без помощи государства воспитать детей» [Гурко, 2008: 253], – патерналистского или иждивенческого. Патернализм, устоявшийся в советский период, уже не свойственен для современной российской нормативной семьи, долженствующей быть относительно самостоятельной единицей ответственности за первичное воспитание и содержание детей.

Немодальное родительство как социальная идентичность. Социальная идентичность – устойчивое отождествление индивидом себя с какой-либо социальной группой (в частности, семейной) на основании принадлежности, принятия, разделения и культивации в своем поведении определенных социокультурных образцов, под которыми понимается конфигурация смысловых схем ориентаций и моделей поведения, соответствующих конкретным типам ситуаций (нормы, ценности, мотивы, модели «должного») [Ганеева, 2008]. Одной из причин социальной идентификации является потребность в самореализации [Ядов, 1994].

Вследствие разнообразия жизненных стратегий, расширения семейных альтернатив возникающие идентичности могут вступать в противоречие с имеющимися, способствуя их множественности (фактическая, стабильная или ситуативная/диффузная/ограниченная, формирующаяся или зрелая, позитивная или проблемная), ролевым конфликтам, кризису идентичности, влияющим на самореализацию и сопряженным с отчуждением [Штомпка, 1996: 112], амбивалентностью во внутрисемейных отношениях [Гурко, 2020]. Социальная идентичность сегодня может размываться или утрачиваться под гнетом разрушения традиционного уклада жизнедеятельности, рискогенности, социальной изолированности, нарушения межличностной коммуникации и механизмов общности. «Развитие современных ...обществ ...формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей так или иначе вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей» [Ядов, 1994]. По мнению З. Баумана, суть индивидуализированной непредсказуемой современности состоит в преобразовании идентичности из «дано» в «найти», «необходимость стать» [Бауман, 2008]. Согласно взглядам Э. Гидденса, «самопоиск» нужно начинать в процессе (само)рефлексии, принимая ответственность за выработку траектории развития и аутентичности личности на себя. Упор делается на широких возможностях индивида в вопросах (ре)конструирования самоидентичности благодаря множеству альтернатив стилей жизни и многоэтапному жизненному циклу. «Жизненная политика – политика самоидентичности» [Гидденс, 2011: 58, 69].

Родительская идентичность мужчин и женщин в условиях вариативности семейных стратегий, континуумов и статусов может меняться, укрепляться, проблематизироваться или не проявляться вовсе. При распаде семьи родители на время утрачивают матримониальную, но могут сохранить в устоявшемся для них виде родительскую идентичность. Причем, например, для матерей развод может стать поводом для усиления своих родительских позиций, а для отцов – отчуждения или восстановления прежде всего маскулинной идентичности [Безрукова, Самойлова, 2020], переформатирования актуальной родительской идентичности в номинальную, «бесконтактную» [Саралиева, 2014]. Особенно интересны с точки зрения формирования родительской идентичности случаи образования повторнобрачных или сводных семей с отцом-отчимом, который может быть как усыновителем, т.е. осуществлять формальное (официальное) родительство [там же], так и фактическим родителем (неофициальным «заменителем» отца), сородителем, т.е. «вторым»/«делегированным» отцом (при продолжении реализации родительства отдельно проживающего биологического отца) [Шевченко, 2016].

Гибкость, способность к изменению родительской идентичности, ее относительная (не)устойчивость – одни из атрибутов немодального родительства. Подобные возможности обладают как разрушительным (развод), так и созидательным (заключение повторно-брака и рождение в нем детей) потенциалом.

Критерии и определение немодального родительства. Согласно концепции А.А. Клецина, «морфологическое» исследование немодальных семей, сосредоточенное на выделении их специфических форм, или применение адаптивных параметров, связанных с их нестабильностью, невыполнением каких-либо функций, или критериев статистической нормы, или выделение их «патологической симптоматики» «оказываются мало пригодными для продуктивного анализа», а их свойства (индивидуализированность, парциальность, несбалансированность) характеризуют главным образом супружескую диаду [Клецин, 1994: 174–178]. Налицо необходимость разработки критериев немодального родительства, синхронизирующих разные параметры возникновения и жизнедеятельности родительско-детского ядра.

Безусловно, существуют «претензии» к стабильности, функционированию, интеграции таких семейных групп (на микро- и мезоуровне), однако на институциональном (макро-) уровне они оказываются весьма адаптивными. Наиболее распространенные модели демонстрируют некоторые признаки институционализации: развитие общественных объединений родителей (приемных, одиноких), легитимация и правовое регулирование отношений (например, после развода, при передаче ребенка в замещающую семью), идеологические установки («хорошее дело браком не назовут», «штамп в паспорте убивает любовь», «отсутствие штампа детям не помеха»), ритуалы (брачный туризм гомосексуальных пар, репродуктивный туризм). Некоторые пары не регистрируют отношения, чтобы получать трансферты, предназначенные для матерей-одиночек, принимают в семью детей ради зарплаты, задавая новые тренды в развитии родительства (профессионализация и коммерциализация).

Негативное восприятие немодальных форм супружества и родительства относительно. Плюрализация его типов, стабилизация довольно высокого уровня распространения данных практик говорят, по крайней мере, об их приемлемости, подчеркивают нормальность (суб)культурного многообразия. Существует официальный и неофициальный проблематизирующий или одобрительно-поощряющий дискурс. В нормативно-правовых актах встречается прямая или латентная критика отдельных, демографически не востребуемых практик, демонстрируют активность общественные организации, формируемые носителями специфических потребностей (по типу групп взаимопомощи), есть исследования, посвященные негативным факторам воспитания в альтернативных типах семей, может конструироваться их неблагоприятный образ в СМИ.

А.Р. Михеева рассматривает главные структурные элементы приватно-демографической сферы: сексуальные, брачные, репродуктивные, детско-родительские, гендерные практики. Отмечается, что в них появляются такие «новые» компоненты, как откладывание брака, внутрисемейное ограничение детности, внебрачные рождения, повторные

и однополые союзы, глубинный смысл которых заключается в релевантности исторически трансформирующемуся приватно-демографическому полю [Михеева, 2014: 111–114].

Американские социологи выделили три кластера альтернативных форм семьи с точки зрения отношений родства: 1) возникающий вследствие вариативности формального брака или его отсутствия; 2) образующийся благодаря вмешательству в репродуктивный процесс, при котором ребенок не является результатом полового акта; 3) проявляющийся в развитии добровольных связей, субъективно считающихся родственными, в которых принадлежность к семейной группе не имеет четких биологических или правовых оснований («семья по выбору» [Cherlin, 2004]). В качестве ключевых свойств таких семейных систем авторы называют культурную способность к инклюзии – включению потенциальных родственников в семейное взаимодействие ввиду эмоциональной привязанности и самоидентификации с той или иной родственной группой [Furstenberg et al., 2020].

Резюмируем вышеизложенное и выделим критерии немодального родительства: специфичность структуры (одинокое, внебрачное, раздельное родительство); небиологическое родительство; зачатие и деторождение с применением вспомогательных репродуктивных технологий; гомосексуальность; патриархальный тип заботы о детях; статусно-ролевая подвижность (возможны модификация и гибридизация родительства при изменении супружеской и детной структур, например сочетание родительской роли в постразводной и актуальной семьях); демографическая адаптивность и конкурентоспособность (способность к репродуктивной и социализационной успешности, несмотря на инаковость структуры); статистические отклонения от средних показателей и динамика; допустимость и доктринальность (в противовес нормативности и легитимности модальных типов семьи) [Bartlett, 1984]. Дополнительными или косвенными эмпирическими индикаторами немодального родительства с точки зрения его содержания и качества служат асоциальное поведение родителей, ограничение или лишение родительских прав, педагогическая, социальная и психологическая запущенность детей, их безнадзорность, иждивенческое (зависимость от пособий) положение семьи.

Немодальное родительство может быть определено как выходящее за рамки традиционного понимания родительства (кровного и прямого родства, полной родительской структуры, официального (в зарегистрированном браке) и подтверждённого родительства), статистической и демографической нормы и/или социально привычных/одобряемых паттернов родительского поведения материнство и отцовство.

Заключение. Немодальное родительство как концепт может рассматриваться неотрывно от альтернативных типов брачно-семейных отношений или автономно, представляя собой отдельную структурную единицу. Как правило, его типы отличаются от модального за счет супружеской или детной структур, либо социальных практик родительства, моделей воспитания детей.

Приемлемость, одобряемость или востребованность немодального родительства и его частных форм может выявляться и подтверждаться при помощи статистических показателей и соответствующих дискурсов: общественного (опросы общественного мнения), социально-политического (нормативно-правовые акты в сфере семейной, демографической, социальной и гендерной политик), научного (исследования и публикации по проблеме), медийного (репрезентации в СМИ). Высокая суммарная представленность немодальных родительско-детских отношений, по сравнению с традиционными, указывает на их принятие «снизу», но не гарантирует их легитимацию и поддержку на уровне «сверху». Данные гипотетические тезисы требуют дальнейшей эмпирической проверки.

Так или иначе, немодальное родительство уже нельзя рассматривать в риторике исключительно нормы или патологии. Безусловно, если брать во внимание фамилистические, «строгие» и, собственно, традиционные определения семьи, любые ее «ипостаси» могут вовсе считаться не- или недосемьей, «осколками», «фрагментами» семьи, им инкриминируются кризис и разрушение данного института. По такой логике родительство в принципе не может выступать отдельным предметом исследований. Однако это

означает отрицание очевидного: глубокая трансформация традиционного семейного паттерна (какая из «традиционных» семей «традиционна» именно сегодня?), рост как самих вариантов немодального родительства, так и их удельного веса в семейной конъюнктуре общества, субъективная семейная идентификация представителей тех или иных альтернативных семейных групп, закрепление социального и правового статусов некоторых из них. На наш взгляд, логичнее и целесообразнее делать упор на диверсификации семейного института и вести речь о семантических, нежели критериальных, границах традиционной семьи; оценивать качество родительства (его доступность, вовлеченность и компетентность), нежели уровень его соответствия структурным нормам. Не подлежит сомнению то, что данные практики являются неотъемлемой частью современной реальности, они формируют родительско-детские и семейные отношения и нуждаются в изучении и осмыслении. Родительство, как и детство, самоценно, а обвинения в нетрадиционности, демографической ущербности или никчемности немодального родительства нивелируются свидетельствами распространения добровольной бездетности («чайлдфри», отказное родительство). Пожалуй, это и есть истинно альтернативный родительскому образ жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басина Н.И. Институциональные характеристики семьи и субинституциональный профиль родительства: новые практики // Евразийский союз ученых. 2020. № 12 (81). С. 13–17.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребёнком // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–101. DOI: 10.31857/S0132162500057968.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680.
- Бурдые П. Практический смысл / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетей, 2001.
- Воронин Г.Л., Янак А.Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 53–66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5.
- Ганеева Е.И. Проблемная социальная идентичность: сущность и условия формирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2008. № 1. С. 39–45.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.
- Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 2. С. 106–119.
- Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.
- Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008.
- Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113.
- Гурко Т.А. Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 63–73. DOI: 10.31857/S013216250008526-1.
- Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи (2-е изд.). М.: ИС РАН, 2016.
- Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233–251. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782.
- Елисеева И.И. Основная семья: предыстория и перспективы // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12042>.
- Ермилова А.В. Жизнь после развода родителей в восприятии детей: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2016. № 1(78). С. 69–79.
- Исупова О.Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 381–396.
- Карцева Л.В. Модели семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100.
- Клецин А.А. Внебрачные и альтернативные (немодальные): формы и содержание // Рубеж. 1994. № 5. С. 166–179.

- Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 29–41.
- Микляева А.В., Румянцева П.В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1 (86). С. 67–77. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.6.
- Михеева А.Р. Опыт интеграции макро- и микроподходов в социологии семьи на основе структурно-генетической теории П. Бурдьё // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки*. 2014. № 3. С. 110–105.
- Носкова А.В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // *Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 177–185.
- Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академ. проект, 2002.
- Римашевская Н.М., Малышева М.М., Пискалова-Паркер М.П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // *Народонаселение*. 2017. № 2 (76). С. 28–41.
- Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5. С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676.
- Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // *Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки*. 2014. № 2. С. 118–123.
- Смелзер Н.Дж. Социология. Типы девиаций // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 98–113.
- Чернова Ж.В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.
- Чернова Ж.В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. № 15. С. 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1.
- Шевченко И.О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // *Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2014. № 4(126). С. 136–172.
- Шевченко И.О. Сводные семьи: отношения и проблемы // *Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2016. № 4. С. 61–68.
- Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // *Социологический журнал*. 1994. № 1. С. 35–52.
- Alexander J., Elduson B.T. Alternative families and children: Implications for education // *Educational Horizons*. 1980. Vol. 59. No. 1. P. 40–46.
- Amato P.R. The Well-Being of Children with Gay and Lesbian Parents // *Social Science Research*. 2012. Vol. 41. No. 4. P. 771–774. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.04.007>.
- Bartlett K.T. Rethinking Parenthood as an Exclusive Status: the Need for Legal Alternatives When the Premise of the Nuclear Family Has Failed // *Virginia Law Review*. 1984. Vol. 70. No. 5. P. 879–963. DOI: <https://doi.org/10.2307/1072945>.
- Chapman A., Saltmarsh S. The Politics of Normative Childhoods and Non-Normative Parenting: a response to Cristyn Davies and Kerry Robinson // *Contemporary Issues in Early Childhood*. 2013. Vol. 14. No. 1. P. 60–65. DOI: 10.2304/ciec.2014.14.1.60.
- Cherlin A. The deinstitutionalization of American marriage // *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. No. 4. P. 848–861. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00058.x.
- Furstenberg F.F., Harris L.E., Pesando L.M., Reed N.M. Kinship Practices Among Alternative Family Forms in Western Industrialized Societies // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. No. 5. DOI: 10.1111/jomf.12712.
- Golombok S., Blake L., Slutsky J., Ehrhardt A. Parenting and Adjustment of Children Born to Gay Fathers Though Surrogacy // *Child Development*. 2018. Vol. 89. No. 4. P. 1223–1233. DOI: 10.1111/cdev.12728.
- Lamb M.E. Parental Behavior, Family Processes, and Child Development in Nontraditional and Traditionally Understudied Families / Ed. by M.E. Lamb // *Parenting and Child Development in "Nontraditional" Families*. New York: Psychology Press, 1999. P. 1–14.
- Macklin E.D. Nontraditional Family Forms / Ed. by M.B. Sussman, S.K. Steinmetz // *Handbook of Marriage and the Family*. New York: Plenum Press, 1987. P. 317–353.
- Perry S., Whitehead A. Religion and Non-Traditional Families in the United States // *Sociology Compass*. 2016. No. 10/5. P. 391–403.
- Rosenfeld M.J. Nontraditional Families and Childhood Progress Through School // *Demography*. 2010. Vol. 47. No. 3. P. 755–775.
- Roussel L. La famille incertaine. Paris: Editions Odile Jacob, 1989.

Статья поступила: 27.08.21. Финальная версия: 30.01.22. Принята к публикации: 26.02.22.

CONCEPTUALIZING NON-MODAL PARENTING

YANAK A.L.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

Alina L. YANAK, Cand. Sci. (Sociol.), Senior lecturer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (alinayanak91@yandex.ru).

Acknowledgements. The study was funded by grant from the President of the Russian Federation for young Candidates of Sciences, research project No. MK-641.2021.2.

Abstract. Pluralization and dynamics of development, institutionalization, variability of discursive practices problematize the phenomenon of non-modal parenting. The paradoxical absence of a theoretical framework makes it necessary to attempt its conceptualizing based on the analysis of domestic and foreign publications on the topic. The research methodology is based on the family change or crisis theory, theoretical approaches by T. Parsons, P. Bourdieu, A. Giddens, Z. Bauman. Non-modal parenting as a subject of study might be specified as a family substitute, social practice, social identity. In the article author proposes criteria and definition for non-modal parenting, differentiated motherhood and fatherhood, and their non-modal practices. The main differences between alternative/non-normative models and the traditional ones are concentrated around the structure of childhood and parenthood, emergence, realization, subjectivity, relevance and perception of the non-modal parenting.

Keywords: alternatives to marriage and family, non-traditional family, non-modal parenting, motherhood, fatherhood, family substitute, social practice, social identity.

REFERENCES

- Alexander J., Elduson B.T. (1980) Alternative families and children: Implications for education. *Educational Horizons*. Vol. 59. No. 1: 40–46.
- Amato P.R. (2012) The Well-Being of Children with Gay and Lesbian Parents. *Social Science Research*. Vol. 41. No. 4: 771–774. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.04.007>.
- Bartlett K.T. (1984) Rethinking Parenthood as an Exclusive Status: the Need for Legal Alternatives When the Premise of the Nuclear Family Has Failed. *Virginia Law Review*. Vol. 70. No. 5: 879–963. DOI: <https://doi.org/10.2307/1072945>.
- Basina N.I. (2020) Family Institutional characteristics and the subinstitutional profile of parenting: new practices. *Yevraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists]. No. 12: 13–17. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2019) 'Eager Dads' and 'Dads against their Will', or Why Russian Dads are Reluctant to Go on Parental Leave. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 90–100. DOI: 10.31857/S013216250005796-8. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2020) Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 463–498. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680.
- Bourdieu P. (2001) *Practical Reason*. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow: IES; St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Chapman A., Saltmarsh S. (2013) The Politics of Normative Childhoods and Non-Normative Parenting: a response to Cristyn Davies and Kerry Robinson. *Contemporary Issues in Early Childhood*. Vol. 14. No. 1: 60–65. DOI: 10.2304/ciec.2014.14.1.60.
- Cherlin A. (2004) The deinstitutionalization of American marriage. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 4: 848–861. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00058.x.
- Chernova Z.V. (2011) Who Should Take Care of Whom and Under What Conditions?: Gender Analysis of Care Regimes and Family Policies. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research]. No. 9 (3): 295–319. (In Russ.)
- Chernova Z.V. (2018) Representation of Fatherhood: Blogs' Sociological Analysis. *INTER: Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [INTER: Interaction. Interview. Interpretation]. No. 15: 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1. (In Russ.)
- Egorova N.Y., Yanak A.L., Ryabinskaya E.S. (2020) Parental roles in the modern Russian family: the male boundaries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 233–251. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782. (In Russ.)

- Eliseeva I.I. (2020) The Main Family: Background and Prospects. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 7(4): 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12042>. (In Russ.)
- Ermilova A.V. (2016) perception of children's life after the divorce: a sociological analysis. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 1: 69–79. (In Russ.)
- Furstenberg F.F., Harris L.E., Pesando L.M., Reed N.M. (2020) Kinship Practices Among Alternative Family Forms in Western Industrialized Societies. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 82. No. 5. DOI: 10.1111/jomf.12712.
- Ganeeva I.E. (2008) Inconstant Social Identity: the Essence and the Condition of Genesis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. No. 1: 39–45. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) *Runaway World. How Globalisation is Reshaping Our Lives*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Giddens A. (2005) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Golod S.I. (1996) Modern Family: Pluralism of Models. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3–4: 99–108. (In Russ.)
- Golod S.I. (2003) Perspectives of a Monogamous Family: Comparative Cross-Cultural Analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 6. No. 2: 106–119. (In Russ.)
- Golombok S., Blake L., Slutsky J., Ehrhardt A. (2018) Parenting and Adjustment of Children Born to Gay Fathers Through Surrogacy. *Child Development*. Vol. 89. No. 4: 1223–1233. DOI: 10.1111/cdev.12728.
- Gurko T.A. (2016) *Theoretical Approaches to Family Studies*. 2th ed., revised. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2017) New Family Forms: Tendencies of Spreading and Concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2008) *Marriage and parenthood in Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2020) The Concept of Ambivalence in the Study of Family Relations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 63–73. DOI: 10.31857/S013216250008526-1. (In Russ.)
- Isupova O.G. (2014) Childbirth as a Value in the Internet Discourse of Subfertile Women about Egg Donation and Surrogacy. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 3: 381–393. (In Russ.)
- Kartseva L.V. (2003) Family Patterns under Current Russian Societal Transformation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.7: 92–100. (In Russ.)
- Kletsin A.A. (1994) Non-marital and alternative (non-modal) families: forms and content. *Rubezh* [Frontier]. No. 5: 166–179. (In Russ.)
- Kletsina I.S. (2009) Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3: 29–41. (In Russ.)
- Lamb M.E. (1999) Parental Behavior, Family Processes, and Child Development in Nontraditional and Traditionally Understudied Families. In: M.E. Lamb (ed.). *Parenting and Child Development in "Nontraditional" Families*. New York: Psychology Press: 1–14.
- Macklin E.D. (1987) Nontraditional Family Forms. In: M.B. Sussman, S.K. Steinmetz (eds). *Handbook of Marriage and the Family*. New York: Plenum Press: 317–353.
- Mikheeva A.R. (2014) Integration of Macro and Micro Approaches in Sociology of the Family Based on Pierre Bourdieu's Theory of Genetic Structuralism. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. No. 3: 110–115. (In Russ.)
- Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. (2018) #Sheisamother: Implicit Social Beliefs about Motherhood in the Modern Russian Internet Discourse. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 1: 67–77. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.6. (In Russ.)
- Noskova A.V. (2015) New methodological approaches, research focuses, controversial problems of family sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.10: 177–185. (In Russ.)
- Parsons T. (2002). *About social system*. Moscow: Akadem. project. (In Russ.)
- Perry S., Whitehead A. (2016) Religion and Non-Traditional Families in the United States. *Sociology Compass*. No. 10/5: 391–403.
- Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M., Pisklakova-Parker M.P. (2017) Balancing fathers: matching professional and family roles as a cornerstone of society's sustainability. *Narodonaselenie* [Population]. No. 2: 28–41. (In Russ.)
- Rosenfeld M.J. (2010) Nontraditional Families and Childhood Progress Through School. *Demography*. Vol. 47. No. 3: 755–775.
- Roussel L. (1989) *La famille incertaine*. Paris: Editions Odile Jacob.

- Rozhdestvenskaya E.Y. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676. (In Russ.)
- Saralieva Z.H. (2014) Subinstitute of the Parenthood in modern family systems. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. No. 2: 118–123. (In Russ.)
- Shevchenko I.O. (2014) Single Fathers in Russia: Everyday Practices and Challenges. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies]. No. 4(126): 163–172. (In Russ.)
- Shevchenko I.O. (2016) Stepfamilies: Relations and problems. *Vestnik RGGU. Seriya: filosofiya, sotsiologiya, iskuststvedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 4(6): 61–68. (In Russ.)
- Smelser N.J. (1992) Sociology. Types of deviations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 98–113. (In Russ.)
- Sztompka P. (1996) *The Sociology of Social Change*. Transl. from Eng. ed. V.A. Yadov. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Voronin G.L., Yanak A.L. (2018) Single-parent families: their types and social portrait of the lone parent. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 1: 53–66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5. (In Russ.)
- Yadov V.A. (1994) Social identification in a crisis society. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 35–52. (In Russ.)

Received: 27.08.21. Final version: 30.01.22. Accepted: 26.02.22.

МОЛДАВСКИЕ СЕМЬИ С ДЕТЬМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

РОЖКО Анатолий Андреевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник (rojco@mail.ru); ГАГАУЗ Ольга Евсеевна – доктор социологических наук, заместитель директора по науке (gagauzo@inbox.ru). Оба – Национальный институт экономических исследований, Кишинев, Молдова.

Аннотация. На материалах социологического исследования, проведенного в октябре – ноябре 2020 г. на репрезентативной национальной выборке ($N = 1119$), и данных официальной статистики проанализированы изменения материального положения, а также адаптационные стратегии семей с детьми в Молдове. Результаты исследования показали, что во время пандемии COVID-19 около половины семей столкнулись с сокращением доходов, в особенно трудном положении оказались молодые семьи, семьи с тремя и более детьми, а также семьи вынужденно вернувшихся из-за границы трудовых мигрантов. Оценка финансового положения семей во многом зависела от изменений в трудовой деятельности респондентов. Среди работающих удаленно и продолжавших работать в обычном режиме, как правило, занятых в государственном секторе, экономические потери понесла небольшая часть респондентов. Более двух третей из тех, кто потерял работу или находился в вынужденном техническом отпуске, большинство из которых работники частного сектора, столкнулись с серьезными финансовыми трудностями. Семь из десяти вернувшихся трудовых мигрантов отметили сокращение доходов своих семей. В преодолении возможных материальных затруднений респонденты возлагают небольшие надежды на помощь государства. Основными механизмами адаптации населения к новым условиям стали поиск дополнительной работы, заем денег у родственников и ориентация на выезд за границу в поисках работы.

Ключевые слова: материальное положение семей • пандемия COVID-19 • Молдова

DOI: 10.31857/S013216250019598-0

Введение. Семьи с детьми занимают важное место в структуре населения Молдовы. Согласно последней переписи населения (2014), домохозяйства с детьми до 17 лет составляли 37,5%, среди которых каждое девятое – это домохозяйство с тремя и более детьми. Пандемия коронавируса и вызванные ею негативные экономические последствия усугубили материальное положение семей с детьми, так как и до пандемии социально-экономическая ситуация была не самой благоприятной. Многие социально-экономические проблемы еще более обострились, усилилось неравенство и возросла бедность. Некоторые семьи оказались в нищете, возможно, впервые, и для них это явилось вызовом, с которым ранее им не приходилось сталкиваться.

В отличие от других стран, например России, где дополнительные меры поддержки во время пандемии адресованы исключительно семьям с детьми и способствовали сокращению докризисного уровня бедности почти на треть [Андреева и др., 2021], в Молдове меры по поддержанию населения имели весьма ограниченный характер, а семьи с детьми не были той категорией населения, которой предназначалась финансовая помощь. Карантинные меры и длительность пандемии оказали негативное влияние на экономическую

деятельность, что привело в 2020 г. к спаду в большинстве секторов экономики и снижению ВВП на 7%.

Продолжительность и масштаб негативного влияния пандемии могут варьировать для различных групп населения, что вызывает необходимость постоянного мониторинга воздействия кризиса на семьи и разработки ответных мер политики по уменьшению последствий пандемии.

Теоретическая и эмпирическая база исследования. Теоретической основой данного исследования послужил структурный подход [Парсонс, 2002], исходя из которого стратегии семей по преодолению материальных трудностей, вызванных пандемией, будут зависеть от общественных институтов, действий властей по преодолению кризиса, а также доминирующих в общественном сознании норм и ценностей. Вместе с тем структурный подход позволяет определить факторы, повлиявшие на выбор стратегий выживания, таких как поиск дополнительного заработка, взятие кредита или займа у родственников (знакомых), обращение за помощью в государственные структуры, или выезд за границу на заработки.

Стратегиям преодоления социально-экономических трудностей, в том числе в кризисный период, посвящен целый ряд работ российских ученых, среди которых наибольший интерес представляют исследования, касающиеся адаптационного поведения в целях поддержания достигнутого уровня жизни или его повышения [Аврамова и др., 2018; Коровникова, 2019; Пациорковский, 2020], преодоления бедности [Каримова, 2015], а также адаптационных стратегий в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса [Каравай, 2021]. Как и в других исследованиях под адаптационными стратегиями подразумевалось поведение / планируемые стратегии, направленные на преодоление материальных трудностей, вызванных пандемией коронавируса.

С целью изучения изменений в материальном положении семей с детьми, определения наиболее уязвимых категорий, а также анализа предпринимаемых / планируемых стратегий по преодолению последствий пандемического кризиса было предпринято социологическое исследование, проведенное в период с 15 октября до 20 ноября 2020 г. Анкета разработана на румынском и русском языках, предоставляя респондентам возможность выбора подходящего варианта. Целевой группой явились семьи с детьми в возрасте до 18 лет, опрошивался один из взрослых членов семьи. Объем выборки составил 1119 семей. Тип выборки: вероятностная, многоступенчатая, стратифицированная, пропорционально представленная. В качестве факторов стратификации послужили: региональное представительство; место жительства: город / село; размер населенных пунктов. В связи с ограничениями, связанными с пандемией, опрос проводился смешанным способом: 50% при личном контакте с респондентами и 50% по телефону. Выборка репрезентативна на национальном уровне, при 95%-ном доверительном интервале. В качестве дополнительного источника информации использовались результаты обследований бюджетов домашних хозяйств за 2019–2020 гг.

Основные источники доходов семей с детьми. Результаты социологического исследования показали, что количество детей и их возраст являются факторами, влияющими на формирование доходов семей с детьми. Согласно ответам респондентов, в семьях с одним ребенком заработная плата является основным источником доходов для 75,3%, в семьях с двумя детьми – 72%, а в семьях с тремя и более – 59,6%. В семьях с детьми в возрасте до семи лет заработная плата является основным источником доходов для 60,7%, а в семьях с детьми в возрасте старше семи лет – 77,1%. Снижение роли заработной платы в доходах по мере увеличения в семьях количества детей происходило с одновременным ростом значимости других источников доходов. На то, что в семьях с одним ребенком социальные выплаты (пособие по уходу за ребенком, социальная помощь и др.) являются одним из основных источников доходов, указали 14,8%, тогда как в семьях с тремя и более детьми – 38,4%. В семьях с одним ребенком доходы от самозанятости являются одним из основных источников доходов для 13,3% респондентов, тогда как в семьях с тремя и более детьми – для 18,5%. Денежные переводы из-за границы

являются основным источником дохода для 15% семей с одним ребенком и 17,9% семей с тремя и более детьми.

В молодых семьях с детьми формирование доходов имеет свои особенности. В этих семьях заработная плата играет значительно меньшую роль, чем в других семьях с детьми. Заработная плата является основным источником доходов для 53% респондентов в возрасте 20–29 лет, тогда как для тех, кто в возрасте 40 лет и старше, – 81%. Это связано с тем, что в молодых семьях воспитываются дети младшего дошкольного возраста и мамы этих детей, как правило, не работают, получая только небольшое по размерам пособие по уходу за ребенком. В семьях опрошенных старше 40 лет воспитываются дети более старшего возраста, что дает возможность матерям осуществлять трудовую деятельность и своей заработной платой пополнять семейный бюджет. Данный факт объясняет меньшую значимость заработной платы в оценках респондентов из молодых семей и одновременно более высокую оценку социальных выплат при формировании доходов молодых семей. Пособие по уходу за ребенком и социальную помощь считали основным источником доходов 25% респондентов в возрасте 20–29 лет, что на 8 п.п. больше количества респондентов старше 40 лет (17%).

Особенностью формирования доходов молодых семей с детьми является значительная зависимость от внешних источников: денежных переводов из-за границы и финансовой помощи родственников. Денежные переводы из-за границы считали одним из основных источников доходов семей с детьми 21% респондентов в возрасте 20–29 лет, тогда как среди респондентов старше 40 лет – 12%. На финансовую помощь родственников, как на основную источник доходов семей с детьми, указали 22% граждан в возрасте 20–29 лет, что на 15 п.п. (или в 3,1 раза) больше количества респондентов старше 40 лет (7%).

Оценки степени влияния пандемии коронавируса. Около половины респондентов считали, что после начала пандемии их семьи столкнулись с сокращением доходов, 17% оценили финансовый ущерб своих семей как значительный. Около 7% отметили, что доходы их семей выросли. Для многодетных семей последствия пандемии носили более острый характер. Если на сокращение доходов в семьях с одним ребенком указали 45,2% респондентов, то в семьях с тремя и более детьми – 52,3%.

Последствия пандемии негативно повлияли на величину текущих доходов семей с детьми. Около 10% респондентов отметили, что текущих доходов семей не хватало даже на самое необходимое, а 39% – что их хватало только на самое необходимое. В семьях с тремя и более детьми 15,3% отметили нехватку текущих доходов даже на самое необходимое, а 42,7% – что текущих доходов хватало только на самое необходимое. В то же время в семьях с одним ребенком на нехватку текущих доходов для приобретения даже самого необходимого указали 7,4% граждан, а наличие доходов только для приобретения самого необходимого – 36,8%.

Финансовые потери в большей степени понесли молодые семьи с детьми. Сокращение доходов своих семей отметили 53% из числа опрошенных лиц в возрасте 20–29 лет, тогда как среди респондентов в возрасте старше 40 лет таковых было 42%. На нехватку текущих доходов их семей даже на самое необходимое указали 14% опрошенных в возрасте 20–29 лет, тогда как такую оценку текущих доходов своих семей дали лишь 9% респондентов старше 40 лет. Во многом ситуация обусловлена тем, что молодые люди составляли значительный контингент работников сферы услуг, а она больше всего пострадала из-за карантинных ограничений и падения покупательского спроса населения. Как результат, значительно сократилась численность работников и существенно уменьшились заработки занятых в этой сфере [НБС, 2021а]. Другим негативным фактором являлось то, что, в отличие от лиц старшего возраста, у молодежи в большинстве случаев отсутствовали накопления на «черный день», которые могли бы создать семьям определенный запас финансовой прочности.

Риск оказаться за чертой бедности под влиянием пандемии особенно высок среди многодетных семей. В 2020 г. уровень абсолютной бедности в домохозяйствах с тремя

и более детьми составил 42,1%, что в 2,2 раза выше, чем в домохозяйствах с одним ребенком (19,5%) [НБС, 2021а].

Типология семей с детьми в зависимости от изменения материального положения. Оценка финансового положения семей с детьми во многом зависела от ситуаций, в которых в период пандемии находились респонденты. Их можно разделить на следующие три группы.

Первая группа. В период пандемии повседневная жизнь респондентов не изменилась или изменилась незначительно: они работали в обычном режиме или удаленно, что позволило избежать существенного изменения доходов их семей. На то, что доходы их семей остались на прежнем уровне, указали 55,7% работающих в обычном режиме и 43,5% работающих удаленно. В такой ситуации находились, главным образом, работники бюджетной сферы, а также занятые на крупных и средних предприятиях, которые сохранили свои рабочие места и заработную плату, а в некоторых случаях их уровень заработной платы даже вырос. В 2020 г. размер заработной платы в среднем по экономике увеличился на 10,2% [НБС, 2021а].

Вторую группу составляли респонденты, положение которых резко изменилось как на рынке труда, так и в бизнес-среде: а) были уволены, находились в технической безработице (временная невозможность работодателя осуществлять свою деятельность из-за ограничений, введенных в условиях чрезвычайного положения в области здравоохранения); были вынуждены взять отпуск за свой счет по просьбе работодателей; б) уменьшилась заработная плата или сократилось количество рабочих дней; в) потеряли свой бизнес или обанкротились.

Сокращение доходов своих семей отметили более 70% респондентов, которые находились в технической безработице, или у которых сократилось количество рабочих дней; более 85% опрошенных, кто был уволен или снят со своих должностей, или у которых в период пандемии уменьшилась заработная плата, или которые были вынуждены взять отпуск за свой счет по просьбе работодателей. Практически все, кто потерял свой бизнес или обанкротился, полностью лишились своих семейных доходов.

Третью группу представляли респонденты, вернувшиеся из-за границы, в том числе из России. Многие трудовые мигранты столкнулись с различными трудностями в странах пребывания, такими как отсутствие денег на оплату съемной квартиры, питание и др., что вынудило их вернуться на родину [Рязанцев, 2020]. В Молдову вернулись в основном мигранты, потерявшие работу и находившиеся на заработках за рубежом сроком до одного года [Tabac, 2020].

Согласно нашему исследованию, семь из десяти вернувшихся трудовых мигрантов отметили сокращение доходов своих семей, и лишь у менее чем 3% – семейные доходы увеличились. Большая финансовая уязвимость семей с трудовыми мигрантами обусловлена тем, что в структуре доходной части их семейных бюджетов преобладают денежные переводы из-за границы. До пандемии эти находились в лучшем финансовом положении в сравнении с другими, поэтому ухудшение вследствие пандемии воспринималось особенно негативно.

Удовлетворение первичных потребностей семей с детьми. Нехватка финансовых ресурсов вызвала трудности при оплате медицинских услуг/покупке лекарств, покупке продуктов питания и оплате коммунальных услуг. Затраты на эти цели составили почти 63% всех потребительских расходов домохозяйств с детьми [НБС, 2021б].

Финансовые затруднения при оплате медицинских услуг/покупке лекарств отметили 15% опрошенных. В семьях с одним ребенком на нехватку финансовых ресурсов для оплаты медицинских услуг/покупки лекарств указали 11,6%, а в семьях с тремя и более детьми – 20%. Отметим, что в 2020 г. среднедушевые доходы в домохозяйствах с тремя и более детьми были на 39,6% меньше, чем в домохозяйствах с одним ребенком [НБС, 2021б].

Нехватку финансовых средств на покупку продуктов питания отметили 16%, при этом 12% респондентов из семей с одним ребенком и 25,3% из семей с тремя и более детьми.

Отметим, что в 2020 г. доля затрат на продовольствие в общих потребительских расходах домохозяйств с тремя и более детьми составляла 49%, тогда как в домохозяйствах с одним ребенком – 40,2% [там же].

При оплате коммунальных услуг на нехватку финансовых средств указали 19% респондентов, при этом в семьях с тремя детьми – 28,3% респондентов, а в семьях с одним ребенком – 13,4%. В структуре расходной части бюджетов домохозяйств с детьми оплата коммунальных услуг составляла существенный удельный вес – 13,6% [НБС, 2021б].

Стратегии преодоления материальных трудностей. У населения страны крепнет осознание того, что негативные изменения в социально-экономической сфере, вызванные пандемией, не являются краткосрочным явлением, а носят средне- или даже долгосрочный характер. В октябре 2020 г. 14% граждан считали, что кризис, вызванный пандемией, продлится еще год, а 32% респондентов (т.е. каждый третий) полагали, что этот кризис будет длиться более одного года [БОМ, 2020].

Предполагаемый длительный период кризиса явился сильным стимулом для принятия мер, направленных на преодоление возможных семейных финансовых трудностей. Отвечая на вопрос «Какие действия вы планируете предпринять для преодоления материальных трудностей?», около 20% не знали, что будут делать для адаптации своих семей к изменившимся экономическим условиям. Те, кто занял активную жизненную позицию, планировали использовать пять стратегий преодоления материальных трудностей. Первая предполагала опору на собственные силы, вторая – поиск дополнительного заработка, третья – взятие кредита или займа у родственников (знакомых), четвертая – обращение за помощью в государственные структуры, пятая – выезд за границу на заработки.

Первая стратегия являлась распространенной. Около 39% граждан считали, что преодолеют финансовые трудности, полагаясь на собственные силы. Такой подход в большей степени характерен для лиц старшего возраста, чем для молодежи, что связано с относительно более устойчивой экономической позицией и наличием различных инструментов для поддержания сложившегося уровня благосостояния.

Значимость *второй стратегии*, связанной с поиском дополнительного заработка как средства преодоления финансовых трудностей, возрастает по мере увеличения в семьях количества детей. В семьях с одним и двумя детьми на эту стратегию указали около 39% респондентов, а в семьях с тремя и более детьми – 46,4%. Следует отметить, что дополнительная занятость (работа по совместительству или занятость, не связанная с основной профессией, в том числе в неформальном секторе и др.) как способ преодоления кризиса является успешной и даже получает положительную динамику [Попова, Седова, 2004].

На *третьей стратегии* – взятие кредита или займа у родственников (знакомых), полагалось наибольшее количество респондентов – 49%. Каждый третий респондент надеется взять займы у родственников или друзей, тогда как на банковский кредит ориентируется лишь каждый пятый. При этом чем моложе респонденты, тем больше среди них тех, кто ориентировались на заем денег у родственников или друзей. Если в возрасте старше 40 лет планировали предпринять подобное действие два из десяти респондентов, то в возрасте 30–39 лет таковых насчитывалось три из десяти, а в возрасте 20–29 лет – четыре из десяти респондентов.

Четвертая стратегия – ориентация на помощь государства характерна для небольшой части семей с детьми. Так, обратиться за помощью к местным властям или в различные государственные учреждения планировали лишь 10%. В семьях с одним ребенком на это рассчитывали 4,1%, а в семьях с тремя и более детьми – 15,2%. Вместе с тем, согласно данным нашего исследования, только 6,3% респондентов получили социальные выплаты от государства, а 5,4% воспользовались другими формами поддержки (продуктовые наборы, льготы).

На преодоление финансовых трудностей своих семей посредством выезда за границу (*пятая стратегия*) ориентировались примерно треть: около 19% планировали выезд на работу одного из членов семьи, тогда как 14% ориентировались на выезд за границу для постоянного проживания всей семьей.

Оценки возможного изменения своего материального положения. Несмотря на выработку определенных стратегий преодоления финансовых трудностей, более половины респондентов (58%) предполагали, что в ближайшие шесть месяцев финансовое положение их семей не изменится, тогда как 22%, что ухудшится. Такое изменение ситуации прогнозировали 41,3% респондентов, в семьях которых текущих доходов не хватало даже на самое необходимое, и 29%, в семьях которых текущих доходов хватало только на самое необходимое. Значительного ухудшения финансового положения семей с одним ребенком ожидали 2,2%, а семей с тремя и более детьми – 7,6%.

Усилению пессимизма способствовала невнятная государственная политика по поддержке семей с детьми в период пандемии коронавируса, отсутствие эффективных мер по преодолению их финансовых затруднений. Ситуацию усугубил произошедший резкий рост цен на энергоносители, что повлекло за собой подорожание всех коммунальных услуг. Особенно чувствительным для семей с детьми стало значительное повышение розничных цен на продукты питания, которые и так демонстрировали опережающий рост по сравнению со средним индексом потребительских цен.

Заключение. Негативное влияние пандемии ощутили большинство семей в Молдове, но в особенно трудном положении оказались молодые семьи, семьи с тремя и более детьми, а также семьи вынужденно вернувшихся из-за границы трудовых мигрантов. Государство хотя и ввело определенные меры поддержки социально уязвимых групп населения, однако их размер и, как правило, одноразовая выплата не смогли значительно уменьшить потери в доходах населения. Высокий уровень неформальной занятости и безработицы, отсутствие сбережений и выраженная зависимость от денежных переводов являются причиной уязвимости большой части населения в период пандемии. Вторая и третья волны коронавируса, продление карантинных мер в 2021 г. и спад экономики окажут еще большее негативное влияние на материальное положение семей и приведут к существенному росту бедности, что, в свою очередь, повлечет за собой рост трудовой миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврамова Е., Каравай А., Логинов Д. Адаптационные стратегии населения: между выживанием и развитием. 2018. 12 февраля. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3122417 (дата обращения: 15.11.2021). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3122417>.
- Андреева Е., Бычков Д., Феоктистова О. COVID-19 и антикризисная социальная поддержка // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1. С. 28–38. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-28-38.
- Барометр общественного мнения (БОМ) (2020, октябрь). <http://bop.ipp.md/ru> (дата обращения: 12.02.2021).
- Каравай А.В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (169). С. 121–137.
- Каримова Л.Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 133–140.
- Коровникова Н.А. Особенности социально-экономической адаптации современных россиян // ЭСПР. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-ekonomicheskoy-adaptatsii-sovremennyh-rossiyan> (дата обращения: 15.11.2021).
- Национальное бюро статистики (НБС). (2021а) Рабочая сила в Республике Молдова: занятость и безработица в 2020 году. URL: <https://statistica.gov.md/newsview.php?l=ru&idc=168&id=6952> (дата обращения: 06.12.2021). (На рум. яз.)
- Национальное бюро статистики (НБС). (2021а). Уровень бедности в Республике Молдова в 2020 году. URL: <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=445> (дата обращения: 06.12.2021). (На рум. яз.)
- Национальное бюро статистики (НБС). (2021б) Аспекты уровня жизни населения в 2020 году: результаты обследования бюджетов домашних хозяйств. URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ru&id=2206&idc=263> (дата обращения: 07.12.2021). (На рум. яз.)
- Национальное бюро статистики (НБС). (2021б) Среднемесячная заработная плата и численность наемных работников в 2020 году. URL: <https://statistica.gov.md/newsview.php?l=ru&idc=168&id=7090> (дата обращения: 08.12.2021). (На рум. яз.)

- Пациорковский В.В. Адаптационные стратегии различных групп населения к негативным социально-экономическим условиям // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (23–27 марта 2020 г.). Ч. 1. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. С. 88–94.
- Попова И., Седова Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 31–42.
- Рязанцев С.В. Влияние пандемии COVID-19 на положение трудящихся мигрантов в России // Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (22 мая 2020 г.) / Под ред. Г.Ф. Хилажевой, Р.Н. Комлевой. Уфа, 2020. С. 128–131.
- Tabac T. (2020) Impactul crizei COVID-19 asupra situației economice a migranților și remitențelor: cazul Republicii Moldova. In: Implicațiile economice și sociale ale pandemiei COVID-19: analize, prognoze și strategii de atenuare a consecințelor = Economic and social implications of the Covid-19 pandemic: analysis, forecasts and consequences mitigation strategies: teze ale conferinței științifice internaționale (23 octombrie 2020). Chișinău: INCE. P. 289–291.

Статья поступила: 11.05.21. Финальная версия: 24.12.21. Принята к публикации: 02.03.22.

MOLDOVAN FAMILIES WITH CHILDREN DURING COVID-19 PANDEMIC: MATERIAL SITUATION AND ADAPTIVE STRATEGIES

ROZHKO A.A.*, GAGAUZ O.E.*

*National Institute for Economic Research, Moldova

Anatoly A. ROZHKO, Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher (rojco@mail.ru); Olga E. GAGAUZ, Dr. Sci. (Sociol.), Vice director for scientific activity (gagauzo@inbox.ru). Both – National Institute for Economic Research, Chisinau, Moldova.

Abstract. Basing on a sociological survey in October-November 2020, changes in the material situation of families with children in Moldova and adaptive strategies were analyzed using a representative national sample, as well as official statistics. The results of the study showed that during the Covid-19 pandemic, about half of the country's families faced income reductions. Young families, families with three or more children, and labor migrant families forced to return from working abroad found themselves in a particularly difficult situation. An assessment of the families' financial situation largely depended on the changes in the respondents' work activity. Among those working remotely and who continued to work as usual, as a rule employed in the public sector, a small proportion of respondents suffered economic losses, while among those who lost their jobs or were on involuntary technical leave, mostly in the private sector, more than two-thirds faced serious financial difficulties. Among returning labor migrants, seven out of ten noted a decrease in the income of their families. In overcoming eventual material difficulties, the respondents pin little hopes on government assistance. The main mechanisms for the adaptation of the population to new conditions were the search for additional work, borrowing money from relatives and orientation towards working migration.

Keywords: financial situation of families, COVID-19 pandemic, Moldova.

REFERENCES

- Andreeva E., Bychkov D., Feoktistova O. (2021) COVID-19 and Anti-Crisis social support. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal]. Vol. 13. No. 1: 28–38. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-28-38. (In Russ.)
- Avraamova E., Karavay A., Loginov D. (2018) *Adaptive Population Strategies: Between Survival and Development*. (February 12, 2018). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3122417>. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2021) The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2 (169): 121–137. (In Russ.)
- Karimova L.F. (2015) Adaptive strategies of poor population in the modern russian society. *Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Social sciences. Sociology]. No. 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsionnye-strategii-bednogo-naseleniya-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (accessed 19.11.2021).

- Korovnikova N.A. (2019) Features of the socio-economic adaptation of modern Russians. *ESPR*. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-ekonomicheskoy-adaptatsii-sovremennyh-rossiyan> (accessed 15.11.2021).
- National Bureau of Statistics (NBS). (2014) In: *Population and housing census results*. URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=en&idc=479> (accessed 15.12.2021). (In Roman.)
- National Bureau of Statistics (NBS). (2021a) In: *Labor force in the Republic of Moldova: employment and unemployment in 2020*. URL: <https://statistica.gov.md/newsview.php?l=ru&idc=168&id=6952> (accessed 06.12.2021). (In Roman.)
- National Bureau of Statistics (NBS). (2021a) In: *Poverty level in the Republic of Moldova in 2020*. URL: <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=445> (accessed 06.12.2021). (In Roman.)
- National Bureau of Statistics (NBS). (2021b) In: *Aspects of Living Standards of the Population in 2020 (Results of the Household Budget Survey)*. URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ru&id=2206&idc=263> (accessed 07.12.2021). (In Roman.)
- National Bureau of Statistics (NBS). (2021b) In: *Average monthly wages and the number of employees in 2020*. URL: <https://statistica.gov.md/newsview.php?l=ru&idc=168&id=7090> (accessed 08.12.2021). (In Roman.)
- Patsiorkovskiy V.V. (2020) Adaptation strategies of various population groups to negative socio-economic conditions In: *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: Proceedings of the V International Scientific-practice. internet-konf.* (23–27 Marz 2020). Ch. 1. Vologda: FGBUN VoINTs RAN. 88–94.
- Popova I., Sedova N. (2004) Additional employment in successful adaptation strategies of the population. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 31–42.
- Public Opinion Barometer (October 2020). URL: <http://bop.ipp.md/ru> (accessed 12.02.2021).
- Ryazantsev S.V. (2020) Impact of the COVID-19 pandemic on the situation of migrant workers in Russia. In: *Demographic readings (Challenges and trends in the demographic development of Russia and its regions)*. Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (May 22, 2020) / ed. G.F. Khilazheva, R.N. Komlevoy. Ufa: 128–131. (In Russ.)
- Tabac T. (2020) The impact of the COVID-19 crisis on the economic situation of migrants and remittances: the case of the Republic of Moldova. In: *The economic and social implications of the COVID-19 pandemic: analyzes, forecasts and mitigation strategies*: theses of the international scientific conference (October 23, 2020). Chisinau: 289–291. (In Roman.)

Received: 11.05.21. Final version: 24.12.21. Accepted: 02.03.22.

Социология права. Девиантное поведение

© 2022 г.

Я.И. ГИЛИНСКИЙ

КРИМИНОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: О ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Россия (yakov.gilinsky@gmail.com).

Аннотация. Представлен современный взгляд «криминологии постмодерна» (неокриминологии) на преступность: основания криминализации различных деяний, криминогенные факторы и наказание как предполагаемое средство сокращения преступности. Речь идет не о создании новой науки, а о новых концептуальных идеях, связанных с очередным этапом развития криминологии как социальной науки. Новейшие подходы к девиантности в целом и конкретно к преступности приводят к качественному пересмотру многих традиционных представлений. В частности, преступления и преступность рассматриваются как социальные конструкты, продукт волеизъявления конкретной власти (режима). Криминогенные факторы оказываются обстоятельствами (экономическими, политическими, культуральными, личностными), влияющими вообще на любые (не только преступные) виды поведения людей. Автором приводятся также доказательства, что наказание преступников принципиально не способно оправдать возлагаемые на него надежды.

Ключевые слова: криминология • преступление • преступность • наказание • постмодерн

DOI: 10.31857/S013216250019611-5

Неокриминология – новый этап развития криминологии. «Преступность» появляется в обществе с момента образования государства. В первобытном обществе люди тоже убивали друг друга (об этом говорят, в частности, следы травм на черепах первобытных людей), насиловали женщин, дрались, «воровали» куски пищи. Но никакой «преступности» не было, поскольку не было уголовного закона.

После зарождения государственности и появления уголовного закона, а следовательно, и «преступности», на протяжении уже нескольких тысяч лет не прекращаются споры на тему преступности и противодействия ей (в том числе посредством наказания). Современный этап этих дискуссий связан с тем, что с конца минувшего столетия человечество живет в новом, не совсем привычном обществе постмодерна (постклассическом, постсовременном, а может быть уже и пост-постмодерна). Его особенности (глобализация, массовая миграция, цифровизация и виртуализация, фрагментаризация, «ускорение времени», шизофренизация сознания и др. [Гилинский, 2017]) активно влияют на все социальные процессы, включая преступность и представления о ней.

Чаще всего обращают внимание на изменение самой преступности – ее глобализацию (нелегальная всемирная торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими

органами), появление новых видов преступлений (киберпреступность). Реже замечают, что изменяется и восприятие преступности. Сильная фрагментаризация общества, его разделение на многочисленные «фрагменты» (по возрастному, гендерному, этническому, конфессиональному и иным критериям), приводит к очень различным представлениям «фрагментов» о (не)дозволенном и (не)допустимом. В частности, для молодежи и некоторых «богемных» групп обычно потребление наркотических средств или психотропных веществ, распространена свобода сексуальных отношений. Старшие же возрастные группы (включая многих законодателей) полагают это недопустимым и «преступным». Еще реже замечают объективное изменение последствий наказаний за преступления. В частности, при определении сроков лишения свободы необходимо учитывать «ускорение времени». Если 20–30 лет тому назад, отбыв 5–10-летний срок, человек возвращался в привычную среду, то сегодня он оказывается в непривычном мире, в котором ему трудно ориентироваться и приспособливаться.

Идеи криминологии постмодерна (неокриминологии) уже не одно десятилетие активно развиваются отечественными авторами [Гилинский, 2002; 2021; Жалинский, 2009; Жмуров, 2012; Исмаилов, 2018; Рыбак, 2020]. На развитие и трансформацию криминологии при этом сильно влияют достижения современных наук о человеке и его деятельности – генетики, физиологии, психологии, экономики и т.д. (см., напр.: [Рыбак, 2020]). Достижения криминологии постмодерна, в свою очередь, не могут не влиять на развитие смежных дисциплин, и прежде всего девиантологии – социологии девиантных проявлений (преступности, наркотизма, пьянства, проституции, самоубийств и др.).

Автор попытается далее изложить свое понимание «сдвигов» основных концептов криминологии в эпоху постмодерна. Конечно, при этом «каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос» (Нильс Бор).

Преступность как социальный конструкт. Общепринятое до сих пор представление о преступности как об отклонении от нормы наталкивается на парадоксальное утверждение знаменитого Э. Дюркгейма, который еще полтора века назад заявил: «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно» [Дюркгейм, 1966: 49]. Впрочем, разумные (с современной точки зрения) представления о том, что такое «преступление» и «преступность», звучали и раньше. Так, по мнению Б. Спинозы, «в естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному» [Спиноза, 1957: 554]. Лишь определенные деяния попадают в уголовный закон не столько по «общему согласию», сколько по воле главы государства и его окружения. Позднее и точнее об этом писал П. Сорокин: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнузданности и воздержания и т.д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадёжная» [Сорокин, 1992: 62]. Впрочем, о том, что преступление – продукт законодательной деятельности, знали еще в Древнем Риме: «Ex senatus consultis et plebiscitis crimina exerceantur» – преступления возникают (образуются) из сенатских и народных решений.

В современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, зато сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов [Barkan, 1997; Caffrey, Mundy, 1995; De Keseredy, Schwartz, 1996; Gregoriou, 2012; Hester, Eglin, 1992; Muncie, McLaughlin, 1996; Young, 2007]. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер: преступность – не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер.

Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Таким образом, преступность – социальный и языковой конструкт [Hess, Scheerer, 1997]. Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление – не онтологическая реальность... Преступление – не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности» [Hulsman, 1986]. Знаменитый норвежский криминолог Н. Кристи тоже считает, что преступность не имеет «естественных» границ, являясь продуктом культурных, социальных и ментальных процессов. Отсюда – парадоксальный вывод, что «преступность не существует» (*Crime does not exist*) [Christie, 2004: 1]. Подробно обосновывается понимание преступления и преступности как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии [Maguire et al., 2007: 179–337].

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [Robinson, 2004: 2].

За последние десятилетия большинству криминологов стало ясно: *в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своему объективному содержанию*. Преступление и преступность – понятия сугубо *релятивные* (относительные) и *конвенциональные* (как «договорятся» законодатели). Они – *социальные конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии. Действительно, некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию действия* могут при определенных условиях не признаваться преступлениями.

Так, *убийство* – это умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), тячайшее преступление. Но умышленное причинение смерти другому человеку (людям) – это подвиг, если речь идет об убийстве врагов на войне. Это же – профессиональная оплачиваемая деятельность палача в странах, где, к сожалению, сохраняется смертная казнь (например, в США и в КНР). Не будет преступлением легальное умышленное причинение смерти другому человеку, если оно совершено в состоянии необходимой обороны. А умышленное причинение смерти другому человеку по просьбе этого человека – или легальная эвтаназия (в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии и др.), или тяжкое преступление (Россия и др.).

Хищение (изъятие чужого имущества без согласия собственника) есть преступление. В то же время существует конфискация имущества (изъятие без согласия собственника) государством, при этом возможно изъятие имущества (денег) без согласия собственника по решению суда.

Потребление производных каннабиса (марихуаны) частично легализовано в большинстве стран Европы, Южной Америки, в Канаде и Австралии, но криминализовано в России. А появление в общественном месте с бутылкой алкоголя в ОАЭ – тяжкое преступление.

Излишняя криминализация деяний, объективно не представляющих серьезной опасности, превращает едва ли не каждого гражданина страны (включая автора этих строк) в потенциального уголовного преступника. Почему ст. 148 УК защищает «чувства верующих» и не защищает чувства атеистов? Так ли уж общественно опасна, например, «организация занятия проституцией» (ст. 241 УК РФ), которая была, есть и будет, пока существуют товарно-денежные отношения, которая была легализована в царской России, сегодня легализована в десятках стран и процветает (нелегально) в Российской Федерации? Почему ст. 168 УК предусматривает уголовную ответственность за уничтожение или повреждение имущества в крупном размере *по неосторожности*, когда это в чистом виде гражданско-правовой деликт? Почему *полтора десятка* статей УК (ст. ст. 228, 228-1,

228-2, 228-3, 228-4, 229, 229-1, 230, 230-1, 230-2, 231, 232, 233, 234, 234-1) пытаются из потребления наркотических средств создать «угрозу национальной безопасности», поместив в места лишения свободы треть всех заключенных в России за то, что легализовано в большинстве стран Европы и Америки?

То, что государство/власть считает «преступным», совершается постоянно в процессе жизнедеятельности людей по удовлетворению их потребностей – в пище, тепле, благополучии, сексе, самоутверждении, самореализации... И в этом смысле *преступность*, как утверждал Э. Дюркгейм, – действительно *нормальное явление*. Поэтому «преступность» была, есть и будет, пока существует государство. Определенные девиантные поведенческие акты, деяния (убийство, изнасилование, побои, кражи и т.п.), будут существовать, видимо, всегда, пока существуют люди. А «преступны» ли те или иные деяния – будет объявлено теми или иными государствами, пока они существуют.

Может, прав был крупнейший представитель уголовно-правовой мысли Германии профессор Х.-Х. Йешек, поставивший вопрос об отмене уголовного законодательства как такового, несовместимого с правами человека и гражданина [Jeschek, 1988: 3]? Да, сегодня ни одно государство не готово к этому. Но задуматься стоит.

Основания криминализации – воля политической элиты. На каких же основаниях государство криминализует (объявляет «преступлениями») те или иные деяния? Почему в одном государстве криминализировано одно, в другом – другое? Почему в одном и том же государстве со временем одни деяния криминализуют, другие – декриминализуют?

Такие основания попытались найти И. Козаченко и Д. Сергеев, проведя тщательный анализ «оснований» криминализации деяний в разных странах за столетия. И вот (вполне ожидаемый) их вывод: «Главный миф криминализации – о возможности построения ее рациональной модели» [Козаченко, Сергеев, 2020: 212]. Иначе говоря, самое реальное «основание» криминализации – «как пожелает государь» (власть, режим). «Власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением» [Кондратюк, Овчинский, 2008: 22].

Конечно, многие деяния криминализированы с учетом мнения населения (общественного мнения). Действительно, убийства, изнасилования, грабежи и т.д. опасны («преступны»), а их субъекты заслуживают наказания, по мнению большинства населения. Однако объективные основания криминализации многих деяний отсутствуют. Привычное обращение к «общественной опасности» мало продуктивно, поскольку трудно однозначно определить, что такое «общественная опасность» и с чьей точки зрения (каких «фрагментов» общества) ее надо определять.

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не аффилированных с властью, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*.

Иначе говоря, власть (режим):

- решает (через законодательный орган), что именно здесь и сейчас следует считать преступлением;
- убеждает население (через СМИ, парламентские дебаты, выступления политиков) в целесообразности и полезности именно такого уголовного закона;
- осуществляет через правоохранительные органы и уголовную юстицию «правильную» правоприменительную деятельность.

«Причины» преступности – причины жизнедеятельности. Хотя основная «причина» преступности – воля власти, режима, выраженная в уголовном законе, однако, когда набор преступлений уже определен, можно искать криминогенные факторы, влияющие на состояние и динамику тех или иных конкретных видов преступности и преступности в целом.

Многочисленные криминологические исследования выявили множество факторов – экономических, политических, культуральных, биологических и даже космических

[Чижевский, 1995: 350–405], влияющих на состояние и динамику преступности и ее отдельных видов. Однако одним из наиболее значимых факторов, как общепризнано уже не один век, является социальное и экономическое неравенство.

Современное человечество (периода постмодерна) и население каждой страны делится на меньшинство *включенных* (included) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и большинство *исключенных* (excluded) из нее. В 2015 г. впервые в истории человечества у 1% населения оказалось 50% всех богатств (по данным банка Credit Suisse). Обогащение кучки сверхбогатых сопровождается (вполне по Марксу) абсолютным и, особенно, относительным обнищанием населения. В современном богатом мире 3,4 млрд людей (46% всего населения) не могут удовлетворить основные жизненные потребности. Свыше 1,9 млрд жителей планеты (26% населения) живут в крайней нищете¹. «Противостояние исключенных и включенных является ключевым» [Жижек, 2011: 342]. И именно исключенные оказываются основным субъектом преступлений. Приведу только один пример: по данным МВД РФ, среди всех осужденных за совершение преступлений доля лиц «без постоянного источника доходов» (аналог исключенных) составляет 65–67%, а среди осужденных за убийство и изнасилование – 72–75%². Те же самые факторы – прежде всего, экономическое и социальное неравенство – оказываются алкогенными, наркогенными, суицидогенными и т.д.

Люди, удовлетворяют свои естественные потребности (в пище, тепле, сексе, самоутверждении и др.) как законопослушными, так и нормонарушающими действиями. Нормонарушающими могут быть как негативные (преступления, нарко- и алкопотребление, проституция и т.п.), так и позитивные деяния – научное, техническое, художественное творчество. Не случайно Э. Дюркгейм приводит пример Сократа, приговоренного к смерти за прогрессивные для своего времени представления.

Таким образом, «причины» преступности оказываются «причинами» человеческой жизнедеятельности как таковой. Иначе говоря, под воздействием бесчисленных социальных, экономических, политических, космических и т.д. факторов, преломленных через личностные (психологические, генетические) особенности, человек совершает все то, что общество, государство оценивают как дозволенное/недозволенное, преступное/героическое.

Наказание – бессмысленное и беспощадное. С началом эпохи постмодерна приходит осознание «кризиса наказания». Наказание, в течение тысячелетий предназначенное выполнять функцию сдерживания и сокращения преступности, оказывается не эффективным, не выполняет возлагаемых на него задач!

Об этом достаточно убедительно говорят отечественные авторы. Лишь один пример: «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [Жалинский, 2009: 56, 68].

Наказание в России, как и в других странах, не достигает ни одной из целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Рассмотрим их по порядку.

Цель № 1: достижение социальной справедливости. Но что такое «социальная справедливость»? И с чьей точки зрения? С точки зрения потерпевшего? Виновного? Родственников жертвы? Родственников подсудимого? Ведь одна из особенностей общества постмодерна – его фрагментаризация. И у каждого «фрагмента» есть свои представления о дозволенном/недозволенном, допустимом/недопустимом. С точки зрения сторонников

¹ Почти половина населения мира живет менее чем на \$5,5 в день // Всемирный банк. Пресс-релиз № 2019/044/DEC-GPV. 17 октября 2018 г. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/news/press-release/2018/10/17/nearly-half-the-world-lives-on-less-than-550-a-day> (дата обращения: 22.04.2021).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 21 января 2021 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 10.01.2022).

смертной казни, она должна применяться. С позиции противников смертной казни она сама есть преступление, убийство (государством), и совершенно недопустима. А если виновный и его жертва – представители разных этносов, разных конфессий, противоположного пола, разных идеологий? Не окажется ли «социальная справедливость» разных субъектов диаметрально противоположной? И как тогда должен решить суд?

Цель № 2: *исправление*. Многие специалисты считают, что исправить кого бы то ни было путем наказания – будь то наказание шаловливого ребенка, хулиганистого школьника, подчиненного по службе или лица, совершившего преступление, – в принципе невозможно. Это хорошо знают психологи и педагоги (но «забывают» законодатели). Если преступление совершено по неосторожности, то вообще некого «исправлять». Если оно совершено умышленно, то виновный может «исправиться» сам (раскаяние, осознание неправильности совершенного), или под влиянием родных, близких, товарищей. Но может и не «исправиться». Если наказание назначено в виде смертной казни, то ни о каком исправлении вообще речь не идет. Если лишение свободы – то никак не в российских и им подобным тюрьмах или колониях с их невыносимыми условиями содержания. Да, в тюрьмах Финляндии, Норвегии, Швеции пытаются применять нерепрессивные методы ресоциализации, реадaptации и коррекции [От «страны тюрем», 2012]. Но и в этом случае речь идет не столько об «исправлении», сколько о помощи и возможном воздержании от новых преступлений.

Цель № 3: *предупреждение (превенция) новых преступлений*. Криминологи различают общую превенцию (предупреждение всех потенциальных преступников) и специальную превенцию (предупреждение новых преступлений тем, кто уже стал преступником). Как свидетельствует весь исторический опыт человечества, малоэффективны как *общее предупреждение* (люди совершали, совершают и будут совершать то, что именуется «преступлениями»), так и *специальное предупреждение* (о чем свидетельствует относительно постоянная или даже увеличивающаяся доля рецидивной преступности). Более того, чем жестче, чем репрессивнее пенитенциарная система, тем выше доля рецидивной преступности. Так, в США при жесткой пенитенциарной системе доля рецидива среди всех совершивших преступления составляет 50–60%, а в либеральной Норвегии – менее 20%. В России уровень рецидива вырос с 20,9% в 1994 г. до 57,7% в 2020 г., что лишний раз свидетельствует о неэффективности специального предупреждения.

Таким образом, строго говоря, наказание не выполняет ни одной из возложенных на него функций. В целом «действующая в современных условиях система уголовного права... не способна реализовать декларированные цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции» [Жалинский, 2009: 31].

Конечно, само провозглашение некоторых деяний преступными, сама потенциальная возможность понести наказание за их совершение носят в какой-то (пусть незначительной) мере сдерживающий характер (общее предупреждение). Отказаться в принципе от системы уголовного права и наказания за опасные/преступные деяния современное общество явно не может (не готово). Но тогда возникает проблема (а) обоснованности криминализации, отнесения тех или иных действительно опасных деяний к числу «преступных» и (б) оптимизации системы наказаний, минимизации их вредных последствий. Задача стоит в *сокращении вреда от наказания*.

Ожидаемые реформы системы наказаний. О практической реализации задачи снижения вреда от наказаний можно рассказывать долго, автор ограничится краткими тезисами.

Во-первых, *смертная казнь* есть *убийство* государством, совершенно недопустимое и подлежащее отмене. Многолетняя практика показала, что применение смертной казни не только не предупреждает тягчайшие преступления, а, наоборот, способствует их совершению, приучая граждан к низкой ценности жизни. Это доказывается тем, что в Австрии, Аргентине и ряде других стран после отмены смертной казни не выросло, а сократилось число тех преступлений, за которые она могла быть назначена. В 1965 г. в Великобритании был проведен уникальный эксперимент – наложен мораторий на смертную

казнь на 5 лет. В результате количество преступлений, за которые назначалась смертная казнь до моратория, не увеличилось, и смертная казнь была отменена. В России последний приговор к смертной казни был приведен в исполнение в 1997 г., а с 2001 г. до 2021 г., по данным МВД РФ, уровень убийств (на 100 тыс. населения) снизился с 23,1 до 5,0 (в 4,6 раза).

Во-вторых, применение лишения свободы должно быть сведено к минимуму (если уж государства не готовы от него отказаться). Оно может применяться, как правило, лишь за насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних.

В-третьих, сроки лишения свободы в основном не должны превышать 2–3-х лет. Так, в большинстве стран Северной и Западной Европы срок лишения свободы нередко исчисляется неделями и месяцами (а отнюдь не десятилетиями!). В 2016 г., по сведениям, представленным на Европейской конференции криминологов (г. Мюнстер, 2017), средний срок лишения свободы в европейских странах не превышал 1 года 8 месяцев. В Японии еще в конце прошлого века к лишению свободы приговаривалось всего 3–5% всех осужденных (85% осуждались к штрафу), а срок лишения свободы в основном не превышал 2-х лет [Кан Уэда, 1989].

И, в-четвертых, пожалуй, самое главное: условия отбывания наказания в виде лишения свободы не должны носить *репрессивный* характер, а должны быть направлены на *ресоциализацию* осужденных, повышение их образовательного уровня, обучение их новым профессиям или повышение профессионального уровня. Заключение должно жить в нормальных условиях, обеспечиваться качественным питанием, современной медицинской помощью, возможностью пользоваться современными техническими средствами (телефон, компьютер). Лишение свободы само по себе – тяжелое наказание, оно не должно усиливаться репрессивными мерами.

Общая историческая тенденция социального контроля над преступностью такова: (1) сокращение числа деяний, запрещаемых под страхом уголовного наказания; (2) либерализация средств и методов наказания. До «эры милосердия» еще очень далеко, но вектор изменений ведет именно к ней.

А как же профилактика преступлений, скажет знающий читатель? Да, профилактика (предупреждение) преступлений остается в числе привилегированных направлений. Но какими средствами? До каких пределов? За последние годы в современном обществе постмодерна возникла дилемма: *меры безопасности vs права и свободы человека*. Технические возможности постоянного отслеживания каждого человека – «цифровой концлагерь» в Китае, «превентивный арест» в США, «оруэллизация» бытия – заставляют криминологов критически отнестись к безмерной «профилактике», которая может оказаться хуже, чем преступность, против которой она направлена.

Итак, криминология постмодерна стремится к отказу от привычных иллюзий в отношении и преступности, и оснований криминализации, и наказания. Это должно влечь коренные изменения уголовной политики государств. В ряде стран (прежде всего, Северной Европы) это уже происходит, но, к сожалению, далеко не во всех. Что ж, крот истории роет медленно, но основательно...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Питер, 2002.
- Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017.
- Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021.
- Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). Сб. ст. М.: Прогресс, 1966.
- Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.

- Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. Иркутск: Репроцентр А-1, 2012.
- Исмаилов Р.Н. Криминология в обществе постмодерна. СПб.: Алеф-Пресс, 2018.
- Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.
- Кондратьев Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008.
- Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020.
- От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки: НИИПП, 2012.
- Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении. М.: Юрлитинформ, 2020.
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
- Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981.
- Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995.
- Barkan S. *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1997.
- Christie N. *A suitable Amount of Crime*. N.Y.-L.: Routledge, 2004.
- Constructing Crime. Ed. by Ch. Gregoriou. Palgrave Macmillan, 2012.
- De Keseredy W., Schwartz M. *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co., 1996.
- Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2. S. 83–155.
- Hester S., Eglin P. *Sociology of Crime*. N.Y.-L.: Routledge, 1992.
- Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // *Contemporary Crisis*. 1986. No. 10. P. 63–80.
- Jescheck H.-H. *Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil*. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988.
- The Oxford Handbook of Criminology. Ed. by M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007.
- The Problem of Crime. Ed. by J. Muncie, E. McLaughlin. SAGE, 1996.
- Robinson M. *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. NJ: Pearson, Prentice Hall, 2004.
- The Sociology of Crime and Deviance. Ed. by S. Caffrey, C. Mundy. Greenwich University Press, 1995.
- Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007.

Статья поступила: 27.01.22. Принята к публикации: 28.01.22.

POSTMODERN CRIMINOLOGY ABOUT CRIME AND PUNISHMENT

GILINSKY Y.I.

St. Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office, Russia

Yakov I. GILINSKY, Dr. Sci. (Law), Prof., St. Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office, St. Petersburg, Russia (yakov.gilinsky@gmail.com).

Abstract. The article offers a modern view of criminology (postmodern criminology) on crime, the grounds for the criminalization of certain acts, criminogenic factors and punishment, as a supposed means of reducing crime. Crimes and criminality are considered as social constructs, a product of the will of the authorities, the regime. Criminogenic factors turn out to be circumstances (economic, political, cultural, personal) that generally affect people's behavior. Punishment is not able to fulfill the hopes placed on it.

Keywords: criminology, crime, criminality, punishment, postmodern.

REFERENCES

- Barkan S. (1997) *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River.
- Chizhevsky A.L. (1995) *Cosmic pulse of life: Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxia*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Christie N. (2004) *A suitable Amount of Crime*. New York-London: Routledge.
- Constructing Crime. (2012) Ed. by Ch. Gregoriou. Palgrave Macmillan.
- De Keseredy W., Schwartz M. (1996) *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co.
- Durkheim E. (1966) Norm and pathology. *Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)*. Digest of articles. Moscow: Progress. (In Russ.)
- From «prison country» to a limited pain society: the Finnish experience of prison reduction. (2012) Comp. I.G. Yasaveev. Helsinki: NIIPP. (In Russ.)

- Gilinsky Ya. (2017) *Deviance in postmodern society*. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2021) *Postmodern criminology (neocriminology)*. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2002) *Criminology: Theory, history, empirical base, social control*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Hess H., Scheerer S. (1997) Was ist Kriminalität? *Kriminologische Journal*. Heft 2: 83–155.
- Hester S., Eglin P. (1992) *Sociology of Crime*. New York–London: Routledge.
- Holton J. (1981) *Thematic analysis of science*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Hulsman L. (1986) Critical Criminology and the Concept of Crime. *Contemporary Crisis*. No. 10: 63–80.
- Ismailov R.N. (2018) *Criminology in postmodern society*. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.)
- Jescheck H.-H. (1988) *Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil*. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot.
- Kan Ueda. (1989) *Crime and criminology in contemporary Japan*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. (2008) *Criminological dimension*. Moscow: Norma. (In Russ.)
- Kozachenko I., Sergeev D. (2020) *New criminalization*. Yekaterinburg: SAPIENTIA. (In Russ.)
- Robinson M. (2004) *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. New Jersey: Pearson, Prentice Hall.
- Rybak A.Z. (2020) *Criminology in the human dimension*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Sorokin P. (1992) *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Spa B. (1957) *Selected Works*. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- The Oxford Handbook of Criminology. (2007) Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Fourth Edition. Oxford University Press.
- The Problem of Crime (1996). Ed. by Muncie J., McLaughlin E. SAGE.
- The Sociology of Crime and Deviance (1995). Ed. by Caffrey S., Mundy C. Greenwich University Press.
- Young J. (2007) *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications.
- Zhalinsky A.E. (2009) *Criminal law in anticipation of change. Theoretical and instrumental analysis*. 2nd ed. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Zhmurov D.V. (2012) *Criminology in the postmodern era. Looking for new answers*. Irkutsk: Reprocenter A-1. (In Russ.)
- Zizek S. (2011) *Reflections in red*. Moscow: Europe. (In Russ.)

Received: 27.01.22. Accepted: 28.01.22.

Х.Д. АЛИКПЕРОВ

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович – доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований, Баку, Азербайджанская Республика (xan_alikperov@hotmail.com).

Аннотация. Анализируются различные объяснения врожденных и приобретенных «пороков» человека, их влияния на формирование преступной мотивации. Автором предпринята попытка критического анализа криминологических, антропологических и девиантологических взглядов на данное социально-правовое явление. Выдвинута гипотеза, согласно которой многие виды преступлений не являются продуктом только «социального конструкта». Они, по мнению автора, одновременно представляют генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, обусловленный генотипом *Homo sapiens*, который активируется лишь под воздействием определенных внешних факторов. На базе этой гипотезы разработана авторская концепция «бинарной сингулярности причин преступности».

Ключевые слова: преступность • генетические предпосылки • социальная среда • факторы преступности

DOI: 10.31857/S013216250019597-9

Проблема детерминант преступности. Среди широкого перечня фундаментальных проблем современных социальных наук причины преступности всегда стояли особняком в силу того, что они многогранны и весьма сложны для познания. С древнейших времен (от Аристотеля и Платона) к данному вопросу прикованы пытливые взоры лучших умов человечества, об этом феномене написано огромное количество книг, опубликованы тысячи научных статей, защищено множество диссертаций. Однако высокое внимание к проблемам детерминант преступности не обеспечило создания единого учения, и по сей день существует широкий круг нерешенных вопросов.

Родоначальник социологической теории преступности А. Кетле почти 200 лет назад утверждал, что «общество включает в себе зародыш всех преступлений потому, что в нем заключаются условия, соответствующие их развитию» (цит. по: [Криминология, 2004: 47]). Знаменитый французский социолог и криминолог Г. Тард также полагал, что рост преступности в обществе связан с отрицательным воздействием антиобщественной среды, снижением уровня моральных и культурных традиций, стремлением к власти и непосредственно самой властью над неограниченными материальными ресурсами [Тард, 2010: 112]. Разработанный в XIX в. концепт социальных причин преступности доминирует и в современных трактовках причин преступности. В то же время ведущие девиантологи отмечают, что «наши традиционные представления о преступности, криминогенных факторах, социальном контроле над преступностью все меньше и меньше соответствуют социальным реалиям» [Гилинский, 2021: 13]. До сих пор философы, социологи, криминологи, психологи и генетики теряются в догадках, почему из двух людей, по стечению различных жизненных обстоятельств оказавшихся в одной и той же ситуации, один совершает преступление, а другой нет [Рагимов, 2016: 32–33].

Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта «Новый взгляд на преступление и наказание». Руководитель проекта – д. ю. н., проф., заслуженный юрист Азербайджанской Республики И.М. Рагимов.

Следует обратить внимание на феномен «неодолимых» и/или крайне навязчивых идей, порой произвольно посещающих человека «немыслимых» желаний или «порочных» мыслей, которые по своему содержанию иногда настолько аморальны, что само их возникновение вызывает смтение. Подобные перманентные вожделения – суровая реальность бытия мыслительной деятельности *Homo sapiens*. Некоторые из подобных «наваждений» настолько прочно гнездятся в «Эго» *Homo sapiens* и проявляются с такой «маниакальной» настойчивостью, что от них не удастся избавиться. Порой это происходит так стремительно и неистово, что защитные функции его «Супер-Эго» парализуются, а воля выходит из-под контроля, и индивид лишается возможности противиться «порочным» желаниям. Он осознает их пагубность, но, тем не менее, нередко посягает даже на то, о чем и помышлять ранее не мог.

Совершению преступлений в немалой степени способствует и социально-психологическая напряженность в социуме. На большей части современного постсоветского пространства она превратилась в агрессивно-депрессивный синдром, оказывая крайне негативное воздействие на психику людей, усиливая нервозность и вспыльчивость, пробуждая низменные инстинкты. Это позволяет утверждать, что современное российское общество «трансформировалось в общество травмы» [Тощенко, 2020: 11]. Поэтому правы те исследователи, которые считают, что, «не изменив социальных условий, тщетно было бы пытаться повлиять на преступность» [Чернявская, 2014: 9].

В свете сказанного представляются спорными расхожие утверждения о том, что человек рождается чуть ли не как «чистый лист», не запятанный девиантными устремлениями. «Современные науки о разуме, мозге, генах и эволюции убедительно демонстрируют ошибочность такого подхода» [Пинкер, 2018: 520]. Дело в том, что в основе деятельности человека в значительной степени лежит генетическая программа, заложенная в него с момента зачатия [Амосов, 1965: 96]. Такая жизненная диспозиция наиболее выпукло проявляется в случайно возникающих ситуациях. Одной из разновидностей таких случайностей является спонтанно сложившаяся криминогенная обстановка, на которую не каждый может отреагировать адекватно.

Рассматривая причины проявления «порочных» качеств, известный британский писатель А. Кестлер сделал парадоксальный вывод, что человек – «ошибка эволюции»: в его генетической программе отсутствует механизм, ограничивающий убийство им особей своего вида (такая программа есть у большинства животных). Если бы в геноме человека была такая «стоп-программа», то в истории не было бы человеческих жертвоприношений, массовых казней и пыток, кровопролитных войн.

С учетом изложенного трудно утверждать, что в социуме есть индивидуумы, обладающие иммунитетом от противоправных или иных безнравственных форм поведения. Это не реально, если учесть, что, наряду с перечисленными выше проблемными сторонами личности, существуют и такие врожденные «пороки», как агрессивность¹, зависть, жадность, распутство и т.д., которые крайне сложно стереть из сознания человека. В процессе социализации они окутывают сознание некоторых людей рессентиментными доминантами, а в дальнейшем становятся источником диверсификации его сознания, трансформации мировоззренческих ценностей, формирования девиантного поведения. Поэтому при исследовании причинного комплекса преступности нельзя упускать подобные генетически обусловленные негативные качества личности. Человек в своей повседневной деятельности подчиняется не только социальным, но «и фундаментальным биологическим законам» [Дубинин, 1989:15], в силу чего многие преступления становятся «результатом воздействия подсознательных инстинктов, которые являются врожденными» [Шалагин и др., 2018: 557].

¹ О генетической природе агрессивности свидетельствует и открытие генетиков, которые обнаружили у человека ген агрессивности. Наличие в геномном типе человека гена агрессии подтверждают и исследования российских генетиков [Драгович, Боринская, 2019].

В современных трактовках причин преступного поведения уделяют крайне мало внимания врожденным свойствам личности и их роли в формировании преступной мотивации. Поэтому существующие воззрения на причины преступности в своем большинстве представляют собой лишь «вершину айсберга». Остановимся на этом подробнее.

Критический анализ объяснений причин преступности. Прежде всего, напомним идеи итальянского криминолога XIX в. Чезаре Ломброзо, выдвинувшего доктрину «прирожденного преступника», согласно которой преступниками не становятся, а рождаются. В рамках этой доктрины он описывал антропологические признаки, наличие которых, по его мнению, позволяет идентифицировать потенциального преступника еще до совершения им преступления (сплюснутый нос, длинные пальцы, редкая борода, низкий лоб и др.). Он пытался доказать жесткую корреляцию между анатомическими и физиологическими особенностями человека, с одной стороны, и его склонностью к совершению преступлений – с другой. При этом Ч. Ломброзо считал преступника «особой разновидностью рода человеческого, особым ненормальным существом, наделенным специфическими аномалиями» (цит. по: [Познышев, 1908: 10]), которые к тому же носят наследственный характер. Его учение о преступном человеке, заложившее основу биосоциальной теории преступности, имело как адептов, так и противников со стороны генетиков, философов, социологов и криминологов.

Из советских ученых многие утверждали, что «вся история человечества убедительно доказывает, что преступность – социальное, исторически обусловленное явление классового общества» [Дубинин и др., 1989: 341]. По мнению А.А. Герцензона, «поскольку преступность является социально обусловленной, то нет необходимости вообще даже пытаться искать биологические истоки поведения, это ведет к игнорированию реальной природы преступления, которое является социальным явлением и должно порождаться социальными же причинами» [Криминология, 2001: 330]. Иную, более близкую к Ч. Ломброзо трактовку давал советский криминолог И.С. Ной: «Поскольку социалистический строй сам по себе не содержит причин преступности и в социалистическом обществе нет факторов, делающих неизбежными преступные проявления», то она носит характер не общественного, а биологического явления. Поэтому «независимо от среды человек может не стать ни преступником, ни героем, если родится с иной программой поведения» [Ной, 1975: 62].

По поводу биологизаторских подходов к объяснению причин преступности автор считает необходимым сделать следующие критические суждения. Во-первых, утверждение, что патологические свойства личности, в частности неблагоприятная наследственность, являются ведущим звеном в механизме преступного поведения, представляется сомнительным. Ведь далеко не все люди, имеющие отрицательную наследственность, совершают преступления. Во-вторых, если причины преступности в «дурном» наследстве, то почему тогда из однояйцевых близнецов впоследствии один может стать конструктором, а другой – преступником? Наконец, даже гипотетически трудно предположить, что свыше 400 млн лиц, ежегодно совершающих в мире преступления (речь идет лишь о зарегистрированных деяниях), страдали негативной наследственностью.

Очевидно, что без соприкосновения с внешними факторами естественного, техногенного или социального характера генетически заданный поведенческий акт деструктивно-волевого характера не может активизироваться. Поэтому роль таких внешних факторов, как повод для преступления, условия, способствующие его совершению, и т.д., не менее значима, чем генетические предпосылки [Зеленков, 2011: 33]. «Условия сами не могут породить преступление и преступность. Однако без их наличия причина не может ни сформироваться, ни реализовываться» [Криминология, 2004а: 169]. Ничто из них не первично, те и другие одинаково важны, являясь компонентами одной сингулярности (единого явления).

Особо остановимся на концепции, последователи которой полагают, что преступность – не онтологическое (объективное) явление, а лишь мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Так, Я.И. Гишинский считает, что главная и единственная «причина» преступности – воля законодателя, сотворившего уголовный

закон [Гилинский, 2021: 34]. Он утверждает, что преступность – искусственный социальный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности [Гилинский, 2007: 382].

Бесспорно, что по форме преступление – социальный конструкт, результат человеческой деятельности, в процессе анализа которой решается вопрос о том, что признать преступлением, а что нет. Реализуя эту необходимость и стремясь создать правовые основы противодействия «злу», законодатель стремится из бесконечно большого объема анализируемой социальной энтропии выбрать наиболее общественно опасные ее виды и облечь их запрет в уголовно-правовую оболочку. Из этого посыла следует, что этиология преступности как многофакторной исторической реальности ни на йоту не зависит от воли законодателя, так как она возникла на Земле еще задолго до зарождения государства и права. Это – во-первых.

Во-вторых, принципиальная методологическая ошибка адептов социального конструкта выражается в том, что его сторонники в картине причин преступности фон приняли за фигуру. На этой основе одна их группа пришла к выводу, что преступность порождена законодателем, а другая – негативными социальными явлениями. Между тем в осмыслении преступности социальный конструкт выполняет лишь две операционные функции: а) как нормативный регулятор круга деяний, признаваемых в социуме преступлением; б) как правовой механизм воздаяния за преступление, в котором четко очерчены виды наказания, его сроки или размеры, подлежащие применению к виновному за совершение того или иного преступления.

В-третьих, сторонники этой точки зрения ставят во главу угла формальный (нормативный) подход к преступлению, а не его сущностную природу, без которой социальный конструкт выглядит полым, ретранслируя лишь известную формулу «*Nullum crimen...sine lege*» («Нет наказания без закона»). Поэтому за пределами этой идиомы остаются такие принципиально важные константы, как причинный комплекс преступности, связь отдельного преступного проявления с природными, социальными и техногенными факторами, роль генетических предпосылок в механизме индивидуального преступного поведения и т.д.

В-четвертых, ограниченность рассматриваемого концепта видится также и в том, что любой социальный конструкт искусственен. Если преступление – искусственный конструкт, то его можно изменить, реконструировать или удалить из Уголовного кодекса. Но этот постулат применительно ко многим видам преступлений достаточно утопичен, так как не всех их можно декриминализировать, даже если этого очень захочет законодатель. Здесь имеются в виду убийство, изнасилование и т.д., которые всегда и везде считались преступлением и останутся таковыми, пока существует человечество. В свете сказанного возникает вопрос, как можно назвать «социальным конструктом», например, чудовищные деяния таких маньяков, как А.Р. Чикатило, А.Б. Брейвик и др., совершавших преступления ради удовлетворения своих извращенных желаний. Думается, что деяний только этих нелюдей достаточно для выдвижения гипотезы, что не все преступления обусловлены социальным конструктом или господствующими в обществе социально-экономическими противоречиями, и т.д.

Как было отмечено выше, человек с момента рождения внутренне запрограммирован законами как «добра», так и «зла», в том числе и криминального характера. Конечно, общество может предпринять превентивные меры против некоторых пороков личности, временно минимизировать их проявление и т.д., а духовный потенциал и культурные институты общества – уменьшить количество совершаемых преступлений. Но полностью выравнять из гено типа человека агрессивность, похоть, зависть и т.д. общество не в состоянии.

Есть и такая точка зрения на причины преступности, которая предлагает теорию «опасного состояния личности», обосновывая ее тем, что в обществе есть девиантные общности людей (рецидивисты, нищие, бродяги, психически дефективные преступники, алкоголики, наркоманы и т.д.). Адепты этого учения допускают, что опасное состояние

личности может быть и не связано с совершением конкретного преступления. Однако защитой общества от таких носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства должны стать превентивные меры социальной защиты, целью которых является «обезвреживание неисправимых, исправление исправимых» [Сафронова и др., 2014: 10]. Под «опасным состоянием» при этом подразумевается перманентная (постоянная) и имманентная (внутренне присущая) склонность человека к совершению преступлений [Левитов, 1972: 168]. Адепты «опасного состояния личности» к этой категории относили «не только лиц, которые представляли объективную опасность для общества (рецидивисты и профессиональные преступники), но и лиц, которые обладали известной долей девиации в отношениях с другими представителями общества (алкоголики, проститутки, наркоманы)». Если «усиление уголовной репрессии в отношении первых было хоть как-то обосновано с позиции необходимости предупреждения тяжких преступлений, то введение мер предупреждения в отношении второй группы лиц порождало исключительные их стигматизацию в глазах общества» [Бриллиантов и др., 2020: 90].

В криминологической, философской и социологической литературе существуют и другие взгляды на социальные и биосоциальные причины преступности, основанные на синтезе биологических, антропологических и социальных причин преступности. Так, одни авторы связывают биосоциальные причины преступности с психоаналитическим учением З. Фрейда, другие – с психопатологическими факторами или наследственной предрасположенностью (О. Лонге, О. Кинберг), третьи – с расовой теорией и т.д.

Авторская концепция «бинарной сингулярности причин преступности». По мнению автора, нельзя отрицать наличия рационального зерна в учении о социальной природе некоторых видов преступлений (*crime publicum*), которые являются продуктом деятельности человека, в силу чего могут быть в любое время декриминализованы. Вместе с тем нельзя отрицать, что есть и естественные преступления (*crime naturale*), которые хотя формально и привязаны к уголовному закону, но автономны от воли законодателя. Эти преступления посягают на сущностную природу человека и вневременные правовые ценности его бытия. Дело в том, что естественные и позитивные права у конкретного индивидуума, как имманентное свойство бытия *Homo sapiens*, появляются даже до его рождения (например, права на отцовство, наследство и т.д. возникают с момента зачатия), а некоторые из них сохраняют свою силу и после его физической смерти (существует, например, уголовная ответственность за надругательство над трупом или могилой – ст. 347 УК РФ). Естественно-правовые ценности неприкосновенны и неотчуждаемы (ст. 17 Конституции РФ), не могут быть отменены или сужены, а посягательство на них всегда признавалось, признается и будет признаваться преступлением.

Другой вопрос, всегда ли законодатель признает те или иные объективно опасные или деструктивные деяния преступлением или считает, что некоторые из них вписываются в пеструю мозаику современного общества либерального толка, в силу чего отпадает надобность в их криминализации. Ведь в процессе криминализации мы часто имеем дело не только и не столько с сущностными свойствами того или иного негативного общественно опасного деяния, его реальной угрозой для индивидуума, социума и государства, а главным образом с уровнем нравственного багажа законодателя, его мировоззренческих ценностей и правовой культуры, этнопсихологией и традициями той или иной нации (народа), их морально-нравственными императивами и т.д. Все это не может не повлиять на научные доктрины, объясняющие природу преступности. Но это вовсе не дает оснований и далее сохранять господствующую парадигму, согласно которой в механизме преступного поведения доминирующую роль играют только социальные причины.

Не исключая взаимосвязи причин преступности с социальными факторами, автор предполагает, что такая корреляция не соответствует всей глубине рассматриваемого феномена. Поэтому постановка вопроса о первичности социальных факторов в механизме преступного поведения уязвима. И поводы, и условия, и генетические/социальные предпосылки являются равновесными субстанциями в механизме индивидуального преступного поведения.

Все это позволяет утверждать, что причины преступности, по нашему мнению, могут быть вскрыты на уровне сингулярного подхода, в котором видное (а нередко и ведущее) место должны занять причины биологического характера.

На наш взгляд, исходным фактором, дающим импульс запуску механизма индивидуального преступного поведения, всегда выступает некая потребность как генетически заданная программа. Ее невозможно «стереть» с матрицы человека, поскольку она обусловлена его биологической природой (в т.ч. инстинктом). Потребность может быть позитивной или извращенной, разумной или мнимой, реальной или воображаемой, устойчивой или ситуативной, явной или латентной; формироваться под влиянием непредвиденных обстоятельств или источника повышенной виктимности; постоянной или волатильной; продиктована экономическими неурядицами или чувством мести за поруганную честь. Автор далек от мысли, что неудовлетворенная потребность всегда порождает преступление. Это, естественно, не так. Но в то же время несомненно, что каждое конкретное умышленное преступление есть непосредственный результат реализации той или иной неудовлетворенной потребности человека.

Таким образом, результаты нашего исследования проблем патогенеза преступности и этиологии индивидуального преступного поведения позволяют утверждать следующее.

1) В человеческой популяции не существует людей, обладающих иммунитетом от противоправных деяний, так как такое поведение является потенциальным свойством каждого, заложенным в его жизненную программу.

2) Не все виды индивидуального преступного поведения являются продуктом социального конструкта. Они – исторически обусловленная объективная закономерность, утвердившаяся задолго до возникновения государства и права, в силу чего этиология и бытие многих видов умышленных преступлений, как внешних форм проявления преступности, не зависят от усмотрения законодателя.

3) Причины преступности заключены не только в окружающих человека реальностях, они таятся в самом *Homo sapiens*. Такой исходной причиной являются неудовлетворенные потребности человека. Все остальные факторы (интересы, корысть, страсть, месть и т.д.) являются лишь дополнительным сигналом, дающим импульс к запуску механизма формирования преступной мотивации.

4) Корень причин преступности носит бинарный характер и состоит из двух нелинейных компонентов – генетических и внешних факторов, процесс слияния которых в интегрированное единство порождает неприсущее им в отдельности качество (синергетический эффект).

5) В механизме индивидуального преступного поведения неудовлетворенные потребности играют роль доминанты. Что же касается внешних факторов (естественных, техногенных, социальных), то они в механизме детерминации преступного поведения играют сопутствующую роль (повода, условия и т.д.).

С учетом вышеизложенного можно предположить, что причины преступности в значительной степени гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности. Совершаемое им конкретное преступление – генетически обусловленный опредмеченный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в геноме *Homo sapiens*. Он активизируется лишь при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или социального свойства, под влиянием которых он удовлетворяет свои потребности, которые не смог (или не захотел) реализовать в рамках закона.

Эта гипотеза является основой авторской концепции «бинарной сингулярности причин преступности». Под идиомой «бинарная сингулярность» автор имеет в виду первоначало (сингулярность), выступающее прасубстанцией для двух алертных явлений социального и генетического характера (бинарность), которые под воздействием внешних стресс-факторов активируются, после чего один из них выступает мотиватором (генетическим фактором), а другой – триггером (социальным фактором) индивидуального преступного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. Киев: Наукова думка, 1965.
- Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.
- Гилинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 382–398.
- Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021.
- Драгович А.Ю., Боринская С.А. Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // Генетика. 2019. Т. 55. № 9. С. 1071–1082.
- Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и пути их предупреждения. М.: Полит. лит-ра, 1989.
- Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология (базовый курс). М.: ЮИ МИИТа, 2011.
- Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА, 2001.
- Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Э. Эминова. М.: Юрист, 2004.
- Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М.: Wolters Kluwer Russia, 2004a.
- Левитов Н.Д. Психическое состояние агрессии // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 168–173.
- Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Сарат. ун-т, 1975.
- Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2016.
- Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17.
- Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы. М.: Инфра-М, 2010.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Чернявская Г.А. Социология преступности. Минск: МУУ, 2014.
- Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2018. Т. 9. № 4. С. 556–564.
- Статья поступила: 16.11.21. Финальная версия: 14.01.22. Принята к публикации: 28.01.22.

CAUSES OF CRIME: A CRITICAL ANALYSIS

ALIKPEROV H.D.

Center for Legal Research, Azerbaijan Republic

Khanlar J. ALIKPEROV, Dr. Sci. (Law), Prof., Director of the Center for Legal Research, Baku, Azerbaijan Republic (xan_alikperov@hotmail.com).

Abstract. The article offers an interpretation of the causes of crime, taking into account recent achievements in the social sciences. Various explanations of inborn and acquired human vices, their influence on the formation of criminal motivation are analyzed. An attempt is made to critically analyze the criminological, anthropological and deviantological views on the socio-legal phenomenon under consideration, as well as the role of natural, technogenic and social factors in the mechanism of criminal behavior determination. A hypothesis has been put forward according to which many types of crimes are not only the product of a “social construct”: they, so the author, simultaneously represent a genetically determined behavioral act of a destructive-volitional nature, based in the genotype of *Homo sapiens*, which is activated only under the influence of certain external (social) conditions, and factors of natural, technogenic and biological nature. On the basis of this hypothesis, the author’s concept “Binary singularity of the crime causes” has been developed.

Keywords: crime, genetic background, factors of crime.

REFERENCES

- Amosov N.M. (1965) *Modeling Thinking and Psyche*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.)
- Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. (2020) Hazardous Personality Theory: A Step Forward or Two Back? *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. No. 10: 90–99. (In Russ.)
- Chernyavskaya G.A. (2014) *Sociology of Crime*. Minsk: MUU. (In Russ.)
- Criminology*. (2001) Ed. by A.I. Dolgova. Moscow: NORMA. (In Russ.)
- Criminology*. (2004) Ed. by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. Moscow: Jurist. (In Russ.)
- Criminology*. (2004a) Ed. by N.F. Kuznetsov, V.V. Luneev. Moscow: Wolters Kluwer Russia. (In Russ.)
- Dragovich A.Yu., Borinskaya S.A. (2019) Genetic and genomic basis of human aggressive behavior. *Genetika* [Genetics]. Vol. 55. No. 9: 1071–1082. (In Russ.)
- Dubin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. (1989) *Genetics, Behavior, Responsibility. On the Nature of Antisocial Acts and Ways to Prevent Them*. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2007) The genesis of crime. The problem of causality in criminology. *Problema prichinnosti v kriminologii. Rossysky ezhegodnik ugolovnogo prava* [Russian Yearbook of Criminal Law]. No. 2: 382–398. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2021) *Postmodern Criminology (Neocriminology)*. St. Petersburg: Aletyya. (In Russ.)
- Levitov N.D. (1972) Mental state of aggression. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology]. No. 6: 168–173. (In Russ.)
- Noah I.S. (1975) *Methodological problems of Soviet criminology*. Saratov: SGU. (In Russ.)
- Pinker S. (2018) *Blank Slate: Human Nature. Who and Why Refuses to Recognize it Today*. Moscow: Alpina. (In Russ.)
- Ragimov I.M. (2016) *On the Morality of Punishment*. St. Petersburg: Izd-vo “Yuridicheskii tsentr”. (In Russ.)
- Safronova E.V., Loba V.E. (2014). “Dangerous state of personality” as a criminological category. *Kriminologicheskyy zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological journal of Baikal State University of economics and law]. No. 2: 10–17. (In Russ.)
- Shalagin A.E., Khrustaleva O.N. (2018) Theories of criminal behavior: from the origins to the present. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vol. 9. No 4: 556–564. (In Russ.)
- Tarde G. (2010) *Outlaw and crime. Comparative crime. Crowd crime*. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Zelenkov M.Y. (2011) *Social Conflict Management (Basic Course)*. Moscow: Yul MIIT. (In Russ.)

Received: 16.11.21. Final version: 14.01.22. Accepted: 28.01.22.

Ю.И. ЖЕГУСОВ, З.И. КОРЯКИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

ЖЕГУСОВ Юрий Иннокентьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН (sociolog_ykt@mail.ru); КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (z_koryakina@mail.ru). Оба – Якутск, Россия.

Аннотация. Анализируются социальные факторы снижения молодежной преступности за последние 20 лет в Республике Саха. Опираясь на данные региональной статистики и мониторинговых социологических исследований, авторы доказывают, что это снижение связано как с глобальными (взрывная гаджетизация), так и с общенациональными (старение населения, рост благосостояния) и региональными (снижение алкоголизации) тенденциями. Авторами обосновывается иерархия факторов: наибольшую роль в снижении преступности молодежи в регионе сыграли распространение доступа к Интернету и снижение потребления алкоголя; сильное влияние оказали сокращение доли молодежи в демографической структуре, общее улучшение социального самочувствия населения и снижение уровня безработицы; роль динамики уровня бедности рассматривается как наименьшая.

Ключевые слова: молодежь • преступность • социальные факторы преступности • потребление алкоголя • антиалкогольная политика • социальное самочувствие • гаджетизация • Республика Саха (Якутия)

DOI: 10.31857/S013216250018701-4

Проблемы динамики молодежной преступности в современной России. Уровень преступности – один из важнейших индикаторов, показывающих интенсивность и тренды деструктивных процессов в обществе [Зернов и др., 2017]. Уровень преступности среди молодежи является особо актуальной проблемой, так как эта разновидность девиантного поведения наиболее тесно связана с воспроизводством преступности в долгосрочной перспективе.

В нашей стране взрывной рост преступности наблюдался в 1990-х гг. на фоне распада СССР и радикальных социально-экономических реформ. Социальная поляризация, потеря духовных ориентиров, кризис институтов воспитания и социализации способствовали тому, что социальная энергия молодежи стала канализироваться в значительной степени через деструктивные формы поведения [Катков, 2013]. В этот период в стране резко выросло количество преступлений среди несовершеннолетних и молодежи [Долгова, 2004; Осипян, 2010]. В «лихие 90-е» средний правонарушитель имел возраст 27–29 лет, а максимальная вовлеченность в противоправные действия происходила в возрасте 17–25 лет. За 1990–1998 гг. доля молодых людей 18–24 лет среди осужденных выросла с 21 до 26% [Андриенко, 2001].

Со второй половины 2000-х гг., с постепенным улучшением социально-экономического положения, в стране начинается постепенный спад преступности. Криминальная статистика показывает, что в Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений за последнее десятилетие снизилось на 22%. Тенденция сокращения преступности наблюдается в 59-ти субъектах федерации, причем в 15-ти из них число совершенных преступлений снизилось более чем на 25%. Почти во всех субъектах сократилось

количество убийств (наименее латентного вида преступлений) на 100 тыс. человек населения¹. Со снижением общего количества преступлений в России снижается и преступность несовершеннолетних и молодежи. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2010–2020 гг. количество лиц, совершивших преступления в возрасте 14–29 лет, сократилось на 49,4%, что в 2 раза превышает интенсивность снижения общего количества выявленных преступников. Статистика Судебного департамента при ВС РФ показывает еще более позитивные изменения: количество осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет, за 2010–2020 гг. уменьшилось в 3 раза².

Снижение в последние десятилетия преступности – явление, присущее не только России. Еще в конце XX в. зарубежные криминологи и социологи зафиксировали необычный мировой феномен – «Великое снижение преступности» [Dijk et al., 2012]. Период роста преступности в развитых странах Запада, начавшийся с конца 1950-х гг., завершился к концу 1980-х гг. В отличие от России, переживавшей в это время острый социальный кризис, снижение преступности в США, Европе и некоторых странах Азии начинается с 1990-х гг. и продолжается в течение 2000–2010-х гг. [Tseloni et al., 2010; Tonry, 2014]. Основными значимыми факторами снижения преступности зарубежные обществоведы считают сильную экономику, демографические изменения, относительное увеличение количества полицейских и количества заключенных в тюрьмах, легализацию абортов, а также распространение высокотехнологичных средств безопасности, Интернета и мобильных телефонов [Levitt, 2004; Farrel et al., 2014]. Статистика показывает, что Россия вошла, хоть с большим опозданием, в русло мирового тренда снижения преступности.

Фундаментальных и комплексных научных исследований, посвященных объяснению причин и факторов сокращения преступности в России, в том числе снижения молодежной преступности, не проводилось. Это частично объясняется тем, что снижение преступности в России идет не такими быстрыми и заметными темпами, как в развитых странах Запада. Более того, ряд авторов подвергают сомнению снижение преступности в России. Так, И.Г. Калабеков приводит доводы в пользу мнения, что преступность в России не снижается: около половины потерпевших не обращаются в правоохранительные органы; при растущем из года в год числе заявлений и сообщений о совершенных преступлениях снижается доля заявлений, по которым возбуждались уголовные дела [Калабеков, 2020]. М.П. Клейменов тоже полагает, что регистрируются далеко не все преступления из массива ставших известными криминальных деяний, поэтому нет оснований говорить о снижении преступности [Клейменов, 2018].

Некоторые исследователи с оговорками признают снижение большинства показателей преступности в России и отмечают социальные факторы, способствующие данному процессу. Они считают, что идет «реструктуризация» преступности: традиционную преступность теснят новые, малоизученные и высоколатентные, ее виды (например, «киберпреступность»). Снижение криминальной активности молодых россиян объясняют, как и на Западе, их «уходом» в виртуальный мир Интернета. Также снижению преступности способствует «секьюритизация» – развитие современных технических средств безопасности (видеокамеры, сигнализация и т.д.) [Антонян и др., 2018: 5–6].

Что касается работ о снижении преступности молодежи в современной России, большинство исследований лишь прослеживают динамику преступности несовершеннолетних, не выявляя при этом социальных факторов и причин сокращения правонарушений [Хасанова, 2019; Гончарова, 2020; Теунаев, Дубова, 2021]. Некоторые криминологи прямо признают наличие пробелов в изучении преступности несовершеннолетних и молодежи, в том числе отсутствие объяснения феномена снижения преступности в этой

¹ Преступность в регионах // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура РФ. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 20.04.2020).

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 и 2008–2020 гг. // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 20.04.2020).

возрастной группе [Дашков, 2020]. В этой связи авторы статьи попытаются далее на примере одного из регионов России, Республики Саха (Якутия), предложить такое комплексное объяснение.

Методология и эмпирическая база исследования. В каждом регионе Российской Федерации уровень преступности и ее динамика могут значительно различаться в зависимости от социально-экономической ситуации, менталитета населения, географо-климатических и других факторов. В частности, отличительной спецификой Республики Саха является то, что она стабильно находится в первой тройке регионов России с самым большим удельным весом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (57,7% в 2016 г., 48,9% в 2020 г.). Это связано с тем, что у коренных народов Якутии в силу физиологических причин потребление алкоголя приводит к более разрушительным последствиям [Жегусов и др., 2020], поскольку у якутов физическая зависимость (II стадия алкоголизма) формируется вдвое быстрее (через 2,5–3 года), чем у русских (через 5–6 лет) [Матвеева, 2010]. В то же время среди регионов ДФО Якутия имеет самый низкий уровень общей преступности на 100 тыс. человек населения, что отчасти связано с пониженным уровнем урбанизации.

Чтобы выявить комплекс социальных причин и факторов, способствующих снижению преступности молодежи в Республике Саха, авторами проведен устный опрос экспертов (сотрудников полиции, ученых-криминологов региона, социальных работников, психологов, педагогов, руководителей общественных организаций, имеющих опыт профилактической работы с молодежью). На основе ответов экспертов выделены 5 основных факторов снижения преступности молодежи в регионе: 1) демографический (снижение доли молодежи в населении); 2) социально-экономический (улучшение материального благосостояния, снижение бедности и безработицы); 3) уровень алкоголизации (снижение объема продаж алкоголя и заболеваемости алкоголизмом); 4) развитие гаджетизации (распространение средств доступа к Интернету), 5) улучшение социально-психологического самочувствия (снижение социального стресса и недовольства жизнью).

Основу эмпирической информации составили статистические материалы Росстата, Генеральной прокуратуры РФ, Судебного департамента при ВС РФ, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) и МВД РФ по Республике Саха (Якутия), а также данные организованных авторами анкетных опросов «Молодежь Якутии и потребление алкоголя» ($N = 518$, 2010 г.), «Мониторинг потребления психоактивных веществ среди обучающейся молодежи» ($N = 3008$, 2014–2018 гг.) и «Алкоголь и качество жизни в Якутии» ($N = 4709$, 2017 г.)³.

Динамика преступного поведения молодежи в Республике Саха. Как уже указывалось, снижение количества лиц, совершивших преступления, особенно среди молодежи, – общероссийский тренд. В регионах ДФО темпы снижения выявленных правонарушителей молодого возраста более чем в 2 раза превышают темпы снижения общего количества совершивших преступления (табл. 1).

В Республике Саха (Якутия) в 2007–2020 гг. количество лиц, совершивших преступления, в возрастной группе несовершеннолетних (14–17 лет) сократилось на 75,4%, в возрасте 18–24 лет – на 65,5%, 25–29 лет – на 26,8%. Если ранее часто констатировали «омоложение» преступности, то сейчас наблюдается обратный процесс. Количество среди преступников лиц в возрасте 30–49 лет увеличилось на 39,2%, а лиц от 50 лет и старше – на 63,3% (рис. 1). Если в 2007 г. удельный вес молодежи 14–29 лет среди совершивших преступления составлял более половины (63%), то к 2020 г. он снизился почти в 2 раза (до 32,8%). Молодежь постепенно уступает лидирующую позицию в криминальной активности группам зрелого и пожилого возраста.

³ В исследованиях молодежи Якутии использовалась квотная репрезентативная выборка по полу, возрасту и месту проживания. В исследованиях обучающейся молодежи применялась многоступенчатая выборка: сначала выбирали населенный пункт, затем школу или учебное заведение, потом классы и группы на факультетах, где проводился аудиторный опрос.

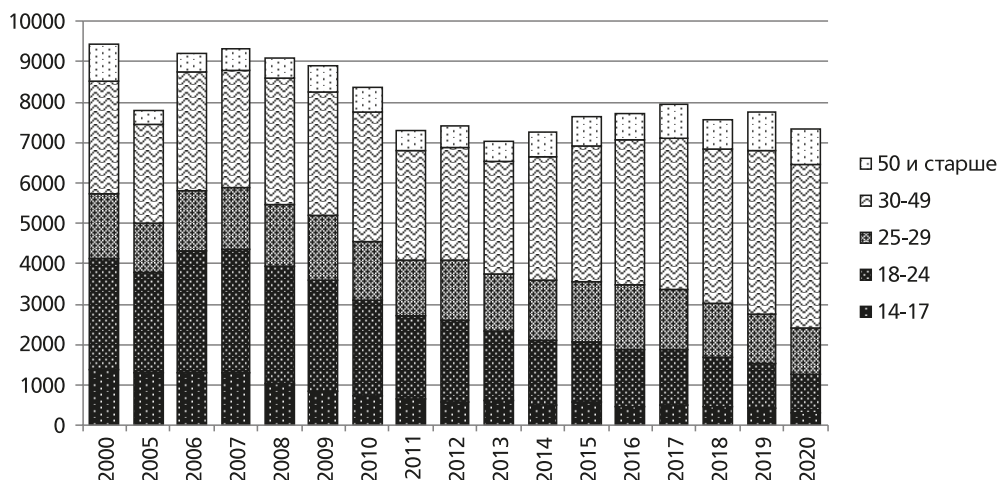

Рис. 1. Возрастной состав лиц, совершивших преступления, Республика Саха, 2000–2020 гг.

Источник: составлено по данным Генеральной прокуратуры РФ (http://crimestat.ru/social_portrait).

Таблица 1

Соотношение количества населения и лиц, совершивших преступления, в России и регионах ДФО в 2010–2020 гг.

Регион России	Динамика населения, в %	Динамика молодежи, в возрасте 14–29 лет, %	Динамика общего количества лиц, совершивших преступления, в %	Динамика количества молодежи в возрасте от 14–29 лет, совершивших преступления, в %
Республика Саха (Якутия)	+2,4	–20,7	–12,1	–47,0
Камчатский край	–3,2	–36,7	–3,9	–40,3
Приморский край	–4,0	–32,5	–29,7	–56,9
Хабаровский край	–3,1	–33,9	–30,0	–57,4
Амурская область	–5,8	–34,8	–29,1	–55,8
Магаданская область	–11,4	–39,1	–34,7	–60,2
Сахалинская область	–2,4	–33,1	–21,8	–51,2
Еврейская АО	–11,3	–43,6	–22,5	–55,2
Чукотский АО	–1,9	–19,8	–4,9	–38,5
Республика Бурятия	+1,3	–28,3	–22,1	–47,7
Забайкальский край	–4,8	–31,1	–9,6	–39,1
ДФО	–2,9	–31,4	–22,6	–52,3
Российская Федерация	+2,3	–28,2	–23,2	–49,4

Источники: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>) и Генеральной прокуратуры РФ (http://crimestat.ru/regions_chart_total).

Другим подтверждением снижения преступности молодежи в Республике Саха является статистика преступлений, совершаемых учащимися и студентами. Если в 2007 г. представителями учащейся молодежи совершено 1424 преступления, то в 2020 г. – 334, т.е. произошло снижение более чем в 4 раза.

Факторы, влияющие на снижение преступности молодежи. Рассмотрим наиболее значимые, по мнению экспертов, факторы снижения преступности молодежи в регионе.

Демографический фактор. Одной из гипотез, объясняющих причину снижения преступности, является демографический спад: преступность – удел молодых, а развитые страны, в том числе Россия, стареют [Клейменов, 2018: 158]. Сопоставление статистических данных о распределении населения республики и лиц, совершивших преступления, по возрастным группам показывает, что это утверждение верно лишь отчасти. Если количество населения 15–29 лет в 2007–2020 гг. сократилось на 25,9%, то количество совершивших преступления жителей Республики Саха соответствующего возраста уменьшилось на 58,9%. В возрастной группе 30–49 лет количество населения в этот период почти не изменилось (–0,3%), но количество преступников возросло на 39,2%. В то же время население в возрасте от 50 лет за данное время увеличилось на 34,8%, а количество в этой возрастной группе лиц, совершивших преступление, – на 63,3% (рис. 2).

Можно сделать вывод, что демографический фактор в виде снижения количества лиц молодого возраста влияет на общую криминальную ситуацию не так сильно, поскольку темпы снижения преступности молодежи опережают темпы сокращения населения в возрасте 14–29 лет.

Социально-экономический фактор. Криминальная статистика свидетельствует, что более половины преступлений совершается лицами без постоянных источников дохода⁴.

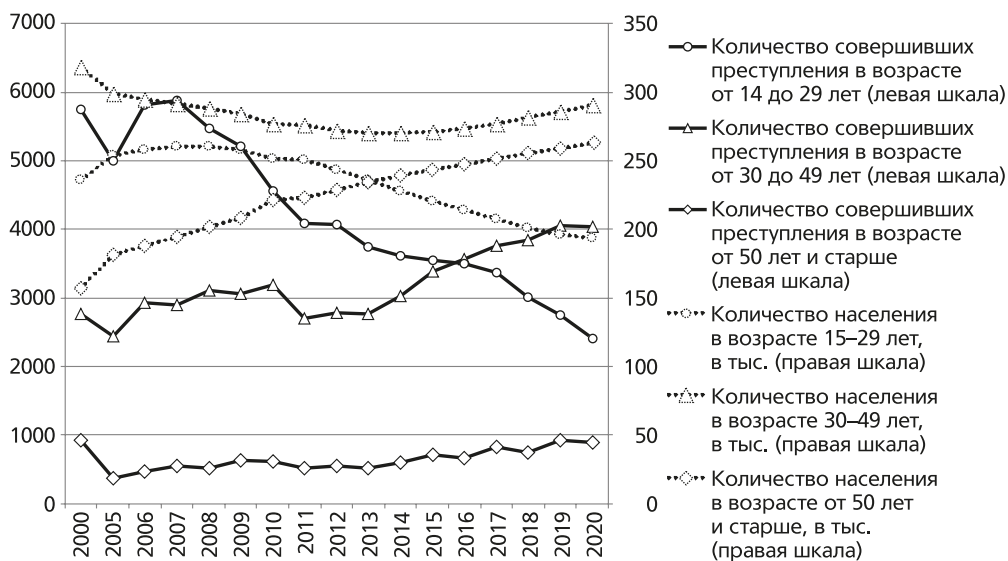

Рис. 2. Динамика количества населения и лиц, совершивших преступления, в разных возрастных группах в Республике Саха

Источники: составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (<https://sakha.gks.ru/folder/32348>) и Генеральной прокуратуры РФ (http://crimestat.ru/social_portrait).

⁴ Социальный портрет преступности // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 20.04.2020).

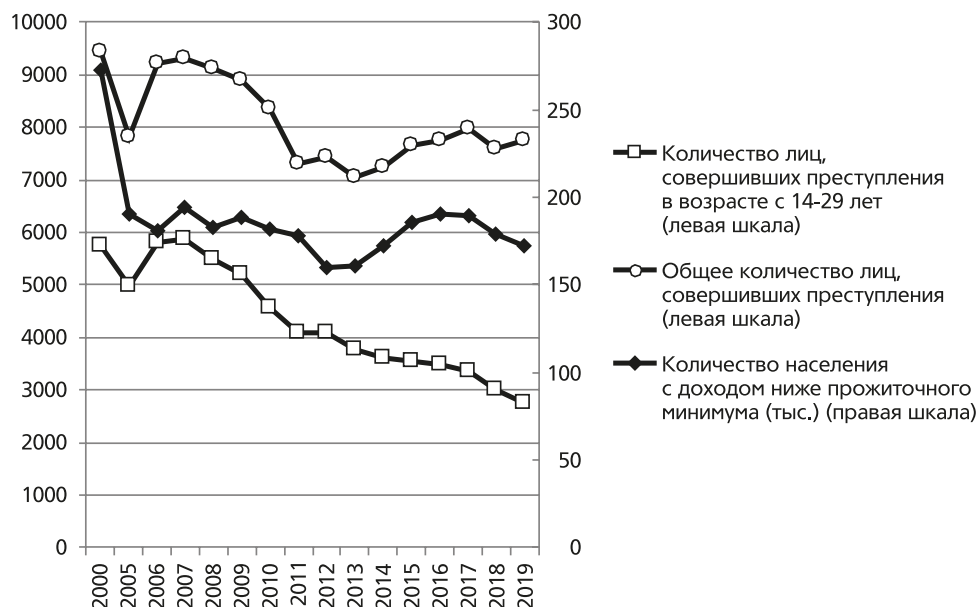

Рис. 3. Динамика количества лиц, совершивших преступления, и количества населения с доходом ниже прожиточного уровня в Республике Саха

Источники: составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (<https://sakhgks.ru/folder/41308>) и Генеральной прокуратуры РФ (http://crimestat.ru/social_portrait).

Поэтому ухудшение социально-экономической ситуации, снижение доходов населения и рост безработицы тесно взаимосвязаны с динамикой преступности [Андриенко, 2001].

В Республике Саха зависимость общего количества преступлений, в том числе преступности молодежи, от количества населения с доходом меньше прожиточного минимума прослеживалась до 2013 г. Но с 2014 г. количество лиц, совершивших преступления в возрасте 14–29 лет, продолжает снижаться, несмотря на рост находящихся за чертой бедности. В то же время динамика количества преступников повторяет кривую динамики роста и снижения населения с доходами ниже прожиточного минимума (рис. 3).

Значительное влияние на преступность молодежи оказывает и уровень безработицы. В 2000–2020 гг. численность безработных в Республике Саха сократилась только на 32,1%, а преступность лиц 14–29 лет – на 58,0%. При этом общее количество лиц, совершивших преступления, сократилось на 22,1% (рис. 4).

Снижение алкоголизации. Согласно докладу ВОЗ, в результате предпринятых в России государственных мер по контролю над алкогольной продукцией общее употребление алкоголя на душу населения в 2003–2016 гг. снизилось на 48%. С принятием в 2009 г. «Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г.» реализованы законодательные меры, ограничившие ценовую, временную и шаговую доступность алкоголя [Воронина, 2013]. В рамках реализации этой Концепции многие регионы воспользовались своими полномочиями на введение собственных – дополнительных – ограничений на розничную продажу алкоголя.

В Якутии с 2010 г. также вводятся дополнительные ограничения розничной продажи алкоголя, а в 2013 г. был принят региональный Закон «Об установлении дополнительных ограничений времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции в Республике Саха (Якутия)». Этим законом установлены одни из самых в России жестких

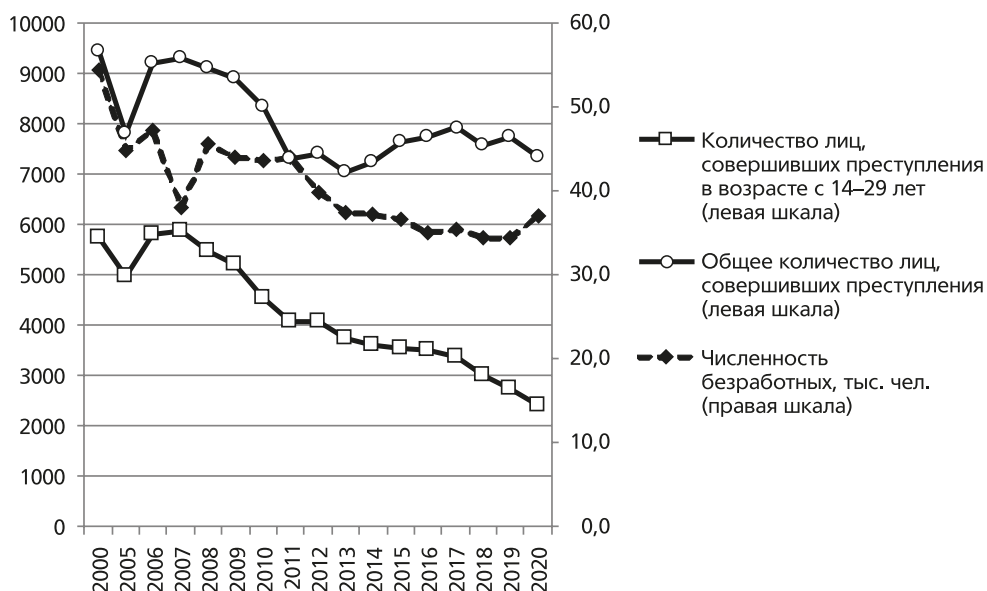

Рис. 4. Динамика количества лиц, совершивших преступления, и численности безработных в Республике Саха

Источники: составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (<https://sakha.gks.ru/folder/41308>) и Генеральной прокуратуры РФ (http://crimestat.ru/social_portrait).

ограничений, что привело к сокращению в 2013–2018 гг. количества торговых объектов, реализующих алкогольную продукцию, на 48%, а объем розничной реализации спиртных напитков (в пересчете на абсолютный алкоголь на душу населения) в 2012–2019 гг. снизился на 37%. Социологические исследования показали, что, как и следовало ожидать, в последние годы молодежь 18–29 лет в целом стала реже потреблять алкоголь, причем среди них значительно выросла доля тех, кто вообще не употребляет спиртного (табл. 2).

Наибольшее сокращение потребления алкоголя произошло среди обучающейся молодежи – учащихся общеобразовательных школ, ссузов и вузов. Проведенные нами мониторинговые социологические опросы свидетельствуют, что в 2010–2017 гг. количество студентов, не потребляющих алкоголь, выросло почти в 4 раза, доля потребителей алкоголя среди студентов снизилась с 87,6 до 42,4%, а среди учащихся старших классов средних школ – с 69,0 до 13,9%.

Таблица 2

Частота потребления алкогольных напитков (включая пиво) населением Республики Саха (Якутия) 18–29 лет
(в % от числа опрошенных)

Частота потребления алкоголя	2010 г.		2017 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Чаще 3-х раз в неделю	11,1	2,5	6,0	1,3
2–3 раза в неделю	9,8	4,2	8,9	4,0
1 раз в неделю	18,4	13,0	17,0	11,0
1–3 раза в месяц	25,6	19,7	19,2	19,1
Реже, чем 1 раз в месяц	18,8	41,0	26,2	31,9
Не употребляю алкоголь	16,2	19,7	22,6	32,7

Снижение алкоголизации населения также повлияло на количество неблагополучных семей, продуцирующих социальное сиротство и преступность несовершеннолетних. По данным статистики, в 2009–2018 гг. количество детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, сократилось в Республике Саха в 3 раза (с 1813 до 583).

Развитие Интернета и гаджетизация. В последние годы проникновение Интернета и гаджетов в повседневную жизнь молодежи приобрело всеобщий характер. В РФ на 2020 г. доля населения, пользующегося Интернетом, составила 85%⁵. По данным Министерства связи и информационных технологий Республики Саха, 96% населения республики имеют доступ к скоростному Интернету. Мониторинг группы компаний «Синет» свидетельствует о взрывном (в 14 раз) росте пользователей интернет-сети в 2006–2018 гг. в Якутске, столице республики⁶.

Как показывает практика, развитие информационных технологий способно сильно влиять на общественные процессы [Захаркина, Исакова, 2019] в целом и на социализацию молодежи [Чванова и др., 2017] в частности. На наш взгляд, несмотря на ряд побочных сторон интернетизации и гаджетизации, в целом этот процесс сыграл большую роль в снижении криминализации молодежи. Традиционное в 1990-е и в начале 2000-х проведение досуга со сверстниками с потреблением алкоголя на улице и дискотеках стало замещаться новыми видами развлечений. Онлайн-игры, просмотр фильмов и другого видеоконтента, интернет-серфинг, общение в социальных сетях и мобильных мессенджерах стали занимать большую часть свободного времени и досуга молодежи. Уровень агрессии в современной молодежной среде снизился также из-за того, что появилась возможность выбирать информацию по своим интересам и усмотрению, тогда как до распространения Интернета молодежь такой возможности не имела и вынуждена была потреблять информацию от телевидения и печатных СМИ, перегруженных негативным контентом.

В последнее время, с увеличением количества преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, некоторые специалисты полагают, что «значительная часть преступлений, которые совершала молодёжь, ушла в мир интернета и остается незарегистрированной»⁷. Таким образом, продвигается гипотеза, что снижения преступности молодежи на самом деле не произошло, она лишь трансформировалась в более латентные виды с использованием Интернета и средств мобильной связи. По нашему мнению, такое утверждение не может в полной мере объяснить ситуацию с преступностью молодежи. Во-первых, для совершения подобных преступлений (например, путем взломов информационных систем или мошеннических действий с использованием мобильных телефонов) требуются специальные криминальные компетенции, что требует не только квалификации, но и большого жизненного опыта, криминального «профессионализма», которого заведомо мало у молодых людей. Во-вторых, преступления, совершаемые молодежью, всегда считались преимущественно спонтанными и случайными, тогда как киберпреступность высокоорганизована и сложно структурирована. Разумеется, некоторое количество молодежи вовлечено в преступления с использованием информационных технологий, но их количество не может сравниться с той массой молодежи, которая совершала насильственные и имущественные преступления в годы «криминальной революции» 1990-х.

Улучшение социального самочувствия и снижение стресса. В переходной период, с начала 1990-х до начала 2000-х, в России развивался социальный стресс [Штемберг, 2014] и синдром деморализации [Катков, 2013], которые провоцировали рост деструктивных

⁵ Доля населения, пользующегося информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» // Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58465> (дата обращения: 20.04.2021).

⁶ Развитие якутского интернета // Группа компаний «Синет», SinetGroup.Ru. Май 2018. URL: <https://docplayer.ru/26902737-Razvitie-yakutskogo-interneta.html> (дата обращения: 20.04.2021).

⁷ Криминолог Яков Гишинский – о спаде преступности и легализации марихуаны // The Village. 15 октября 2014 г. URL: <https://www.the-village.ru/village/people/city-news/167415-kriminolog> (дата обращения: 21.11.2021).

социальных процессов. Проведенное нами исследование подтвердило, что динамика показателей преступности взаимосвязана с состоянием социального самочувствия населения: неблагоприятная психоэмоциональная атмосфера в обществе провоцирует агрессию и преступное поведение [Жегусов, 2018].

Проведенные в последнее десятилетие мониторинговые социологические исследования выявили улучшение социального самочувствия учащейся и студенческой молодежи Якутии. Для определения психоэмоционального состояния нами был использован специально разработанный метод шкального измерения индекса негативных эмоций. Данный интегральный индекс подсчитывается по ответам респондентов, которые выражают степень интенсивности переживаемых ими негативных эмоций (таких как «одиночество», «страх будущего», «ощущение своей ненужности», «уныние», «чувство вины», «мысли о суициде»). Респонденты оценивали частоту таких эмоций по шкале «никогда», «иногда», «часто», «постоянно». В зависимости от ответа респондента по каждому вопросу присваивались от 0 до 3 баллов, которые в итоге суммировались. Гипотетически каждый респондент мог набрать от 0 (отсутствие стресса) до 18 баллов (крайняя степень стресса). Отдельно для учащихся средних школ и студентов по годам подсчитывался средний балл индекса негативных эмоций. Исследование выявило, что индекс негативных эмоций в 2010–2017 гг. значительно снизился: среди учащихся школ – с 5,50 до 4,74 балла, у студентов – с 4,64 до 3,22 балла. Улучшение социального самочувствия молодежи Республики Саха снизило агрессивное поведение как одну из основных причин совершения преступлений.

В заключение выскажем мнение об иерархии проанализированных пяти факторов снижения молодежной преступности в изучаемом регионе. Для этого определим тесноту статистической значимости в 2000–2020 гг. между описанными факторами и количеством лиц, совершивших преступление в возрасте 14–29 лет. По базе ежегодных показателей Республики Саха (Якутия) произведен расчет коэффициентов корреляции по Пирсону. В результате получена следующая иерархия тесноты корреляционных связей между социальными факторами и показателями преступности молодежи:

- очень высокая корреляция со снижением заболеваемости населения алкоголизмом ($r = 0,93$) и сокращением объемов розничной реализации водки ($r = 0,92$);
- высокая корреляция с уменьшением количества населения в возрасте 15–29 лет ($r = 0,88$) и снижением численности безработных ($r = 0,78$);
- умеренная корреляция со снижением количества населения с доходом ниже прожиточного минимума ($r = 0,39$).

Можно поэтому предположить, что среди перечисленного наибольшее влияние на снижение преступности молодежи в Республике Саха оказало снижение потребления алкоголя, которое является причиной половины преступлений в регионе. Это обусловлено в значительной степени изменениями в сфере досуга молодежи: развитие гаджетизации и интернет-общения канализирует энергию молодых в менее деструктивные виды деятельности.

Важно отметить, что уровень безработицы сильнее влияет на преступность молодежи, чем количество бедного населения, которое в нашем перечне факторов демонстрирует наиболее слабую связь с молодежной преступностью. Очевидно, высокий уровень занятости, пусть даже с небольшим уровнем дохода, способствует снижению преступности.

Дальнейшее снижение/повышение уровня криминализации молодежи зависит от усиления или ослабления рассмотренных социальных факторов. Государственная политика, направленная на снижение преступности, должна отслеживать и учитывать новые тренды изменений в молодежной среде. Основываясь на этих знаниях, с помощью рычагов государственного воздействия можно ослаблять негативные и усиливать позитивные тенденции в сфере преступности молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андриенко Ю.В. В поисках объяснения роста преступности в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2001. № 2. С. 194–220.
- Антонян Ю.М., Бродников Д.А., Гончарова М.В. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.
- Воронина И.О. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в России: историко-правовой аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 192–198.
- Гончарова М.В. Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации: статистический анализ состояния и тенденций // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21 января 2020 г.). М.: Ун-т прокуратуры РФ, 2020. С. 67–73.
- Дашков Г.В. Пробелы в научных исследованиях преступности несовершеннолетних и молодежи // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21 января 2020 г.). М.: Ун-т прокуратуры РФ, 2020. С. 77–82.
- Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: РКА, 2003.
- Жегусов Ю.И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. 2018. № 6 (4). С. 15–26.
- Жегусов Ю.И., Корякина З.И., Бессонова О.Г. Этнические особенности алкоголизации в Республике Саха (Якутия): модели потребления // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 100–107.
- Захаркина Т.Н., Исакова И.А. Гаджетизация: эффекты влияния на общественные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 115–121.
- Зернов Д.В., Иудин А.А., Рябинина Е.Н., Шпилев Д.А. Уровень преступности и безопасность человека: опыт социологического анализа. Н. Новгород: НИСОЦ, 2017.
- Калабеков И.Г. Преступность в цифрах // Российские реформы в цифрах и фактах. М., 2010–2020. С. 910–945.
- Катков А.Л. Деструктивные социальные эпидемии. СПб.: РГКП РНПЦ МСПН, 2013.
- Клейменов М.П. Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2018. № 1 (54). С. 157–162.
- Матвеева Н.П. Распространенность, факторы риска и клиническая динамика алкоголизма и алкогольных психозов среди коренного населения Республики Саха (Якутия) (этнокультурный, реабилитационный аспекты). Автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.01.27. Томск, 2010.
- Осипян Н.Б. К вопросу об актуальности изучения социально-психологических детерминант групповой преступности несовершеннолетних // Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. № 8/2. С. 47–49.
- Теунаев А.С., Дубова М.Е. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 44–63.
- Хасанова Р.Р. Динамика преступности несовершеннолетних в России // Экономическое развитие России. 2019. № 11. С. 68–73.
- Чванова М.С., Анурьева М.С., Киселева И.А. Влияние Интернета на социализацию молодежи // Вестник ТГУ. 2017. № 5 (169). С. 23–36.
- Штемберг А.С. Социальный стресс и психологическое состояние населения России. Часть 1. Общественно-политические процессы, формирующие социальный стресс // Пространство и время. 2014. № 1(15). С. 187–195.
- Dijk J., Tseloni A., Farrell G. The International Crime Drop New: Directions in Research. London; New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Farrell G., Tilley N., Tseloni A. Why the Crime Drop? // Crime and Justice. 2014. No. 43. P. 421–490.
- Levitt S.D. Understanding Why Crime Fell in the 1990s: Four Factors that Explain the Decline and Six that Do Not // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 163–190.
- Tonry M. Why Crime Rates Are Falling Throughout the Western World // Crime and Justice. 2014. Vol. 43. P. 1–63.
- Tseloni A., Mailley J., Farrell G., Tilley N. Exploring the International Decline in Crime Rates // European Journal of Criminology. 2010. No. 7. P. 375–394.

SOCIAL FACTORS OF YOUTH CRIME DECLINE IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

ZHEGUSOV Yu.I.*, KORYAKINA Z.I.**

*Institute for Biological Problems of Cryolithozone of SB RAS, Russia; **M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Yuriy I. ZHEGUSOV, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute for Biological Problems of Cryolithozone of SB RAS (sociolog_ykt@mail.ru); Zinaida I. KORYAKINA, Cand. Sci. (Law), Associate Prof. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (z_koryakina@mail.ru). Both – Yakutsk, Russia.

Abstract. The subject of the study is the trends of youth crime in Yakutia. The goal is to study the social factors contributing to youth crime reduction. The hypothesis of the study suggests that youth crime rate depends on the dynamics of demographic and socio-economic processes, alcohol consumption, compliance with healthy lifestyle, the development of information technology and changes in socio-psychological well-being in society. The following methods were applied: 1) sociological anonymous questionnaire survey "Youth of Yakutia and alcohol consumption" (N = 518, 2010), "Monitoring of consumption of surfactants among studying youth" (N = 3008, 2014–2018) "Alcohol and quality of life in Yakutia" (N = 4709, 2017); 2) statistical – analysis of statistics data of the Territorial Authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia), the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Republic of Sakha (Yakutia), the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. The social factors of reducing youth crime over the past twenty years in the Republic of Sakha are analyzed. Basing on the data of regional statistics and monitoring sociological studies, the authors prove that this decline is associated with both global and regional trends. The authors substantiate the hierarchy of determining factors: the greatest role in reducing youth crime in the region was played by the spread of access to the Internet, the reduction in alcohol consumption. Also, the factors of reducing the share of young people in the demographic structure, the general improvement in the social well-being of the population and the reduction in the unemployment rate had a rather strong influence, and the role of the poverty level dynamics is considered as the smallest.

Keywords: youth, crime, social factors, alcohol consumption, anti-alcohol policy, social well-being, gadgetization, Republic of Sakha (Yakutia).

REFERENCES

- Andrienko Yu.V. (2001) In Search of an Explanation of the Rise in Crime in Transition: a Criminometric Approach. *Ekonomicheskij zhurnal VShE* [HSE Economic Journal]. No. 2: 194–220. (In Russ.)
- Antonyan Yu.M., Bradnikov D.A., Goncharova M.V. (2018) *Comprehensive Analysis of the State of Crime in the Russian Federation and Calculated Options for its Development: an Analytical Review*. Moscow: FGKU "VNII MVD Rossii". (In Russ.)
- Chvanova M.S., Anuryeva M.S., Kiseleva I.A. (2017) Influence of the Internet on the Socialization of Youth. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU]. No. 5 (169): 23–36. (In Russ.)
- Dashkov G.V. (2020) Gaps in the scientific research of juvenile delinquency and youth. *Criminological problems of the behavior of minors and youth, ways to solve them*. Ed. by O.S. Kapinus. Moscow: Un-t prokuratury RF: 77–82. (In Russ.)
- Dijk J., Tseloni A., Farrell G. (2012) *The International Crime Drop New: Directions in Research*. London; New York: Palgrave Macmillan.
- Dolgova A.I. (2003) Crime, its Organization and Criminal Society. Moscow: RKA. (In Russ.)
- Farrell G., Tilley N., Tseloni A. (2014). Why the Crime Drop? *Crime and Justice*. No. 43: 421–490.
- Goncharova M.V. (2020) Juvenile delinquency in the Russian Federation: a statistical analysis of the state and trends. *Criminological problems of the behavior of minors and youth, ways to solve them*. Ed. by O.S. Kapinus. Moscow: Un-t prokuratury RF: 67–73. (In Russ.)
- Kalabekov I.G. (2020) Crime in figures. *Russian reforms in figures and facts*. Moscow: 910–945. (In Russ.)
- Katkov A.L. (2013) Destructive social epidemics. St. Petersburg: RGKP RNPTS MSPN. (In Russ.)
- Kleimenov M.P. (2018) Is Crime Falling in Russia? *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Bulletin of the Omsk University. Series "Law"]. No 1 (54): 157–162. (In Russ.)
- Konstantinova N.N. (2007) Orphanhood as a Factor in Juvenile Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No 1: 101–106. (In Russ.)

- Levitt S.D. (2004) Understanding Why Crime Fell in the 1990s: Four Factors that Explain the Decline and Six that Do Not. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 18. No. 1: 163–190.
- Matveeva N.P. (2010) Prevalence, Risk Factors, and Clinical Dynamics of Alcoholism and Alcoholic Psychoses among the Indigenous Population of the Republic of Sakha (Yakutia) (Ethnocultural, Rehabilitation Aspects). Dissertation abstract ... Cand. Sci. (Med.). Tomsk. (In Russ.)
- Osipyan N.B. (2010) On the Relevance of Studying the Socio-Psychological Determinants of Group Juvenile Delinquency. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik* [North Caucasian Psychological Bulletin]. No. 8/2: 47–49. (In Russ.)
- Shigolakova T.B. (2016) The Effectiveness of State Youth Policy in the Republic of Khakassia. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology]. No. 1: 163–174. (In Russ.)
- Shtenberg A.S. (2014) Social Stress and Psychological State of the Population of Russia. Part 1. Socio-Political Processes that form Social Stress. *Prostranstvo i vremya* [Space and time]. No. 1 (15): 187–195. (In Russ.)
- Teunaev A.S., Dubova M.E. (2021) A new look at the qualitative and quantitative indicators of juvenile delinquency in Russia. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Research]. No. 2: 44–63. (In Russ.)
- Tonry M. (2014) Why Crime Rates Are Falling Throughout the Western World. *CRIME & JUST*. 2014. Vol. 43. No. 1: 1–63 (https://scholarship.law.umn.edu/faculty_articles/511).
- Tseloni A., Mailley J., Farrell G., Tilley N. (2010). Exploring the International Decline in Crime Rates. *European Journal of Criminology*. No. 7: 375–394.
- Voronina I.O. (2013) State and Legal Regulation of the Production and Sale of Alcohol in Russia: Historical and Legal Aspect. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tyumen State University]. No. 3: 192–198. (In Russ.)
- Zakharkina T.N., Isakova I.A. (2019) Gadgetization: Effects of Influence on Social Processes. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences]. No. 3 (55): 115–121. (In Russ.)
- Zernov D.V., Iudin A.A., Ryabinina E.N., Shpilev D.A. (2017) *The Level of Crime and Human Security: the Experience of Sociological Analysis*. Nizhny Novgorod: NISOTS. (In Russ.)
- Zhegusov Yu.I. (2018) Influence of the Social Well-Being of the Population on the Dynamics of Destructive Social Processes in Russia. *Kommunikologiya* [Communicology]. Vol. 6. No. 4: 15–26. (In Russ.)
- Zhegusov Yu.I., Koryakina Z.I., Bessonova O.G. (2020) Ethnic features of alcoholization in the Republic of Sakha (Yakutia): consumption patterns. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 3: 100–107. (In Russ.)

Received: 06.07.20. Final version: 03.02.22. Accepted: 28.02.22.

© 2022 г.

И.А. ВЕРШИННИНА, А.В. ЛЯДОВА

ЗДОРОВЬЕ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: «КОНЦЕПЦИЯ ЗАБОТЫ» Д. ЛАПТОН

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент (urbansociology@yandex.ru); ЛЯДОВА Анна Васильевна – кандидат социологических наук, доцент (annaslm@mail.ru). Обе – кафедра современной социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности цифровизации сферы здоровья, очевидные как для модернизации национальных систем здравоохранения, так и для обеспечения доступности различных медицинских услуг разным слоям населения. В контексте данной тематики интерес представляют работы австралийского социолога Деборы Лаптон. Исследователь анализирует не только преимущества, но и риски цифровизации здравоохранения, тем самым подчеркивая амбивалентный характер происходящих изменений. Она указывает на взаимодействие людей с цифровыми технологиями, которые участвуют в формировании новой социальной реальности, акцентирует внимание на новых возможностях, которые появляются благодаря цифровизации и способны изменить жизнь людей к лучшему. По мысли исследователя, «концепция страха», пока доминирующая в социальных исследованиях цифровых технологий, должна уступить место «концепции заботы», согласно которой данные, полученные в результате использования новых технологий, могут и должны быть использованы во благо человечества. Лаптон демонстрирует, что цифровые данные могут способствовать реорганизации системы здравоохранения и изменению паттернов поведения людей в отношении своего здоровья, в частности благодаря возможности осуществлять регулярный мониторинг показателей его состояния и т.д.

Ключевые слова: цифровизация • социальное неравенство • здоровье • цифровые технологии • концепция заботы • Дебора Лаптон

DOI: 10.31857/S013216250014392-4

Цифровые технологии в современном обществе рассматриваются как способ преодоления традиционных проблем и основа эффективного развития, в том числе в сфере здравоохранения. В социологическом дискурсе цифровизации сферы здоровья можно выделить два основных направления: в рамках первого рассматриваются возможности новых технологий и границы их применения, второе акцентирует внимание на усилении рисков и потенциальных негативных последствиях включения цифровых акторов в систему отношений врач-пациент [Вершинина, Лядова, 2021: 161]. Тем не менее, как показала ситуация, сложившаяся под влиянием коронавирусной инфекции, очевидны и преимущества внедрения новых технологий в сферу здоровья (например, цифровой формат расширил возможности взаимодействий между врачом и пациентом). Изучение таких позитивных аспектов – одно из актуальных направлений работы австралийского социолога Деборы Лаптон.

Цифровизация в сфере здоровья стала как инструментом модернизации национальных систем охраны здоровья, так и основой новой «кибермодели» взаимодействий на их разных уровнях [Petracci, 2017]. Согласно предложенному Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) определению, понятие «цифровое здоровье» означает «область знаний и практики, связанную с развитием и использованием цифровых технологий для улучшения здоровья, включая различные электронные устройства, интернет-вещей, искусственный интеллект, большие данные и робототехнику»¹. В России создание новой модели системы охраны здоровья, основанной на широком внедрении цифровых технологий, стало одним из ведущих направлений цифровизации экономики и общества².

Можно выделить несколько ключевых тенденций преобразования сектора здравоохранения: создание единого информационного пространства эффективного «оборота» медицинских данных на основе технологий «блокчейна» (электронные медицинские карты, Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения – ЕГИСЗ); информационные платформы, обеспечивающие дистанционное взаимодействие в рамках медицинской практики (например, платформа *docdoc.ru* в России, *eVisit.com* в США)³; электронные сервисы-посредники для обеспечения доступности медицинских ресурсов (например, российская система «ЕМИАС»). В рамках данного направления следует обратить особое внимание на внедрение виртуальных (в том числе голосовых) помощников (чат-ботов); «оцифровывание» клинической практики (микросистемы полного анализа, т.н. «лаборатория на чипе», англ. *lab-on-a-chip* – LOC), с помощью которой возможно раннее и быстрое диагностирование ряда сложно выявляемых заболеваний [Temiz et al., 2015]; приложения для персональных мобильных устройств, которые предоставляют не только быстрый доступ к медицинским ресурсам, но и выступают как активные инструменты селф-трекинга; алгоритмизация управленческих систем в медицинской практике, включая принятие решений в области диагностики и клиники, на основе технологий искусственного интеллекта.

Цифровизация здравоохранения призвана в числе прочего преодолеть глобальную проблему современности – неравенство доступа к медицине. Меры по решению этой задачи, усилившиеся со второй половины XX века⁴, пока не привели к желаемому результату, более того, проблема продолжает усугубляться. Рост продолжительности жизни, повышение рискогенности современного социума, увеличение затрат на медицинские услуги из-за использования эффективных, но дорогостоящих технологий и препаратов становятся вызовами для национальных систем здравоохранения, формируя новые барьеры при реализации универсальной модели «Здоровье для всех». Цифровые технологии рассматриваются как возможность преодолеть хотя бы часть из них.

Амбивалентность цифровизации в сфере здоровья. В условиях социального дистанцирования в период пандемии многие страны стали активно внедрять платформы удаленного мониторинга состояния пациентов. Социальный контроль с помощью искусственного интеллекта и обработки больших данных, как показал опыт Китая, Южной Кореи, Исландии, дал возможность локализовать очаги инфекции [Whitelaw et al., 2020]. Статистические данные о распространении COVID-19 в реальном времени отображались на

¹ Monitoring and Evaluating Digital Health Interventions: A practical guide to conducting research and assessment. World Health Organization. Geneva, 2016. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/252183/9789241511766-eng.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 24.10.2021).

³ What Is Telemedicine? URL: <https://evisit.com/resources/what-is-telemedicine/#2> (дата обращения: 09.10.2021).

⁴ World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (дата обращения: 02.09.2021).

информационных панелях (например, UpCode в Сингапуре, HealthMap в США, «Стопкоронавирус» в России). Специалисты разных стран использовали их, чтобы прогнозировать уровень выздоровления с учетом возраста, пола, общего состояния здоровья и даже климата. На сайте, созданном при Европейском региональном бюро ВОЗ, аккумулировались данные о ресурсах, технологиях, возможностях и опыте разных государств по преодолению пандемии коронавирусной инфекции⁵.

Цифровые технологии становятся подспорьем в решении проблем ограниченности медицинских ресурсов и доступа к ним, неизбежных в современном мире с учетом старения населения, усиления бремени хронических болезней, деструктивного потребительского отношения людей к своему здоровью, дефицита профессиональных кадров, недоверия к системе медицины, а также низкого уровня комплаентности пациентов. Тем не менее в научном дискурсе все чаще поднимается вопрос об амбивалентном влиянии цифровизации на общественное и индивидуальное здоровье. С одной стороны, «цифровые компасы» непрерывного отслеживания и анализа больших данных («данных для жизни») способствуют тому, что люди разумнее начинают относиться к собственному организму [Schüll, 2016]. С другой, активное использование инновационных дивайсов создает новые риски для здоровья [Amoore, 2020: 102], если собранные данные будут неверно интерпретированы «искусственным разумом», который может не учесть индивидуальные особенности. В таком случае привлечь кого-либо к ответственности довольно сложно, поскольку виновник не всегда очевиден.

У исследователей возникают опасения относительно цифрового будущего, которое стремительно превращается в настоящее [Sadowski, 2020; Zuboff, 2015] и угрожает появлением новых форм социального неравенства: «Вера технооптимистов в способность новых технологий искоренить социальное неравенство оказалась несостоятельной – напротив, возникают все новые формы и проявления цифрового разрыва на разных его уровнях» [Добринская, Мартыненко, 2019: 115], в том числе в сфере здоровья, когда технологии (например, диагностические) доступны одним и слишком дороги для других. Эксперты указывают на стоимость технологий как одну из главных проблем цифровой трансформации здравоохранения наряду с бюрократизацией и сложностью поиска подходящих решений⁶.

Кроме того, цифровая, или «облачная», этика [Amoore, 2020] еще находится в процессе становления. Речь идет о соблюдении принципа конфиденциальности и врачебной тайны. В правовом аспекте риски вызваны несоответствием международных юридических норм, регулирующих деятельность лечебно-профилактических учреждений и их персонала, и действующего национального законодательства в сфере здравоохранения. Надо учитывать и техногенные риски, обусловленные сложностью оборудования.

Вопросы генерации и хранения данных не менее актуальны, поскольку не всегда очевидно, кто может получить доступ к цифровой информации и использовать ее в своих интересах, тем более, что периодически вспыхивают киберскандалы с Facebook или Twitter [Lupton, 2020; Stephens, 2020]. В отношении здоровья пользователям особенно важно понимать, кто будет иметь доступ к сведениям об их физическом и психическом состоянии. В частности, разглашение информации о социально значимых заболеваниях может стать причиной стигматизации, дискриминации и эксклюзии, с чем часто сталкиваются ВИЧ-инфицированные.

Приобретая контроль, мы одновременно теряем его [Lupton, 2016a: 64, 76], поскольку устройства, многое «зная» о людях на основе собранных данных, превращаются

⁵ Информационная панель ЕРБ ВОЗ. Ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ. URL: <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d> (дата обращения: 14.10.2021).

⁶ Allen S. Global Health Care Outlook: Accelerating Industry Change. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cn/Documents/life-sciences-health-care/deloitte-cn-lshc-global-health-care-outlook-report-en-210226.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

в инструменты манипуляции нашими предпочтениями, оценками, действиями, а в итоге – и жизнью. Подавляющее большинство девайсов может дать ответы лишь на вопросы, которые были «запрограммированы» [Mittelstadt et al., 2016; Amoore, 2020], причем на основе знаний, которыми располагают разработчики этих устройств. Так, можно говорить об алгоритмизации здоровья [Saxena et al., 2021], поскольку зачастую решения принимаются на основе существующих представлений о норме, которые не всегда учитывают индивидуальные особенности. Например, высокая частота сердечных сокращений может означать как стресс, так и физическую нагрузку, и для верной интерпретации данных необходимо знать контекст, в котором они получены. Устройство же просто фиксирует повышение пульса и дает тревожный сигнал.

Особенности подхода Деборы Лаптон к цифровизации. Изучение проблемы влияния цифровых технологий на жизненный мир современного человека находится в центре внимания австралийского социолога Деборы Лаптон, профессора Центра социальных исследований в области здоровья Университета Нового Южного Уэльса (UNSW) в Сиднее. Ее научное творчество охватывает широкий круг вопросов, но наиболее популярной темой ее исследований выступают проблематика социальных аспектов здоровья [Lupton, 2016a; 2017; 2019a; 2019b] и связанные с ними вопросы социологии телесности и питания [Lupton, 1996; 2012; 2018a].

Согласно мнению Д. Лаптон, цифровизация зачастую рассматривается обществом как рискованный процесс, поскольку средства массовой информации (СМИ) представляют социальные последствия цифровизации преимущественно в негативном свете. СМИ пугают расширением возможностей контроля над обществом и индивидами, о которых теперь собираются огромные массивы данных. Их использование может происходить без ведома их обладателей, давая основания расценивать происходящие изменения как угрозу для свободы и права на частную жизнь [Lupton, 2020: 3166–3167]. Тем не менее, понимая все потенциальные риски, Д. Лаптон предлагает посмотреть на цифровизацию с другой стороны. Она акцентирует внимание на новых возможностях, которые появляются благодаря цифровизации и могут изменить жизнь людей к лучшему. С ее точки зрения, «концепция страха», пока доминирующая в социальных исследованиях цифровых технологий, должна уступить место «концепции заботы» [ibid.], согласно которой данные, полученные в результате применения новых технологий, могут и должны быть использованы во благо человечества, что свидетельствует о ее весьма оптимистичном настрое.

По мысли Д. Лаптон, в условиях цифровизации именно данные становятся одним из главных ресурсов современной экономики, поскольку из информации можно извлечь прибыль, тем более многие люди бесплатно выкладывают ценные для некоторых компаний сведения на сайтах социальных сетей [Lupton, 2016a: 42–45]. Австралийский социолог опирается на концепцию «капитализма знаний» (*knowing capitalism*) Найджела Трифта [Thrift, 2005], согласно которой капитализм перешел от упорядочения физического труда рабочих к получению прибыли от данных, которые генерируют и загружают люди. Н. Трифт утверждает, что успех современного капитализма заключается в его способности адаптироваться к «новому типу рыночной культуры, в которой технология может постоянно модулироваться и таким образом постоянно переопределяться – в интересах многих заинтересованных сторон» [ibid.: 128]. Информационно-коммуникационные технологии становятся все более важной составляющей как капитализма, так и повседневной жизни людей, где роль данных постоянно растет. Тем самым капитализм становится все более «гибким», поскольку находится в процессе непрерывного изменения в соответствии с новыми данными и необходимостью реагировать на них.

В качестве примера Д. Лаптон приводит широкое распространение мобильных приложений, которые сегодня являются отдельным цифровым товаром с огромным набором функций для удовлетворения разных спроса и потребностей [Lupton, 2014b]. В 2019 г.

потребителями по всему миру было потрачено 120 млрд долл. на покупку мобильных приложений, на взаимодействие с ними пользователи тратят в среднем 3,7 часа в день⁷.

Анализируя масштабность использования и возрастающую значимость цифровых данных, Д. Лаптон приходит к выводу, что необходимо признать взаимодействие людей не только с окружающими, но и с цифровыми технологиями, которые в аспекте акторно-сетевой теории могут рассматриваться как нечеловеческие акторы (*non-human actors*). Причем эти взаимоотношения носят динамический характер, формируя новую социальную реальность [Lupton, Maslen, 2019: 3]. Ученый предлагает принять за основу исследования цифровых технологий подход, отказывающийся от изучения репрессивных аспектов сбора данных и позволяющий сосредоточить внимание на возможностях, которые могут способствовать позитивным изменениям в социальной, культурной и политической сферах [Lupton, 2020: 3169].

Конечно, можно предположить, что подобное видение цифрового будущего во многом обусловлено социально-политическими реалиями Австралии. Как указывает сама Д. Лаптон, власти страны не склонны использовать массивы собираемых данных для усиления контроля над гражданами, поэтому неудивительно, что австралийцы гораздо чаще склонны видеть выгоды цифровизации, чем ее угрозы [ibid.: 3166]. Однако в некоторых странах (пример – Китай) данные становятся основой выстраивания рейтинга граждан, положение в котором открывает/закрывает для них возможности, что, безусловно, скажется и на оценке социальных последствий цифровизации.

С точки зрения Д. Лаптон, одной из сфер внедрения цифровых технологий, где человечество может активно использовать их для повышения качества жизни, является здравоохранение, понимаемое в широком смысле этого слова – и как соответствующие социальные институты, и как здоровьесберегающее поведение отдельных людей. Она полагает, что цифровизация здравоохранения может также способствовать достижению социальной справедливости и минимизировать риски социального и экономического неравенства в данной сфере.

В условиях пандемии COVID-19 Д. Лаптон столкнулась с ограничениями в проведении эмпирических исследований, однако довольно быстро организовала проект, целью которого стала разработка методологии проведения полевых исследований с использованием онлайн-ресурсов, а также подборка литературы по каждому из предлагаемых методов⁸. Тем самым австралийский социолог еще раз подчеркнула, что цифровые технологии – это действительно не только риски, но и новые возможности, в том числе и социологии.

«Живые данные» как основа заботы о здоровье. Свою концепцию заботы Д. Лаптон выстраивает на основе понятия «живые данные», что свидетельствует о ее позитивной оценке роста их значения в современном обществе. Если некоторые авторы, например Л. Амур, выражают сомнения в том, что можно опираться на решения, принимаемые алгоритмами, Д. Лаптон оценивает распространение цифровых технологий весьма оптимистично. По словам Л. Амур, алгоритмы не осознают всех последствий принимаемых ими решений, вернее, не способны оценить их социальное значение, поскольку этическая «проблема вагонетки» им не знакома, а потому они способны на «безумные» решения [Amoore, 2020: 123], которые с малой долей вероятности могут быть одобрены, в частности, в клинической врачебной практике. Если врач, принимающий ответственное решение относительно схемы лечения, может учесть в том числе и пробелы в научном знании по ряду вопросов, что особенно часто бывает с новыми лекарствами, то

⁷ Sydow L. The state of mobile in 2020: the key stats you need to know. App Annie. 2020. URL: <https://www.appannie.com/en/insights/market-data/state-of-mobile-2020-infographic/> (дата обращения: 01.10.2021).

⁸ Doing fieldwork in a pandemic (crowd-sourced document) / Ed. by D. Lupton. URL: <https://docs.google.com/document/d/1clGjGABB2h2qbdUtgfqribHmog9B6P0NvMgVuiHZCl8/edit?ts=5e88ae0a#> (дата обращения: 03.10.2021).

свободные от этического давления алгоритмы могут принимать гораздо более смелые решения, не чувствуя никакой ответственности за полученные результаты.

Д. Лаптон, наоборот, полагает, что технологии постоянно совершенствуются, и, анализируя огромные массивы данных, алгоритмы предлагают оптимальные решения благодаря оценке всех возможных альтернатив, что человеку довольно сложно сделать, по крайней мере столь же быстро, как это делают технические устройства. А потому данные она называет «живыми» [Lupton, 2019a], в чем с ней согласна и Н. Шүль, которая говорит о «данных для жизни» [Schüll, 2016]. Р. Китчин также полагает, что данные начинают «жить» [Kitchin, 2021], более того, технологии, управляемые ими, становятся чрезвычайно важными для функционирования современного общества, в том числе и в сфере здоровья.

Цифровые технологии делают доступными устройства самоконтроля, которые меняют отношения между врачом и пациентом. Все большее распространение получает концепция «участия пациента», согласно которой предполагается, что многие пациенты будут заниматься рутинным сбором данных и их мониторингом под руководством своих врачей, чтобы отслеживать эффективность лечения. Существенных успехов можно достичь в области профилактики ряда заболеваний, на что указывает не только австралийская исследовательница, но и другие авторы [Barrett et al., 2013]. Электронные медицинские карты, которые сейчас начинают активно использовать в России, предлагают пользователям, имеющим к ним доступ, вносить дополнительную информацию о себе (пульс и т.д.), тем самым побуждая людей к постоянному самомониторингу.

Необходимо отметить, что хотя самоконтроль обычно предполагает добровольность, в некоторых случаях подобные практики не являются таковыми, поскольку людей иногда «подталкивают» в «желательном» направлении [Schüll, 2016], что довольно часто можно увидеть именно в сфере здравоохранения. Например, корпорации могут предлагать льготные пакеты медицинского страхования сотрудникам, которые сообщают личные данные о своем здоровье и участвуют в оздоровительных программах, помогающих его сохранять. Другой пример политики «мягкой силы» – страховые компании, которые рассчитывают стоимость полисов с учетом возраста, пола, семейного положения и состояния здоровья, тем самым предлагая «правильным», с их точки зрения, социальным группам более выгодные условия.

Несмотря на коммерческий контекст, следует признать и позитивный эффект такого персонализированного подхода, основанного на использовании «живых» данных, так как он, на наш взгляд, способствует здоровьеориентированному поведению, формированию индивидуальной ответственности в отношении своего здоровья. Так, анализируя наиболее популярные в 2014 г. «здоровые» мобильные приложения, предлагаемые компанией Apple, Д. Лаптон отмечает «DiabetesPal» и «Blood Pressure Diary», разработанные для проведения самостоятельного мониторинга уровня сахара, давления и самоконтроля состояния своего здоровья [Lupton, 2014b: 615–616].

Д. Лаптон предлагает классифицировать приложения, помогающие в осуществлении селф-трекинга, в зависимости от их влияния на поведение пользователя, и выделяет: 1) индивидуальные; 2) совместные; 3) побудительные; 4) заставляющие; 5) манипулирующие [Lupton, 2016b: 103]. Практики самоконтроля не являются новыми и имеют давние традиции (например, записи в дневниках), однако в условиях цифровой среды они приобретают не только иную форму, но также другой контент и значение, существенно расширяя возможности самосовершенствования на основе цифровых данных как для индивида, так и для общества в целом [ibid.: 104].

Результаты исследования Д. Лаптон среди молодых австралийцев для выявления их вовлеченности в цифровые практики здоровья показали, что за экспертным мнением многие по-прежнему обращаются к специалистам, а не к цифровым технологиям. Автором было установлено, что, несмотря на распространенное представление о «склонности» современной молодежи к широкому использованию в их жизни гаджетов, в случае болезни они все-таки предпочитают традиционные способы получения информации: путем

обращения к профессионалам (медицинским работникам), родителям, друзьям. В отношении же цифровых устройств ценной для них оказалась возможность узнать о личном опыте и «переживании» болезни другими людьми с помощью дискуссионных форумов в Интернете, групп в социальных сетях и просмотра «сториз» на YouTube. Они чувствовали связь с физически далекими людьми, с которыми они сталкивались в сети, благодаря обмену опытом и эмоциональным откликам на этих платформах [Lupton, 2018b]. Также эффективным, по мнению респондентов, являются возможности цифровых устройств генерировать различную информацию о состоянии здоровья, что позволяет еще больше персонализировать их использование и выстраивать свою программу здоровья.

В текущих публикациях Д. Лаптон сравнивает пандемию коронавирусной инфекции с опытом эпидемий ВИЧ и ожирения. Так, несмотря на определенную критику влияния социальных сетей в аспекте дезинформации пользователей о реалиях и последствиях новой болезни, автор в то же время указывает на их позитивную роль как механизма поддержки в условиях социальной изоляции, возможности поделиться своим опытом болезни и помочь тем, кто оказалась в одиночестве⁹.

Заключение. Работы Д. Лаптон по цифровизации в сфере здоровья считаются «устоявшимися и главными образцами» для социологии здоровья [Calvard, 2019: 7], предлагающими полный обзор практик самоконтроля, гибридных взаимодействий людей и технологий, а также акторов культуры и политики, заинтересованных в их применении, в том числе в различных сферах. Это подтверждает тезис Д. Лаптон о том, что результаты исследований в области цифровизации и интерпретации полученных материалов, которые предлагают современные социологи, основаны на точках зрения самих ученых и теориях, которые они отбирают в соответствии со своими изначальными установками [Lupton, 2019b: 2002]. И она не скрывает, что заинтересована в том, чтобы концептуализация данной проблематики и эмпирические исследования в этой области, включая выбор подхода к сбору материалов и их анализу, проходили в соответствии с представлениями о том, что цифровые технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, а потому следует не пугать ими, а искать возможности их продуктивного применения, один из вариантов которого автор наглядно демонстрирует в концепции заботы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вершинина И.А., Лядова А.В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 977–984. [Vershina I.A., Liadova A.V. (2020) Data in the digital world: New opportunities or additional risks? *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]*. Vol. 20. No. 4: 977–984. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984.
- Вершинина И.А., Лядова А.В. Здоровье и здравоохранение в Европе: между неравенством и новыми возможностями // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 160–162. [Vershina I.A., Liadova A.V. (2021) Health and health care in Europe: Between inequalities and new opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 160–162. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250014122-7.
- Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192. [Dobrinskaya D.E. (2019) Digital society: sociological perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]*. Vol. 25. No. 4: 175–192. (In Russ.)] DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. [Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2019) Perspectives of the Russian

⁹ Lupton D. Social Research for a COVID and Post-COVID World: An Initial Agenda. URL: <https://deborahalupton.medium.com/> (дата обращения: 04.10.2021).

- information society: Digital divide levels. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 19. No. 1: 108–120. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120.
- Лаптон Д. Жирные. М.: ВШЭ, 2021 [Lupton D. (2020) *Fat*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Amoore L. (2020) *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*. Durham: Duke University Press.
- Barrett M.A., Humblet O., Hiatt R.A., Adler N.E. (2013) Big data and disease prevention: From quantified self to quantified communities. 2013. *Big Data*. Vol. 1. No. 3: 168–175. DOI:10.1089/big.2013.0027.
- Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
- Calvard T. (2019) Integrating Social Scientific Perspectives on the Quantified Employee Self. *Social Sciences*. Vol. 8(9). No. 262: 1–19. DOI: 10.3390/socsci8090262.
- Kitchin R. (2021) *Data Lives: How Data Are Made and Shape Our World*. Bristol: Bristol University Press.
- Lupton D. (1996) *Food, the Body and the Self*. London: Sage Publications.
- Lupton D. (1998) *The Emotional Self: A Sociocultural Exploration*. London: Sage Publications.
- Lupton D. (2012) *Medicine as Culture: Illness, Disease and the Body*. Sage Publications.
- Lupton D. (2013) *Risk*. London: Routledge.
- Lupton D. (2014a) *Digital Sociology*. London; New York: Routledge.
- Lupton D. (2014b) Apps as Artefacts: Towards a Critical Perspective on Mobile Health and Medical Apps. *Societies*. Vol. 4. No. 4: 606–622.
- Lupton D. (2016a) *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking*. Cambridge: Polity.
- Lupton D. (2016b) The diverse domains of quantified selves: Self-tracking modes and dataveillance. *Economy and Society*. Vol. 45. No. 1: 101–122.
- Lupton D. (2017) *Digital health: Critical and cross-disciplinary perspectives*. London: Routledge.
- Lupton D. (2018a) *Fat*. London: Routledge.
- Lupton D. (2018b) 'Better understanding about what's going on': young Australians' use of digital technologies for health and fitness. *Sport, Education and Society*. Vol. 25. No. 1: 1–13. DOI: 10.1080/13573322.2018.1555661.
- Lupton D. (2019a) *Data selves: More-than-human perspectives*. New York: Polity Press.
- Lupton D. (2019b) Toward a More-Than-Human Analysis of Digital Health: Inspirations from Feminist New Materialism. *Qualitative Health Research*. Vol. 29. No. 14: 1998–2009. DOI:10.1177/1049732319833368.
- Lupton D. (2020) Thinking with Care About Personal Data Profiling: A More-Than-Human Approach. *International Journal of Communication*. Vol. 14: 3165–3183.
- Lupton D., Maslen S. (2019) How Women Use Digital Technologies for Health: Qualitative Interview and Focus Group Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 21. No. 1: e11481. DOI: 10.2196/11481.
- Mittelstadt B.D., Allo P., Taddeo M., Wachter S., Floridi L. (2016) The ethics of algorithms: Mapping the debate. *Big Data & Society*. Vol. 3. No. 2: 1–21. DOI: 10.1177/2053951716679679.
- Peek N., Sujan M., Scott P. (2020) Digital health and care in pandemic times: impact of COVID-19. *British Medical Journal of Health & Care Informatics*. Vol. 27: e100166. DOI: 10.1136/bmjhci-2020-100166
- Petracci M., Schwarz P., Ma V., Antelo S., Diz A.-M. (2017) Doctor–patient relationships amid changes in contemporary society: a view from the health communication field. *Health Sociology Review*. Vol. 26. No. 3: 266–279.
- Sadowski J. (2020) *Too smart: How digital capitalism is extracting data, controlling our lives, and taking over the world*. Cambridge: MIT Press.
- Saxena A., Brault N., Rashid S. (2021) *Big Data and Artificial Intelligence for Healthcare Applications*. CRC Press.
- Schüll N. (2016) Data for life: Wearable technology and the design of self-care. *BioSocieties*. Vol. 11. No. 3: 317–333.
- Schwab K. (2017) *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Publishing Group.
- Stephens M. (2020) A geospatial infodemic: Mapping Twitter conspiracy theories of COVID-19. *Dialogues in Human Geography*. Vol. 10. No. 2: 276–281.
- Temiz Y., Lovchik R., Kaigala G., Delamarche E. (2015) Lab-on-a-chip devices: How to close and plug the lab? *Microelectronic Engineering*. Vol. 132: 156–175. DOI: 10.1016/j.mee.2014.10.013.
- Thrift N. (2005) *Knowing capitalism*. London: Sage Publications.
- Whitelaw S., Mamas M., Topol E., Van Spall H. (2020) Applications of digital technology in COVID-19 pandemic planning and response. *The Lancet. Digital Health*. Vol. 2. No. 8: 435–440.
- Zuboff S. (2015) Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization. *Journal of Information Technology*. Vol. 30. No. 1: 75–89.

Статья поступила: 24.03.21. Финальная версия: 18.10.21. Принята к публикации: 03.02.22.

DIGITAL HEALTH: DEBORAH LUPTON'S CONCEPT "THINKING WITH CARE"**VERSHININA I.A.*, LIADOVA A.V.*****Lomonosov Moscow State University, Russia*

Inna A. VERSHININA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (urbansociology@yandex.ru); Anna V. LIADOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (annaslm@mail.ru). Both – Department of Contemporary Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Abstract. The article discusses the digitalization of healthcare paying special attention to the concept of Australian sociologist Deborah Lupton. Health is one of the key areas for digitalization, where the benefits of using big data are obvious. New technologies are often a basis for modernizing national health systems for they make possible to ensure availability of various medical services for different groups of population. Lupton analyzes both the benefits and risks of digitalization in this area, thereby highlighting ambivalent character of the ongoing changes. She believes that it is necessary to recognize the interaction not only between people, but also between people and digital technologies. These new relationships form a new social reality. The Australian sociologist focuses her attention on new opportunities due to digitalization which can improve people's lives. From her point of view, the "concept of fear" still dominant in social research of digital technologies should be replaced by the concept of "thinking with care", according to which the data obtained as a result of using new technologies can and should be used for the benefit of humanity. Lupton demonstrates that digital data can help reorganize health care system and change patterns in people's behavior related to their health, in particular, through the ability to regularly monitor indicators of one's condition.

Keywords: digitalization, social inequality, health, digital technologies, the concept of thinking with care, Deborah Lupton.

Received: 24.03.21. Final version: 18.10.21. Accepted: 03.02.22.

© 2022 г.

В.И. ИГНАТЬЕВ

ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ В МЕТАМОРФОЗЕ МОРФОГЕНЕЗА ГИБРИДНОГО СОЦИУМА

ИГНАТЬЕВ Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (ighnatiev.v@inbox.ru).

Аннотация. Представлено обоснование значения морфологического анализа социальных изменений в период качественной трансформации социальной реальности. Актуализируется вопрос о необходимости уточнения содержания объекта социологии. Анализируется специфика становящейся новой социальной морфологии, в основе которой, по мнению автора, лежит появление в социальном пространстве нового вида агента социальных отношений – устройств с искусственным интеллектом. Для обозначения этого агента вводится понятие «техносубъект». Автор приходит к выводу, что новая социальная морфология оформлена в виде двух параллельных структур, образующих две взаимосвязанные топологические системы: стратификационную систему людей и также стратифицированную социотехносистему, образованную техносубъектами различных видов. Сделан вывод о становлении гибридного социума, в котором субстратным основанием его морфологии выступает симбиоз агентов естественной и искусственной природы. Продуктом их взаимодействия становится гибридная социальность. Обоснована необходимость перехода к новой парадигме интерпретации объекта социологии.

Ключевые слова: объект социологии • социальный морфогенез • искусственный интеллект • техносубъекты • социотехносистема • гибридный социум

DOI: 10.31857/S013216250017890-2

Введение. Значение «объекта». К теме объекта не столь часто обращаются при обсуждении состояния развитости социологического знания как к исходному не только эпистемологическому, но и гносеологическому и в большей степени онтологическому основанию рефлексии над получаемым, прежде всего, теоретическим знанием. Складывается впечатление, что, по крайней мере, на площадках публичных обсуждений, в дискуссиях и дискурсе, ведущихся «как бы» и по поводу социологической теории (ее состояния или вообще наличия) преобладает своеобразная индифферентность к выявлению оснований самого предмета обсуждения. Имею в виду, что не обсуждается адекватность использования понятия «теория». Предъявляемые в качестве концептуальных или теоретических конструкций нарративы зачастую не сопровождаются доказательством их принадлежности к теории как особой форме и уровню научного знания. Это связано в значительной мере с тем, что не придается значения различению объекта и предмета науки, как следствие – не уточняются тождество и различие объекта и предмета разрабатываемой в рамках этой науки очередной теории и детерминация объектом ее предмета. Эта детерминация распространяется и на познающего субъекта, который всякий раз при разработке очередной теории должен обеспечивать реверсивное движение (восхождение) от объекта к предмету

и методу, возвращаясь к объекту, и, двигаясь по нему, воплощать его строение в теоретической модели. Актуализация обращения к различению объекта и предмета и уточнению их содержания возникает, как правило, в ситуации существенного изменения в той стороне реальности, которую отображает данная наука. В социуме в определенные исторические периоды происходят качественные изменения и переходы к иным формам и способам развития. В этом случае встает вопрос о возможности дальнейшего использования сложившейся картины социальной реальности и ее морфологии, адекватности понятийного аппарата и методов исследования, т.е. о переопределении *предпосылочного* знания. Для этого требуется уточнение: каковы эта новая реальность и ее морфология и каковы возможности ее познания. Применительно к социологии это означает конструирование новой *общей концептуальной картины* социальной реальности, что может даже означать *переопределение объекта социологии в целом*. Исходная посылка: содержание обновленного предмета детерминировано не столько обновленным языком его описания, сколько новыми свойствами реальности как объекта данной науки.

В период формирования социологии как науки, особенно при разработке фундаментальных оснований ее теории, тематика этих обсуждений присутствовала в работах большинства социологов. Классики социологии начинали раскрытие специфики социологического знания с вопроса о его предмете. Реже – выделяя еще и его объект. В мою задачу не входит восстановление картины эволюции взглядов на предмет и объект социологии, поскольку эта работа проделана в многочисленных исследованиях за прошедшее столетие. В контексте сформулированной в статье темы есть необходимость обратить внимание лишь на один, но чрезвычайно важный методологический аспект и гносеологический «нюанс» подхода к определению предмета науки: вводится ли он *самостоятельно* или *опосредованно* *понятием объекта*. Наличие подобной познавательной ситуации можно проследить, обращаясь, например, к трудам П.А. Сорокина. Одним из классических образцов аргументации в пользу социологии как особой науки следует признать изложенные им в 1920 г. доказательства в книге «Система социологии». «Определить объект социологии, – отмечал П.А. Сорокин, – как и любой науки, это значит выделить тот разряд фактов, который является предметом ее изучения, или, иными словами, установить особую точку зрения на изучаемый ряд явлений, отличную от точки зрения других наук [...] социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого взаимодействия, – с другой ... все остальные формы и виды взаимодействия исключаются из сферы социологического изучения... Наша социология есть *hoto-социология*. Она трактует только о человеческих взаимоотношениях... это взаимодействие должно быть *межчеловеческим взаимодействием*» [Сорокин, 1993: 57]. И еще. Сорокин подчеркивал, что «общество как предмет изучения социологии дано только там, где дано несколько единиц (индивидов), одаренных психикой и связанных между собой процессами психического взаимодействия». «Социология изучает только такие общества, где члены последнего, помимо неорганических и органических процессов, связаны еще взаимодействием психическим, то есть обменом идей, чувств, волевых устремлений... тем, что характеризуется словом “сознание”» [Сорокин, 1992: 28–29]. Как видим, применяя термины объект и предмет, Сорокин между ними не делает различия. Хотя в одном месте, как следует из ранее приведенного фрагмента, у него все же появляется необходимость дополнительно подчеркнуть специфику того, на что *направлен* интерес социологии: для социологии общество есть *множество людей*, и в людях выделяются исключительно процессы психического, то есть *присущего исключительно людям*, взаимодействия. В таком случае множество взаимодействующих агентов с помощью сознания (отличаемых Сорокиным от взаимодействий и возникающих из них явлений) – это и есть *sui generis фрагмент реальности*, на которого обращает свой взор социология, – они и есть ее объект. Это *исходный образ общества*, который социология избирает как свой аспект, точку зрения на особую социальную реальность. Его исходность и делает эту первичную мыслительную конструкцию объектом. Так в познании конструируется объект социологии, становясь

в следующих шагах рефлексивно расчлененным, преобразуясь в исходное определение предмета, которое и формулирует Сорокин, – это взаимодействия индивидов и результаты этих взаимодействий.

Начало метаморфоза. Вариант задания объекта и предмета социологии, представленный Сорокиным, относится к образцу ясной и логически строгой аргументации и самопрезентации социологическим сообществом своего специфического места в ряду других наук. Этот вариант претерпевал конкретизации, уточнения и расширение различными авторами в контексте создаваемых ими теоретических моделей. Но в любом случае предполагалось, что объект социологии – особая часть окружающего мира – остается неизменным: это те же агенты и продукты социальных взаимодействий, той же природы, принадлежащие к виду *Homo sapiens* и взаимодействующие с помощью тех же посредников – феноменов и структур своего сознания – естественного разума. Эта аксиома просуществовала до эпохи появления особых посредников социальных взаимодействий, каковыми выступают устройства, оснащенные искусственным интеллектом (ИИ). Полагаю, что уже само их появление в социальных взаимодействиях требует обратиться к обсуждению необходимости уточнения или даже пересмотра содержания объекта социологии современного общества. Необходимость существенного уточнения содержания современной социальной реальности нашло, в частности, отражение в предложенной А.В. Резаевым и его коллегами концепции «искусственной социальности» [Резаев, Стариков, Трегубова, 2020]. В содержании социальной морфологии рядом с людьми появились не только их технобиологические модификации, но и искусственные агенты социальных отношений и искусственный интеллект как важнейшая сторона (атрибут) искусственного сознания, становящийся конкурентом естественным психическим явлениям и процессам. Общество становится морфологически гибридным, что не может не отражаться на его качественном своеобразии – как особой – социальной – формы, состоящей теперь уже не только и не столько из людей.

Социальная морфология и морфогенез. Формирование нового объекта социологии происходит как процесс отражения морфогенеза социума нового типа¹. Морфология – наука о составных частях некоторой сложной системы, образующих некую «форму». Она отвечает на вопрос, как комбинации этих частей создают новый тип/вид объектов и их новую топологию – размещение в пространстве. Социальная морфология сосредоточена на изучении способа, каким агенты в деятельности, используя ресурсы предметной среды, своей телесности и когнитивных способностей, воплощают себя в многообразии артефактов и коллективных форм повседневной жизни, создавая структуры отношений и наполняя их многообразным содержанием. Именно с особыми морфологиями оперируют различные науки как со своими объектами.

В социологической традиции можно обнаружить исследования, близкие к морфологическому подходу. Так, у Ф. Тенниса в основу замысла создания «чистой социологии» была положена идея разработки социологии форм, которая привела к созданию «формальной социологии». Но использовал ли Теннис само понятие «форма»? Разрабатывая типологию на основе различения общественных отношений на *gemeinschaftliche* и *gesellschaftliche*, он применяет понятие типов общественных отношений: общность и общество. Теннис дает описание двух способов объединения индивидов в устойчивые союзы – на основе двух различных принципов органической и механической связи, которые строятся с помощью разнотипных структур общественных отношений. Это структуры, включающие совокупности отношений и связей. Тем самым «социальная морфология» Тенниса – это описание двух типов комбинаций (форм) социальных отношений. А из морфологии (состава) общества у Тенниса присутствуют лишь структуры без социальных агентов. Тем самым он представил вариант морфологий двух исходных структурных способов существования социальности. В методологическом же отношении понятия общности и общества у Тенниса стали основным критерием классификации любых социальных форм. В итоге формы социальной

¹ Морфология – от греч. *morphe* – форма и *logos* – слово, учение.

жизни были разделены на три типа: 1) социальные отношения; 2) группы и 3) корпорации или объединения [Теннис, 1998: 217–226].

Близким к изучению социальных форм стала разработка Г. Зиммелем теории «чистых форм социации». У Зиммеля «чистые формы» это наиболее типичные и повторяющиеся в различных социумах модели (схемы) действий, взаимодействий и поведения. Агенты этих чистых форм находятся вне поля рассмотрения. «То, что мы называем формой, с точки зрения используемых ею функций есть унификация материала: она преодолевает изолированность частей, его составляющих. Целостность как единство этих частей... противостоит всякому другому материалу, не обладающему формой или оформленному иначе» [История социологии..., 1993: 107]. Выявление чистых форм социации будет сопровождаться выяснением того, «что значат они как чистые формы поведения, при каких обстоятельствах они возникли, как развивались, какие изменения претерпевали особенности их объектов» [там же].

Специально понятие социальной морфологии стал использовать Э. Дюркгейм. Разделяя социологию на три основные отрасли, первой из них он называет социальную морфологию. Она, по его мнению, аналогична анатомии и исследует «субстрат» общества, его структуру, материальную форму. Предполагается также изучение географической жизни народов в связи с социальной организацией народонаселения, его объема, плотности, распределения по территории [Дюркгейм, 1911: 239]. Тем самым Дюркгейм вводит в морфологию общества социальных агентов. Социальная морфология, по Дюркгейму, это особая предметная область социологии, изучающая и объясняющая структурное строение общества в его взаимодействии с окружающей средой (физическим окружением) с целью создания типологической классификации обществ на основе их сегментирования. В основе классификации лежит построение моделей *видов* обществ с помощью выявления специфической природы и числа составных элементов и способа их сочетания. Конкретный социальный тип строится как морфологическая модель одного из видов обществ [Дюркгейм, 1990: 475].

Традиция изучения социальной морфологии была развита в работах одного из ближайших последователей Э. Дюркгейма – Мориса Хальбвакса. Он присоединялся к позиции М. Мосса, который подчеркивал, что морфология – это «имеющая едва ли не самое важное значение часть социологии... один из наиболее независимых ее разделов» (цит. по: [Хальбвакс, 2000: 238]). По мнению Хальбвакса, задача морфологии – изучение «материального тела» общества – величины, объема, пространственной конфигурации и плотности групп, изменения их формы и перемещение в пространстве. В строгом смысле (*stricto sensu*) – это исследование населения. Но в морфологии также рассматривается и величина, конфигурация самых разных групп [там же]. Всякая группа имеет материальное тело, находящееся в пространстве, имеет очертания и границы. Группы можно представить на карте, сосчитать количество участников в каждой из них. Каждую группу можно рассматривать в отдельности, вычленять иерархию частей, исследовать плотность рассредоточения в пространстве [там же: 239]. Общности могут расти или уменьшаться, располагаться географически [там же: 340].

В дальнейшем тематика социальной морфологии продолжала оставаться на периферии социологических исследований. Хотя идея целостного (как единства агента-субстрата и функций), а не только структурно-функционального и системного подходов к изучению социальной жизни и ее форм, была продолжена в какой-то мере в социологии повседневности, в социальной антропологии и в социологии города и поселений. В качестве типичных современных представителей изучения морфологии агентов и социальных структур можно назвать М. Арчер и П. Донати, которые специально стали использовать термин «социальный морфогенез». По М. Арчер, в соответствии с предложенным ею «морфологическим/морфостатическим подходом» морфогенез – это формирование, преобразование, трансформация социальной структуры, трансформация морфостаза как стабильного состояния некой социальной структурной формы. В такой интерпретации

морфогенез выступает противоположностью морфостаза [Арчер, 1994: 55]. У П. Донати в его реляционной теории общества морфогенез – это порождение в деятельности новых форм социальных отношений [Донати, 2019: 33]. У Донати, как и у Арчер, морфология общества – это система деятельности, отношений, которые и образуют его структуру. В этом случае объект социологии предстает как структура, находящаяся в становлении и трансформации через действия и взаимодействия людей. Эта вполне оправданная абстракция, в определенной степени и до определенного предела, была допустима, пока в качестве агента и актора выступал представитель одного и того же рода носителя активности – *Homo sapiens*. Как носитель сознания, целеполагания и мотиваций на основе воспроизводимых потребностей, он оставался неким объектом и субъектом *status quo*, обеспечивающим действие механизма воспроизводства социальности неизменным образом и понятным для исследователя.

При изменении субстрата – агента социальных взаимодействий возникает необходимость в корректировке используемой характеристики содержания социальной морфологии и социального морфогенеза. Речь идет о ситуации, когда, наряду с человеком, агентом становится иной, не человеческий носитель деятельности, во многом схожей с человеческой, но принципиально отличной. Морфология такого – гибридного – общества в аспекте целостного подхода должна включать агентов генетически различных видов. Помимо людей – это технобиологические гибриды и гибриды машин с ИИ, а также возникающие в результате их взаимодействий отношения и структуры. Так мы возвращаемся к идее Хальбвакса рассматривать социум и его морфогенез как единство материальных оснований (в новой исторической ситуации – прежнего и нового вида) и базирующихся на них структур. Социальный морфогенез приобретает вид процесса формирования, становления и развития общества как сообщества разнородных агентов (и не только разновидностей вида *Homo*) через их объединение и образование гибридных структур и связей.

Новая социальная морфология. Происходит постоянное усложнение соединения человека с машинами через технологии ИИ: через дополненную и виртуальную реальность, голограммы, имплантаты, интерфейс «мозг-компьютер», через искусственные части тела, созданные с помощью нанотехнологий и продуктов синтетической биологии. Вместо людей-пользователей активно действуют боты – автоматизированные облачные программные агенты ИИ, например «цифровые помощники» (IDA – Intellectual digital assistant). Они представлены как веб-сервисы, приложения для смартфонов и персональных компьютеров и выступают в роли личного секретаря. Люди все более предпочитают общаться с устройствами, а не с себе подобными, что перерастает в процесс квазисоциализации – социализации через техносистемы. *Техносоциализация* становится процессом вхождения индивидов в систему *техновзаимодействий*. Эта система – параллельное социуму пространство, основанное на алгоритмах. В итоге не человек следит за устройствами, а они за человеком [Леонгард, 2018: 117].

Происходит замещение межличностных интеракций на взаимодействие людей с устройствами ИИ. Таким образом, не только машины «делают» людей (трансформируя их под себя), но и люди стремятся сделать из машин людей. Киборги первого поколения – это люди с вживленными устройствами. Но они еще остаются людьми – «улучшенными людьми». Эти улучшения постепенно органично вписываются в наши тела, превращая нас в *технобиологических гибридов* [Йонк, 2019: 319–320]. Мы стали свидетелями нарастающей тенденции – делать машины более удобными для применения. Но впервые это удобство проявляется как уподобление инструмента человеку, а не просто как усиление или продолжение его функций или органов. А это означает *передачу* функций и свойств человека машине. Но это одновременно и *изъятие* функций, свойств и способностей у человека – *обесчеловечивание* его, что также есть и продолжение эволюции *Homo sapiens*.

Машины становятся не просто сверхсовременными механизмами, а следующим этапом эволюции объекта, наделенного особым разумом – ИИ, но пока без эмоционального содержания, т.е. возникновения синтетического *Homo digital*. Этот процесс есть

упрощение вида *Homo sapiens*, перенос качеств и функций с одного (био) субстрата на другой (техно) субстрат. В результате интеллект поднимается на новую ступень, сознание трансформируется, исчезают самосознание и эмоции. Однако такой новый, модифицированный вид *Homo* (но не вполне тот же *sapiens*) может жить только в симбиозе с ИИ и его устройствами. Это означает, что возникли новые участники социальных взаимодействий. Появились не только новые посредники в человеческой орудийной деятельности, но и его новые «напарники». В информационную эпоху они эволюционировали в технические системы, роботизированное производство, Интернет вещей, промышленный Интернет и проч. [Баррат, 2015; Грингард, 2017; Гринфилд, 2018; Маркофф, 2016; Уолш, 2019]. Человек всех их активировал. Они же приобрели антропоморфные характеристики. С усложнением машины стали более автономными, перешли из состояния управляемых в состояние самоуправляемых, тем самым приобретая первичные черты субъектности, которая проявилась в способности самоактивизации.

Наивысший в настоящее время уровень активности, самоорганизации и автономности приобрели машины, основанные на технологиях ИИ, став своеобразными техносубъектами. Термин «техносубъект» одними из первых стали использовать С. Бескаравайный и В. Мазин, придавая ему как понятию различную смысловую нагрузку [Бескаравайный, 2018: 125; Мазин, 2018: 14]. В моей интерпретации техносубъекты – это такие объекты, которые ведут себя как акторы, поскольку не только учатся исполнять социальные роли, предписанные им алгоритмами, но и сами создают систему интеракций, выступая в роли социальных агентов, конструируя систему социальных взаимодействий. Это новый вид агента и новый вид актора социальных отношений. Тем самым рядом с социальной структурой общества людей возникает структура, состоящая из агентов нового вида – техносубъектного. А техносубъекты становятся не только исполнителями социальных ролей, но и агентами социальной системы нового вида, состоящего из технических систем с ИИ. Возникает гибридное социальное пространство с новой социальной морфологией, состоящее из: 1) индивидов (*Homo Sapiens* 1.0), 2) технобиологических гибридов человека и ИИ – киборгов (*Homo Sapiens* 2.0), 3) «цифровых двойников» человека и 4) техносубъектов – технических устройств с ИИ.

Морфогенез гибрида: топология техносубъектов и гибридная стратификация. Техносубъект можно рассматривать как синтетический, искусственный эквивалент субъекта-индивида, если за основной признак субъектности принимать *целелогаание*. Под воздействием его стремительно нарастающего влияния на общество происходит утрата целостности социальной структуры, нарастает ее *расщепление на структуру людей и структуру техносубъектов*. Возникает техносоциосфера – система машин нового вида с ИИ. Образование ее топологии можно проследить, обратившись к исследованиям, посвященным изучению становления технологий с ИИ и последствий изменения ими человеческого поведения и социальной жизни [Баррат, 2015; Бриньолфсон, Макафи, 2017; Грингард, 2017; Гринфилд, 2018; Йонк, 2019; Леонгард, 2018; Маркофф, 2016; Уолш, 2019; Форд, 2016]. Выскажу гипотезу: техносоциосфера формирует структуру, подобную социальной и так же стратифицированную. Разные виды техносубъектов занимают в ней различные вертикальные позиции. И эта структура – технотопология – сопряжена с социальной структурой людей в процессе морфогенеза гибрида.

Техносубъекты иерархически организованы и расположены. На вершине пирамиды – ИИ. Ниже – алгоритмы и программы; затем – сетевые облачные хранилища как основа суперкомпьютеров, образующих глобальный ИИ; затем – «стеки», состоящие из корпораций Северной Америки и Европы – Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft и сверхмонополии Alphabet; платформ КНР Tencent, Alibaba, Baidu, JD.com и DiDi; российских Яндекс и Мэйл.ру. На их основе функционируют нижележащие страты роботов и мобильных компьютеров-коммуникаторов; страты ИВ и промышленного Интернета. Затем расположен слой кибернетической экосистемы с хакерами, создающими ботнеты. Отдельные слои техносубъектов обладают специфическими статусными наборами (статусными потенциалами) – ресурсами для влияния на другие страты как техносубъектов, так и представителей социальной структуры индивидов. Каждый такой слой образует подвид сообщества устройств с ИИ. Эти страты созданы

и воспроизводятся индивидами, образующими профессиональные сообщества агентов цифрового общества. Они также расположены в иерархическом порядке: создатели ИИ, творцы алгоритмов и разработчики программ, создатели и собственники «стеков», конструкторы и пользователи роботов, разработчики устройств мобильной связи и миллионы пользователей гаджетов, сообщества хакеров – активных и наиболее креативных разработчиков и экспериментаторов применения альтернативных программ и алгоритмов.

Высший ранг ИИ определяется, прежде всего, тем, что он способен в ряде случаев принимать самостоятельные решения. Так, ИИ активно вытесняет людей из многих профессий, трансформируя социальную структуру, вставая над людьми в промежутки между стратами индивидов. Он становится автономным в создании собственной логики – она все более независима от людей и им непонятна. Более того, ИИ как система алгоритмов и программ стремится к собственному совершенствованию. Его статусное доминирование выражено побуждениями к: 1) эффективности, 2) самосохранению, 3) приобретению ресурсов, 4) творчеству, и 5) уходу от уязвимости. ИИ обладает преимуществами перед другими техносубъектами – он способен думать, планировать и обманывать создателя.

Обособленные технологии собираются вместе в вертикально интегрированных коммерческих компаниях – «стеках» (термин Брюса Стерлинга), которыми контролируются сети, платформы, приложения, физические устройства и контент. «Стеки» монополизируют коммерческую рекламу, мобильные трафики социальных сетей, рынок электронных книг [Гринфилд, 2018: 365]. Глобальные масштабы приобрел еще один вид техносубъекта – Интернет вещей. ИВ – это своеобразная «колонизация» повседневной жизни обработкой информации и превращение мира вещей в «пищу» ИИ. ИВ обеспечивает работу технологических систем без наблюдения человека. У него неограниченные возможности перемещения данных в любые точки пространства к любым техническим системам и людям. Более того, участники Всемирного экономического форума ставят задачу перехода к «Интернету тел», когда встроенные датчики или вживленные имплантаты не только будут осуществлять функции передачи информации, но и изменять само тело и даже поведение человека. Тело предполагают сделать технологической платформой, а обмен данными о теле станет необходим ради «коллективного и индивидуального блага», как его понимает ВЭФ.

Такой техносубъект, как робот, есть техническое воплощение непосредственной власти не только людей над людьми, но и самими машинами над людьми, поскольку они превосходят человека по ряду функций. Но в иерархии техносубъектов роботы стоят ниже ИВ, ИИ и алгоритмов, поскольку функционируют на их основе. Робот – это машинная альтернатива человеку, но особая машина, созданная для непосредственного с ним взаимодействия. Человек, создавая робота под себя, одновременно подчиняет себя роботу. Робот – это воплощенный в материале алгоритм. Он его «маска», поскольку сети роботов создаются на основе сети алгоритмов. Так открывается возможность возникновения социума роботов и материализации социальности систем алгоритмов. Случаем такого воплощения стало появление ботнетов – сети роботов, созданных для продвижения вредоносных программ с целью использования компьютеров без согласия их владельцев.

Гибридное социальное взаимодействие. Морфологическая трансформация происходит и с социальным взаимодействием – оно превращается в гибридное. Взаимодействуя с персональными цифровыми помощниками, человек ожидает, что взаимодействия с ботами будут разумными. Появление в системе социальных интеракций интеллектуальных помощников сопровождается их сближением с такими сообществами людей, как разработчики систем человеко-машинного взаимодействия и исследователи ИИ. В процессе этого сближения образуется ядро морфологии гибридного социума. Наметилась тенденция движения к созданию интерактивных систем, которые функционируют как интеллектуальные «коллеги», становясь компьютерными аватарами, а не оставаясь только инструментами с компьютерами. Склонности человека к очеловечиванию машин ориентирует людей на стремление вступать с машинами в социальные отношения по мере повышения их эффективности ИИ. Но нужно быть готовым к тому, что одновременно с расширением возможностей человека с помощью ИИ

будет происходить и вытеснение людей. Более того, этот процесс будет принимать все более конфликтный характер, о чем предупреждал Н. Винер: «...машина, способная к обучению и принятию решений на базе этого обучения, никоим образом не окажется обязанной принимать те решения, какие приняли бы мы сами или какие были бы приемлемыми для нас» [Винер, 2019: 190].

Новая социальная морфология проявляется в том, что интеллектуальные машины, образуя единство «агент-структура», реализуют в своей активности ряд схем действий, схожих с социальными: 1) распознавание объекта взаимодействия; 2) ориентация-на-Другого; 3) прогнозирование ответных действий; 4) отнесение своего поведения к набору нормативных образцов, заложенных в алгоритме. К специфике действия интеллектуальных устройств можно отнести, прежде всего, 1) отсутствие (пока) у них индивидуального Я-образа и рефлексии исполняемой роли; 2) ограниченность возможности свободного выбора сценария ввиду отсутствия (пока) у алгоритмов собственного накопленного «жизненного опыта» и пройденных этапов социализации; 3) отсутствие в алгоритмах (как правило) программ «отнесения к ценности» определенной субкультуры и к универсальным ценностным образцам. Есть основания утверждать, что взаимодействие интеллектуальных устройств с человеком приобретает характер специфической *разновидности социального взаимодействия*. Но уже иного социального. При этом меняется природа обеих сторон, происходит *обоюдная мутация*, в процессе которой появились субъекты-гибриды с антропоморфными (у устройств с ИИ) и техноморфными (у людей) характеристиками. В этом процессе активно формируется *гибридный социум*.

Заключение. Устройство воздействует на человека не только как машина, но и как антропоморфный объект. Его форма не пассивна, а активна и проявляется и вообще существует только в ответном воздействии машины на своего создателя в моменты оперирования человека с машиной, заставляя человека меняться и как субъекта – одной из сторон социального взаимодействия. Поэтому происходит расширение области взаимодействий двух разнородных субъектов, но таких, которые были разнородны *до начала использования машины*. И в этом взаимодействии они образуют «ассамбляж» [Деланда, 2018] *новой природы – гибридное социальное взаимодействие*. Исследованием этих ассамбляжей и должна озаботиться современная социология, из поля зрения которой – парадокс! – до сих пор выпадает техносубъект как элемент новой морфологии социума, который, наряду с техномодифицированными индивидами, становится новым «игроком» на поле человеческого сообщества. Можно его игнорировать и впредь, но тогда кто подготовит массовое сознание к встрече с реализацией проектов «машинопоклонников» (Н. Винер), транс- и постгуманистов и «цифропоклонников»?

Полагаю, назрела необходимость в существенном уточнении содержания морфологии современного общества и объекта социологии современности: *им становится гибридная социальность, новая морфология*, включающая четыре вида агента социальности: 1) человека; 2) технобиологического гибрида; 3) «цифрового двойника» человека и 4) техносубъекта. Параллельно со стратификационной структурой сообщества людей образуется *стратификационная структура техносубъектов*, вместе с цифровыми двойниками и технобиологическими гибридами формирующая социальную структуру *гибридного социума*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Пер. с англ. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
Бескаравайный С. Бытие техники и сингулярность. М.: РИПОЛ классик, 2018.
Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / Пер. с англ. П. Миронова. М.: АСТ, 2017.
Винер Н. Кибернетика и общество: [сборник] / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2019.
Грингард С. Интернет вещей: Будущее уже здесь / Пер. с англ. М. Трощенко. М.: Точка, 2017.
Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: «Дело» РАНХиГС, 2018.

- Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / Пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма / Сост. Е.А. Кострова. М.: ПСТГУ, 2019.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.
- Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Метод в науках. СПб., 1911. С. 239.
- История социологии в Западной Европе и США. М.: Наука, 1993.
- Йонк Р. Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта / Пер. с англ. Э. Воронович. М.: Эксмо, 2019.
- Леонгард Г. Технологии против человека / Пер. с англ. А.О. Юркова, М.Ю. Килина, Т.Ю. Глазкова; предисл. М. Федорова. М.: АСТ, 2018.
- Мазин В. Машина влияния. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
- Маркофф Д. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Рассел С. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Резаев А.В., Старилов В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0.
- Сорокин П.А. Общая социология. Социология № 1 // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993.
- Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 217–226.
- Уолш Т. 2062: время машин. М.: АСТ, 2019.
- Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбов; составл., биограф. очерк В. Ка-ради. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2000.

Статья поступила: 06.12.21. Принята к публикации: 02.02.22.

OBJECT OF SOCIOLOGY IN THE METAMORPHOSIS OF HYBRID SOCIETY MORPHOGENESIS

IGNATYEV V.I.

Novosibirsk State Technical University – NSTU NETI, Russia

Vladimir I. IGNATYEV, Dr. Sci. (Phil.), Prof., Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University – NSTU NETI, Novosibirsk, Russia (ignatiev.v@inbox.ru).

Abstract. The substantiation of the morphological analysis significance of social changes in the period of qualitative transformation of social reality is presented stressing the need to clarify the content of the object of sociology. Specifics of the emerging new social morphology are analyzed, which, so the author, is based on the appearance in the social space of a new type of social relations agent – devices with artificial intelligence. To designate this agent, the concept “technosubject” is offered. The author argues that the new social morphology is formalized in the shape of two parallel structures forming two interrelated topological systems: stratification system of people and a stratified socio-technosystem shaped by technosubjects of various types. The conclusion is made about the formation of a hybrid society, in which the substrate basis of its morphology is a symbiosis of natural and artificial nature agents. The product of their interaction is hybrid sociality. The necessity of transition to a new paradigm of the object of sociology interpretation is substantiated.

Keywords: object of sociology, social morphogenesis, artificial intelligence, technosubjects, sociotechnosystem, hybrid society.

REFERENCES

- Archer M. (1994) Realism and morphogenesis. *Sociologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 50–68. (In Russ.)
- Barrat J. (2015) *The Latest Invention of Mankind: Artificial intelligence and the end of the era of Homo sapiens*. Transl. by N. Lisova. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Beskaravayny S. (2018) *Being of Technology and Singularity*. Moscow: RIPOL classic. (In Russ.)
- Brinjolffson E., McAfee A. (2017) *The Second Machine Age. Work, Progress and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. Transl. from Eng. P. Mironov. Moscow: AST. (In Russ.)
- DeLanda M. (2018) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Transl. K.S. Mayorova. Perm': Gile Press. (In Russ.)
- Donati P. (2019) *Relational Theory of Society: Social Life from the Point of View of Critical Realism*. Comp. E.A. Kostrova. Moscow: PSTGU. (In Russ.)
- Durkheim E. (1990) *On The Division of Social Labor. Method of Sociology*. Transl. by A.B. Gofman. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Durkheim E. (1911) Sociology and Social Sciences. In: *Method in Sciences*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Ford M. (2016) *Robots are Coming: Technology and a Jobless Future*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Greengard S. (2017) *Internet of Things: The Future Is Here*. Transl. M. Troshchenko. Moscow: Point. (In Russ.)
- Greenfield A. (2018) *Radical Technologies: Device of Everyday Life*. Transl. I. Kushnareva. Moscow: Delo RANEP. (In Russ.)
- Halbwachs M. (2000) *Classes Sociales et Morphologie*. Transl. A.T. Bikbov; compiled, biographer. essay by V. Karadi. Moscow: IES; St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)
- History of Sociology in Western Europe and USA*. (1993) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Leonhard G. (2018) *Technologies Against Man*. Transl. from Eng. A.O. Yurkova, M.Yu. Kilina, T.Yu. Glazkova; pref. M. Fedorova. Moscow: AST. (In Russ.)
- Mazin V. (2018) *Machine of Influence*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Markoff D. (2016) *Homo roboticus? Humans and Machines in Search of Understanding*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Russell S. (2021) *Compatibility. How to Control Artificial Intelligence*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. (2020) Sociology in the Age of "Artificial Sociality": search for new bases // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) General Sociology. *Sociology* No. 1. In: *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1993) *System of Sociology. T. 1. Social Analytics: The Doctrine of the Structure of the Simplest (Generic) Social Phenomenon*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toennies F. (1998) Community and Society. *Sociologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3/4: 217–226. (In Russ.)
- Walsh T. (2019) *2062: Machine Time*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Wiener N. (2019) *Cybernetics and Society: [collection]*. Transl. from the Eng. V. Zhelninova. Moscow: AST. (In Russ.)
- Yonck R. (2019) *Heart of the Machine. Our Future in a World of Artificial Emotional Intelligence*. Transl. from Eng. E. Voronivich. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Received: 06.12.21. Accepted: 02.02.22.

© 2022 г.

М.С. ЕЛЬЧАНИНОВ

ЭПОХА ГЛОБАЛЬНОЙ БИФУРКАЦИИ: ПЛАНЕТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

ЕЛЬЧАНИНОВ Михаил Семенович – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, Тольятти, Россия (79608493056@yandex.ru).

Аннотация. Автор развивает концепцию глобальной бифуркации, детерминированной рядом опасных планетарных факторов, прежде всего экологическим кризисом человечества. Анализ показал, что глобальная бифуркация объективно неизбежна и вариант общепланетарной катастрофы наиболее вероятен. Тем не менее исторические альтернативы в целом позволяют надеяться, что у человечества ещё сохраняется хрупкий шанс на грядущее развитие в постбифуркационный период. С позиций структурно-синергетической теории социодинамики и с учетом новых эмпирических данных выяснены и проанализированы общепланетарные проблемы и исторические альтернативы эпохи глобальной бифуркации. По мысли автора, возможны четыре бифуркационных сценария: 1) глобальная экологическая катастрофа, гибель человечества; 2) глобальный экологический кризис, долговременная деградация человечества и социальный регресс; 3) мировая ракетно-ядерная катастрофа, гибель человечества; 4) перестройка мирового социума и его выход на траекторию устойчивого исторического развития.

Ключевые слова: мировой кризис • эпоха глобальной бифуркации • планетарные проблемы бифуркационной эпохи • глобальный экологический кризис • исторические альтернативы глобальной бифуркации

DOI: 10.31857/S013216250018466-5

Развитие мирового социума на современном этапе носит драматически противоречивый характер. Процесс глобализации, научно-технический прогресс, цифровая экономика, динамичный рост производительных сил свидетельствуют об исключительной силе человеческого разума. Однако наблюдаются и крайне негативные тенденции: мировой экономический кризис, безумная гонка вооружений, борьба за экономическое и военное лидерство, планетарный экологический кризис, природные и техногенные катастрофы, локальные войны, террористические акты, бедность, нищета, преступность... Эти тенденции отражают глубинные противоречия капиталистической системы и наглядно показывают, что монетаристский капитализм все более и более становится источником экзистенциальных рисков и угроз, и человечество уже не может их игнорировать, особенно на фоне глобального экологического кризиса. «Сейчас мы живем в орбите многочисленных, взаимосвязанных, иногда опасных и всегда сложных преобразований, рисков и кризисов, которые охватывают наш земной шар. Некоторые из них являются результатом более ранних изменений, таких как империализм или распространение проектов индустриализации национальных государств, в то время как другие являются результатом недавних форм глобализации» [Cohen, Kennedy, 2013: 1].

Состояние неустойчивости характерно для всякой чувствительной к флуктуациям системы, поскольку процесс развития в принципе невозможен без неустойчивости. Смена этапа устойчивого развития этапом неустойчивого развития (точка бифуркации) является универсальной закономерностью в природных и социальных системах [Ельчанинов, 2019, т. 1: 55–56]. В неустойчивом мировом социуме, таким образом, в ходе нелинейных макро-социальных процессов флуктуации риски и кризисы могут внезапно трансформироваться в глобальную бифуркацию.

Действительно, современный мир втягивается в водоворот нарастающей турбулентности, длительные следствия которой остаются пока смутными и неясными, но вполне понятными в аспекте саморазрушительной патологии, если человечество и дальше будет проявлять политический, общественный и экологический индифферентизм к глобальным проблемам современности. С каждым днем увеличивается риск возникновения эффекта домино с непредсказуемыми последствиями в глобальном масштабе. Трагический сценарий глобальной турбулентности становится наиболее вероятным, и мрачные алармистские настроения все больше и больше охватывают ученых, экспертов, политиков и обывателей. Мировой правящий класс растерян, так как стандартные монетаристские схемы уже не работают или работают плохо, а либеральная доктрина, неспособная предложить новых привлекательных идей, вызывает у большинства людей растущее разочарование. Глобальная ситуация также усугубляется тем, что в социальных науках отсутствуют новые, неортодоксальные идеи общественного переустройства. «Выглядит так, – пишет С. Жижек, – словно этот кризис был организован с расчетом на то, чтобы показать, что даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет» [Жижек, 2011: 21].

Модель монетаристского капитализма оказалась в состоянии глубокого кризиса, и будущее капитализма уже ставится под сомнение [Есть ли будущее у капитализма, 2015]. Системного понимания, что делать сейчас, в момент нарастания многочисленных рисков и опасностей, просто нет, и власть имущие по инерции заклинаят кризисные явления с помощью неолиберальной риторики, но на фоне эскалации драматических событий она звучит отнюдь не убедительно. Мировой социум, несомненно, переживает беспрецедентный кризис. «Кризис носит не циклический, а нарастающий характер. И это не ограничивается окружающей нас природой. Существуют также социальный кризис, политический и культурный кризис, моральный кризис, а также кризис демократии, идеологий и капиталистической системы. Кризис также заключается в углублении нищеты во многих странах и потере работы значительной частью населения во всем мире. Миллиарды людей достигли такого состояния ума, когда они больше не доверяют своему правительству»¹. Человечество столкнулось с множеством прогрессирующих проблем, вызванных перенаселенностью, безумным потреблением, экологически вредным промышленным производством, чрезмерным социальным неравенством и вопиющим паразитизмом богатых. В этой чрезвычайной ситуации пока никто не может предложить вразумительной альтернативы глобальному капитализму, хотя критика его негативных аспектов раздается всё чаще и чаще.

По сути дела, мировая ситуация крайне неустойчива, и спектр рисков только расширяется, что все более отчетливо манифестирует тренд к глобальной бифуркации. Ряд ученых считает, что предотвратить глобальную катастрофу уже невозможно, потому что безмерное потребление гигантской массой людей ограниченных природных ресурсов вышло за пределы физических и биологических возможностей планеты Земля [Meadows et al., 1992]. Фундаментальные вопросы, связанные с грядущей трансформацией мирового социума, с процессом глобальной бифуркации, требуют адекватного ответа. Недостаточно просто констатировать, что земная цивилизация переживает беспрецедентный этап

¹ von Weizsäcker E.U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet – A Report to the Club of Rome. Springer, 2018. P. 2. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 27.12.2021).

в своем историческом развитии. Прежде всего необходимо выявить планетарные проблемы и альтернативы глобальной бифуркации, поскольку это крайне важно для более глубокого понимания проблематики бифуркационного процесса, которую ученые пытаются исследовать с разных теоретических позиций.

Кризис капиталистической системы. Исследуя кризис капиталистической системы, И. Валлерстайн в рамках миросистемного подхода делает акцент на вопросе о будущем капитализма. По его мнению, неотъемлемым, основополагающим принципом капиталистической мировой системы является «устойчивое стремление к бесконечному накоплению капитала – накоплению капитала ради накопления еще большего капитала» [Валлерстайн, 2015: 25]. Как он утверждает, современная мировая система, базирующаяся на этом капиталистическом принципе, исчерпала свои возможности. Капитализм больше не может накапливать прибыль, а низшие классы «больше не верят, что история на их стороне». Однако исход кризиса капитализма, на его взгляд, непредсказуем [Валлерстайн, 2015: 23–60].

В свою очередь Р. Коллинз рассматривает феномен глобального капитализма и его исторические перспективы с технологической точки зрения. Согласно его гипотезе, главной причиной структурного кризиса капитализма является технологическое замещение человеческого труда машинным. Со временем это неизбежно приведет к массовой безработице, к падению уровня жизни, к социальному недовольству огромной массы людей и, как следствие, к долгосрочному кризису капитализма. С точки зрения Р. Коллинза, все это может завершиться в конечном итоге полным коллапсом капиталистической системы, который, как он считает, может случиться ещё до конца XXI в. В качестве альтернативы капитализму он рассматривает социалистическую систему, основанную на централизованном управлении и планировании [Коллинз, 2015: 61–112].

Оценивая перспективы капитализма, М. Манн утверждает, что пока нет никаких оснований считать, что капитализм переживает структурный кризис, тем более окончательный. В то же время М. Манн не сомневается, что конец гегемонии Соединенных Штатов, несмотря на их огромный военный потенциал, близок, хотя варианты ослабления американского могущества пока неясны. В свою очередь, глобальный экологический кризис, по мнению М. Манна, требует кардинального реформирования таких институтов, как глобальный капитализм, национальные государства и права граждан (потребителей). Если же случится ядерная война или губительное изменение климата, то, полагает он, любой из этих кризисов вызовет крах не только капитализма, но и всего человечества [Манн, 2015: 113–155].

Прогнозируя будущее капитализма, Г. Дерлугьян считает, что вариант насильственных революций и диктатур можно будет избежать, поскольку «кризис капитализма в XXI веке будет разворачиваться главным образом в сфере мировой экономики, а не в сфере геополитики» [Дерлугьян, 2015: 214]. Согласно его мнению, социальные протесты и классовые столкновения затронут в первую очередь страны капиталистического ядра, имеющие сильные демократические политические институты, большой опыт и устойчивые традиции общественных движений. Следовательно, коммунистическая альтернатива в виде большевистского 1917 года не грозит капитализму, а его концом, судя по всему, будут массовые гражданские мобилизации, хотя их конкретные сценарии пока непредставимы.

Анализируя современное состояние глобального капитализма, К. Калхун приходит к выводу, что, несмотря на тяжелейший финансово-экономический кризис, это, однако, не конец капитализма. В то же время он утверждает, что капиталистическая система может потерпеть крах вследствие присущей ей склонности к кризисам и растущей финансовализации в экономиках стран мира. Он также не исключает вариант внешнего подрыва капитализма, поскольку «экологические катастрофы, болезни, войны или восстания» могут вызвать огромные непредвиденные опасности. Ещё одну альтернативу он видит в том, что процесс глобальной интеграции может ослабнуть и в мире может появиться новая экономическая система. Всеобщий развал капиталистических рынков К. Калхун расценивал как катастрофу, способную вообще уничтожить экономические и политические институты. В целом капитализм имеет шансы на историческое существование, если государства

продолжат его защищать в разных формах, но в этом случае капитализм, естественно, будет обновляться, хотя конкретные сценарии обновления находятся уже за горизонтом прогнозирования [Калхун, 2015: 216–265].

Согласно У. Беку, современное общество в ходе модернизации становится обществом риска, порождающим универсальные угрозы, опасности и катастрофы. По его мнению, «общество риска есть общество, чреватое катастрофами» [Бек, 2000: 27]. Сегодня быстро нарастают экономические риски, дестабилизирующие жизнь всего человечества, и это по вполне понятным причинам может сыграть критическую роль в динамике глобальной бифуркации. Так, за последние 50 лет мировая экономика выросла почти в пять раз, но в основном за счет утроения добычи природных ресурсов, производства энергии и продовольствия². В 2018 г. 1% самых богатых владели 45% всего мирового богатства³. В 1998–2013 гг. 3 млн самых богатых американцев были ответственны примерно за 2,5% от общемировых выбросов парниковых газов, а 10% богатейших семей в мире – уже за 45% от всеобщего уровня⁴. Более чем очевидно, что чрезмерное потребление природных ресурсов и экономическое неравенство представляют собой огромные риски, вызывающие планетарные деструктивные последствия.

После краха советской системы социализма и СССР либеральные правительства обещали, что рыночные реформы и демократия приведут к европейским стандартам жизни, но на самом деле подавляющее большинство людей столкнулось с небывалым ростом экономического неравенства. Согласно экспертным оценкам, «значительное увеличение доли имущества наиболее состоятельных лиц произошло в Китае и России после перехода от коммунистической экономики к более капиталистической. В период с 1995 по 2015 г. доля верхней центили удвоилась в обеих странах, с 15 до 30% в Китае и с 22 до 43% в России»⁵.

Между тем человечество столкнулось не только с прогрессирующим экономическим неравенством, но и с другими экономическими проблемами, которые вызвали далекоидущие последствия. Начиная с 1980-х гг. капитализм существенно изменил свою стратегию: от социально-рыночной экономики он перешел преимущественно к максимизации прибыли, причем спекулятивная прибыль в финансовой сфере стала преобладающей в мировой экономике, что, в свою очередь, наносит ущерб социальным, экологическим и этическим ценностям. По сути, *финансиализация* экономики служит причиной неравенства доходов, снижения заработной платы и низкой производительности труда, так как отвлекает капитал от инвестирования в реальное производство [Калхун, 2015: 224–230]. В сентябре 2008 г. номинальная стоимость финансовых продуктов достигла 640 трлн долларов, что в 14 раз превышает ВВП всех стран мира⁶.

Одна из острейших социальных проблем современного мира – крайнее неравенство по условиям жизни и доходам. В 2017 г. в мире насчитывалось 60 млн беженцев, существующих в крайне неблагоприятных социально-экономических условиях⁷. В то же время всего 8 богатейших людей мира владеют таким же богатством, как беднейшая половина

² Making Peace... P. 22. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 15.12.2021).

³ Социально-экономическое неравенство как глобальная проблема человечества // MENTAMORE. URL: <https://mentamore.com/socium/socialno-ekonomicheskoe-neravenstvo.html> (дата обращения: 15.12.2021).

⁴ von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Op. cit. P. 40. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 27.12.2021).

⁵ Доклад о неравенстве в мире – 2018. С. 13. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).

⁶ von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Op. cit. P. 8. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 27.12.2021).

⁷ von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Op. cit. P. v. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

населения мира вместе взятая (примерно 3,96 млрд человек)⁸. Мировая олигархия стремится сохранить свои баснословные богатства и доходы, что приводит к дальнейшему росту социального неравенства, бедности и нищеты. Так, около 3 млрд человек в развивающихся странах живут менее чем на три доллара в день на душу населения и еще 1,5 млрд – приблизительно на 9 долларов⁹. Неудивительно, что потребовалось бы по меньшей мере пять таких планет, как Земля, чтобы обеспечить для всего населения мира уровень жизни, привычный для современного среднего американца [Вайцзеккер и др., 2013: 7].

Ведущие ученые, таким образом, пессимистично оценивают будущее капитализма и всего человечества, научно понимая, какие планетарные проблемы угрожают существованию человеческого рода.

Глобальный экологический кризис. В рамках экологического подхода будущее рассматривается в основном как различные сценарии глобального коллапса, если человечество не изменит свой устоявшийся паттерн исторического развития. Так, в 2006 г. Д. Медоуз снова подчеркнул: «Глобальные проблемы – изменение климата, истощение нефтяных запасов, деградация сельскохозяйственных угодий, дефицит пресной воды – уже проявились либо проявятся в ближайшие десятилетия» [Медоуз, 2012: 11].

Исследуя проблему будущего человечества, Э. Ласло считает, что наш мир находится в процессе фундаментальной трансформации, но исход этой трансформации пока неясен. Как он пишет, «критическими факторами при выборе нашей судьбы являются мышление, ценности и восприятие творческих людей всех сфер жизни» [Ласло, 2011: 187]. В точке хаоса, которая характеризуется крайней неустойчивостью системы, перед человечеством возникнет два альтернативных пути: 1) путь гибели – регресс, ведущий к катастрофе; 2) путь прорыва – создание новой цивилизации [там же: 42–43].

Аналогичную позицию занимал российский ученый Н.Н. Моисеев. Он был глубоко убежден, что человечество находится на пороге катастрофической перестройки, которая качественно изменит характер истории человечества и его развития как биологического вида. «Мне представляется, – писал он, – что этот кризис может иметь лишь два исхода: либо нас ожидает судьба динозавров, когда-то бывших властителями Земли, либо энергия, талант, ВОЛЯ человечества как единого целого найдут и утвердят качественно новые формы своей жизни в составе нашей биосферы. <...> Третьего исхода не дано!» [Моисеев, 2000: 25].

В этой связи очень интересны эмпирические факты. Так, по состоянию на 29 января 2022 г. население мира составляет примерно 7,923 млрд человек¹⁰. Около 4 млрд человек живут в крайне неблагоприятных экономических условиях или находятся под угрозой стихийных бедствий или войн¹¹. Около 1,3 млрд человек остаются бедными, а около 700 млн голодают¹². По прогнозам ООН, к 2037 г. население планеты увеличится почти до 9 млрд¹³.

Демографический взрыв, таким образом, особенно наглядно демонстрирует, что благополучие человека по-прежнему чрезвычайно сильно зависит от физических и биологических ресурсов Земли.

⁸ von Weizsäcker E.U., Wijkman A. Op. cit. P. 3. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 27.12.2021).

⁹ GLOBAL CONSUMPTION DATA for INCLUSIVE BUSINESS. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/c6b8cace-e7b3-4d05-b693-dc4767aa289/ConsumptionDataBrochure_May2015.pdf?MOD=AJPERES&CVID=IKbEyVR (дата обращения: 25.12.2021).

¹⁰ Worldometer. Population. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/> (дата обращения: 29.01.2022).

¹¹ von Weizsäcker E.U., Wijkman A. Op. cit. P. v. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

¹² Making Peace... P. 21. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 20.12.2021).

¹³ Worldometer. Population. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/> (дата обращения: 15.12.2021).

Благодаря экологии мы теперь знаем, какие серьезные риски связаны с бездумным потреблением материальных благ. Важную роль в этом процессе играет потребительская идеология, стимулирующая бесконечное потребление в ущерб развитию постматериалистических интересов. Как известно, важнейшим компонентом консьюмеризма является фетишизированная идея потребления: чем больше человек потребляет товаров и услуг, тем более он успешен, респектабелен и счастлив. По сути дела, потребление стало не только процессом использования продуктов и услуг для удовлетворения жизненных потребностей человека, но и способом утверждения и повышения его социального статуса.

В этом контексте очень печальное впечатление производят статистические данные о нерациональном использовании природных ресурсов, о стремительном загрязнении окружающей среды, об антиэкологичном отношении человека к природе.

В XX в. потребление стали на душу населения выросло в 4 раза, меди – в 5 раз, бумаги – в 7 раз, бетона – в 16 раз, пластмасс – в 20 раз. В начале 1990-х гг. количество кондиционеров в жилищах увеличилось в сравнении с 1950 г. в 4,7 раза (с 15 до 70%), цветных телевизоров – в 9,5 раза (с 10 до 95%) [Лукьяненко и др., 2009: 154].

Если посмотреть на проблему гипертрофированного потребления с цифровой точки зрения, то в этой сфере рыночная экономика добилась весьма впечатляющих результатов. По состоянию на 29 января 2022 г. Интернетом пользуются примерно 5,189 млрд человек во всём мире¹⁴. Цифровая революция открывает поистине безграничные возможности в области чувственного искусства и чувственного наслаждения, и это дает новый мощный импульс развитию чувственной культуры и потребительской психологии. Например, по данным на конец марта 2020 г., в мире было продано 1 560 000 000 игровых консолей за все время их существования¹⁵. Только в 2021 г. на компьютерные игры было потрачено 180,3 млрд долларов¹⁶. Следовательно, потребительский ажиотаж и чувственные забавы в новой, электронной форме необычайно популярны. В этой ситуации перспективы экологической этики весьма невелики: только 12% россиян считают, что каждый должен существенно сократить потребление различных ресурсов для борьбы с глобальным потреблением¹⁷.

Согласно докладу Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), 17% всех производимых продуктов питания выбрасывается. Причем 11% от общего количества приходится на домашние хозяйства. Каждый житель Земли выкидывает в год 121 кг продуктов, из них 74 кг – у себя дома. В ресторанах и магазинах выбрасывается 17% всех продуктов¹⁸.

В 1950 г. в мире производилось более 2 млн т пластика в год. К 2015 г. эта годовая добыча выросла до 419 млн т, примерно 11 млн т пластика ежегодно попадает в океаны¹⁹. Ежегодно в мировые воды попадает до 400 млн т тяжелых металлов, растворителей, токсичных осадков и других промышленных отходов²⁰.

¹⁴ Worldometer. Population. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/> (дата обращения: 29.01.2022).

¹⁵ Ходаковский К. За всю историю было продано 1,56 млрд игровых консолей, и PS2 остаётся абсолютным лидером. 26.05.2020 // 3DNews Daily Digital Digest. URL: <https://3dnews.ru/1011873/> (дата обращения: 09.10.2021).

¹⁶ Компьютерные и видеоигры (мировой рынок) // Tadviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_\(мировой_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_(мировой_рынок)) (дата обращения: 29.01.2022).

¹⁷ Жизнь после Греты Тунберг, или потребление на фоне глобального потепления. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskiy-doklad/zhizn-posle-grety-tunberg-ili-potreblenie-na-fone-globalnogo-potepleniya> (дата обращения: 27.12.2021).

¹⁸ Доклад ООН: каждый год на Земле выбрасывается почти 1 миллиард тонн еды // Новые известия. 05.03.2021. URL: <https://newizv.ru/news/world/05-03-2021/doklad-onn-kazhdyy-god-na-zemle-vybrasivaetsya-pochti-1-milliard-tonn-edy> (дата обращения: 26.10.2021).

¹⁹ The Biggest Environmental Problems of 2021. 14.09.2020. URL: <https://earth.org/the-biggest-environmental-problems-of-our-lifetime/> (дата обращения: 26.07.2021).

²⁰ Making Peace... P. 24. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 20.12.2021).

В целом загрязнение окружающей среды вызывает около 9 млн преждевременных смертей ежегодно и еще миллионы умирают от других рисков для здоровья, связанных с окружающей средой²¹.

Средняя приповерхностная температура Земли уже повысилась более чем на 1 °C по сравнению с периодом с 1850 по 1900 год. При нынешних темпах потепление достигнет 1,5 °C примерно к 2040 г.²²

По оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата, с 1750 по 2011 г. совокупный объем антропогенной эмиссии CO₂ в атмосферу составил 2040 (±310) млрд т. Половина этого количества пришлось на последние полвека. Часть выбросов (около 40%) остается в атмосфере, вызывая существенное повышение концентрации углекислоты – основной причины глобального потепления, провоцирующего изменение климата²³.

В то же время наблюдается быстрый рост количества стихийных бедствий и природных катастроф. Так, за период с 1980 по 2020 г. наибольшее количество стихийных бедствий на планете приходилось на метеорологические – 44,4%, гидрологические – 21,8%, геофизические – 19,7%, климатологические – 14,1%, причем тенденция к увеличению их масштабов совершенно очевидна [Кузьмин, 2021: 19].

Эксперты считают, что «глобальное потепление более чем на 2 °C в сочетании с продолжающейся потерей биоразнообразия и увеличением загрязнения, вероятно, будет иметь для человечества ужасные последствия»²⁴.

Последствия глобального экологического кризиса. В условиях глобального экологического кризиса жизнедеятельность людей подвергается негативному воздействию нарастающих рисков и опасностей.

В 2017 г. около 2,2 млрд человек не имели доступа к безопасной питьевой воде и более 4 млрд человек – к безопасной санитарии. В совокупности эти лишения стали причиной примерно 8% всех смертей среди детей в возрасте до 5 лет²⁵. К 2025 г. две трети населения мира могут столкнуться с нехваткой воды²⁶.

Ежегодно диарейные заболевания, в основном вызываемые загрязненной фекалиями водой, приводят примерно к 1,7 млн смертей, многие из которых – дети в возрасте до 5 лет в странах Африки к югу от Сахары и Южной Азии²⁷.

По состоянию на 29.01.2022 г. число зараженных коронавирусом в мире составляет 371 133 931 человек, из них выздоровело 292 916 371 и погибло 5 669 970 человек²⁸. По предварительным оценкам, экономический ущерб, вызванный пандемией COVID-19, будет измеряться от триллионов до десятков триллионов долларов²⁹.

С середины XX в. по крайней мере 40% всех внутригосударственных конфликтов были связаны с эксплуатацией природных ресурсов. В настоящее время по всей планете

²¹ Making Peace... Р. 94. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 25.12.2021).

²² Там же. Р. 22.

²³ Climate Change 2014. Synthesis Report. URL: https://epic.awi.de/id/eprint/37530/1/IPCC_AR5_SYR_Final.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

²⁴ Making Peace... Р. 15. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 15.12.2021).

²⁵ Там же. Р. 90.

²⁶ The Biggest Environmental Problems of 2021. 14.09.2020. URL: <https://earth.org/the-biggest-environmental-problems-of-our-lifetime/> (дата обращения: 18.12.2021).

²⁷ Making Peace... Р. 93. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 25.12.2021).

²⁸ Worldometer. Coronavirus. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/> (дата обращения: 29.01.2022).

²⁹ Making Peace... Р. 94. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 25.12.2021).

происходит более 2500 конфликтов из-за таких ресурсов, и по меньшей мере 1000 экологических активистов и журналистов были убиты в период с 2002 по 2013 г.³⁰

Таким образом, основательные научные факты подтверждают, что именно глобальный экологический кризис – главная экзистенциальная угроза для человеческого рода, беспрецедентный вызов устойчивому развитию земной цивилизации. Эмпирические факты свидетельствуют о том, что глобальная экологическая катастрофа – наиболее вероятная историческая перспектива человечества. Ученые с грустью констатируют, что международному сообществу не удалось достичь ни одной из целей по защите природных ресурсов и ограничению вредных изменений в окружающей среде, хотя эти цели основаны на науке и посредством консенсуса установлены в многосторонних соглашениях, посвященных решению экологических проблем³¹.

Исторические альтернативы глобальной бифуркации. Экономические, социальные и экологические риски и кризисы могут спровоцировать нелинейный процесс глобальной бифуркации. Мир, видимо, уже вступает в эпоху глобальной бифуркации, но её исторические альтернативы пока довольно смутны, тем более что в точке бифуркации возникнут новые аттракторы, причем совершенно неожиданно, и поэтому возможности научного предвидения здесь весьма ограничены. Как утверждает В. Стил, «фундаментальная неопределенность – одно из основных условий жизни нашего вида» [Стил, 2012: 353]. Тем не менее один из бифуркационных вариантов – глобальный экологический кризис – более чем очевиден, хотя его различные вариации, конечно, нуждаются в дополнительных научных исследованиях. Планетарный экологический кризис является беспрецедентной флуктуацией, которая вызовет аномально большие нелинейные глобальные последствия. При этом предвидеть конкретную комбинацию исторических альтернатив в точке бифуркации невозможно, но можно представить их широкий спектр, причем многие из них окажутся промежуточными, не играющими самостоятельной роли или существующими лишь как временный источник хаоса [Ельчанинов, 2019, т. 2: 34]. Некоторые из этих промежуточных аттракторов будут губительны для всего человечества, а другие вызовут лишь локальные следствия, хотя тоже трагические. В целом глобальная бифуркация будет развиваться как экзистенциальная трагедия человечества, имеющая всемирно-историческое значение. Человечество, по-видимому, бессильно остановить процесс глобальной бифуркации, но может предупредить или, по крайней мере, смягчить наиболее разрушительные её следствия. В этой драматической ситуации особенно нужны знания, объясняющие, почему и как происходит глобальная бифуркация. Если мы будем знать особенности и тенденции глобальной бифуркации, то мы сможем лучше подготовиться к ней и более или менее компетентно ответить на её вызов. Прежде всего, мы можем уменьшить ущерб от процессов глобальной самодезорганизации, используя научные знания в интересах человека и природы.

Без всякого сомнения, человечество столкнется с множеством планетарных угроз и рисков, и глобальные процессы в бифуркационную эпоху приобретут катастрофический характер. На мой взгляд, в точке бифуркации, в момент кульминации всех трансформационных процессов, рисков и кризисов, возможны четыре основных бифуркационных сценария: 1) глобальная экологическая катастрофа и гибель земной цивилизации и человеческого рода; 2) глобальный экологический кризис, вызывающий долговременную деградацию человечества и социальный регресс с непредсказуемыми последствиями; 3) мировая ракетно-ядерная война и гибель человечества; 4) глобальная гуманистическая и инклюзивная перестройка мирового социума (экологическая трансформация, например, реализация Целей устойчивого развития) и его выход на новую траекторию устойчивого социально-экологического и исторического развития.

³⁰ Making Peace... P. 25. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34948/MPN.pdf?sequence=3> (дата обращения: 15.12.2021).

³¹ Там же. P. 22.

Первый бифуркационный сценарий – глобальная экологическая катастрофа – характеризуется тем, что мировой социум, переживающий общепланетарный экологический кризис, внезапно окажется в точке бифуркации, в которой начнется нелинейный процесс макросоциальной самодезорганизации, затрагивающий буквально все страны и народы мира. Согласно точке зрения Н.Н. Моисеева, в результате глобального экологического кризиса биосфера нашей планеты становится крайне неустойчивой, так как антропогенная нагрузка на неё уже подходит к критическому порогу, и в точке бифуркации биосфера как нелинейная система внезапно, скачком изменит свои основные, существенные характеристики [Моисеев, 1998: 250]. Фундаментальная отличительная особенность глобального экологического кризиса заключается в том, что он будет трансформироваться в глобальную катастрофу невероятно быстро, и этот неожиданный бифуркационный скачок вызовет необратимые общепланетарные смертоносные катаклизмы. В новой, пост-бифуркационной биосфере род человеческий уже не сможет существовать физически. В антропологическом аспекте это будет гибель человека как биологического вида *homo sapiens*. В конечном счете глобальная экологическая катастрофа станет трагическим финалом социокультурного, исторического и биологического существования человечества.

Второй бифуркационный сценарий – долгосрочная деградация мирового социума – подразумевает глобальный экологический кризис, порождающий долговременные негативные последствия. Этот вариант вполне вероятен, если человечество в силу разных причин недооценит системные факторы глобальной катастрофы. В этом случае кризисное общество будет двигаться по направлению к глобальной катастрофе, но большинство людей, живущих локальными заботами, так и не поймут, что в современном мире возникли общепланетарные проблемы. Ситуация будет также осложняться тем, что их индивидуальный и коллективный опыт, закреплённый в исторической памяти, до сих пор связан только с локальными кризисами. Например, большинство россиян (68%) оценивают экологическую ситуацию в своем регионе как удовлетворительную и хорошую³², более того, 40% считают, что глобальное потепление является надуманной и раздутой проблемой³³.

Однако объективная социальная реальность развивается по своей логике, и стремление масс к гедонистическому существованию не может остановить глобальные кризисные процессы, перерастающие в длительный социальный регресс. Скорее всего, будут приниматься половинчатые меры, способные предупредить глобальную катастрофу, но не социальный регресс. Если не будет остановлена деградация окружающей среды, риски для нормальной и стабильной жизни людей будут неуклонно расти. Именно планетарный экологический кризис разрушит сложную нелинейную динамику современного общества, но в конечном итоге все это трансформируется не в катастрофу глобального масштаба, а в процесс долговременной деградации человечества. Люди неизбежно столкнутся с различными катастрофическими явлениями: нехваткой земли, воды, голодом, хаотической погодой, резкими колебаниями температуры воздуха, пожарами, таянием ледников, подъемом уровня Мирового океана, затоплением огромных прибрежных территорий, стихийной миграцией пострадавших и т.д. В этих условиях часто будут случаться локальные войны, вызванные истощением природных ресурсов и ожесточенной борьбой за их остатки. Без всякого сомнения, «война всех против всех» будет сопровождаться масштабным уничтожением инфраструктуры земной цивилизации. Однако в целом биосфера сохранит свои прежние параметры, отвечающие возможности биологического существования человеческого рода.

Третий бифуркационный сценарий – мировая ракетно-ядерная война – зависит от множества случайностей, но опыт новейшей истории показывает, что до сих пор

³² Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu> (дата обращения: 27.12.2021).

³³ ВЦИОМ: около 40% опрошенных россиян назвали глобальное потепление надуманной проблемой. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7846251> (дата обращения: 27.12.2021).

человечеству хватало благоразумия избежать ядерного самоуничтожения. Однако ситуация радикально изменится в условиях отчаянной борьбы за истощенные ресурсы планеты. Ракетно-ядерная война вполне вероятна в случае, если глобальная бифуркация начнет развиваться по сценарию долговременной деградации человечества. Тогда ядерное оружие, имеющееся у ряда государств (Россия, США, Франция, Китай, Британия, Пакистан, Индия, Израиль, Северная Корея), может быть использовано для защиты своей территории от огромных миграционных потоков из стран, которые сильно пострадали от наводнений, голода или пожаров, либо для защиты своих природных ресурсов от агрессивных притязаний других государств.

Четвертый стратегический сценарий – экологическая трансформация. Планета Земля, чьи ресурсы конечны, исчерпаемы, имеет объективные пределы для растущего человечества, и этот экзистенциальный вызов пока остается без адекватного ответа, поскольку существующая ныне парадигма эгоцентрического выживания локальных обществ не в состоянии обеспечить консенсуальное научное решение планетарных проблем современности. Экологическая трансформация – это сверхсложный глобальный трансформационный процесс, который потребует от современного человечества и каждого из нас беспрецедентных интеллектуальных, технологических, духовных и моральных усилий. В этом сценарии глобальная бифуркация трансформируется в системную универсальную перестройку мирового сообщества, небывалую по своему масштабу и не имеющую аналогов во всемирной истории. В мировоззренческом аспекте макросоциальные преобразования будут базироваться на новом экологическом сознании, новом планетарном мышлении, новой экологической этике, новых ценностях и новых структурах, адекватных глубокой перестройке современного общества в целях устойчивого развития человечества. В точке бифуркации основой новой, эколого-гуманистической цивилизации будет доминирующая структура-аттрактор в форме широкого альянса экологических объединений, организаций, партий и движений, интегрированных в процессе кардинального преобразования мирового социума и поддержанных национальными государствами. В то же время промежуточные аттракторы, конкурирующие с экологическим движением, будут непрерывно генерировать социальный хаос на микро- и макроуровнях. В условиях неопределенности и хаоса может показаться, что в бифуркационный период промежуточные аттракторы появляются внезапно и в большом количестве, но на самом деле реальная борьба идет, как правило, между двумя основными аттракторами, один из которых станет доминирующей структурой-аттрактором [Ельчанинов, 2019, т. 2: 33–34]. Наиболее вероятным результатом глобальной бифуркации, если она осуществится в форме глобальной гуманистической и инклюзивной перестройки мирового социума, окажется, видимо, вариант ноосферы [Вернадский, 2004]. По логике В.И. Вернадского, ноосфера – закономерный этап развития биосферы, когда решающим фактором её эволюции становится человечество, его научная мысль как новая мощная геологическая сила. Человечество и биосфера могут гармонично развиваться только благодаря научно-рациональной деятельности человека, основанной на знаниях законов глобальной экологии.

Таким образом, вариант ноосферы представляет собой наиболее рациональный и гуманный способ разрешения планетарных проблем, характерных для капиталистического развития человечества на современном этапе. Несмотря на эскалацию рисков и угроз глобального катаклизма, у человека, благодаря научным знаниям, инновационным экологическим технологиям, цивилизационному опыту и экологической этике, всё ещё сохраняется минимальный шанс найти адекватный и гармоничный путь исторического движения в будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
фон Вайцзеккер Э.У., Харгроув К., Смит М. и др. Фактор 5. Формула устойчивого роста: доклад Римскому клубу. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013.

- Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т Гайдара, 2015. С. 23–60.
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р.К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Дерлугьян Г. Чем коммунизм был // Есть ли будущее у капитализма? / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т Гайдара, 2015. С. 156–215.
- Ельчанинов М.С. Российский социум: структуры, хаос, катастрофы. В 2 т. Т. 1. М.: Русайнс, 2019.
- Ельчанинов М.С. Российский социум: структуры, хаос, катастрофы. В 2 т. Т. 2. М.: Русайнс, 2019.
- Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т Гайдара, 2015.
- Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Европа, 2011.
- Калхун К. Что грозит капитализму сегодня? // Есть ли будущее у капитализма? / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т Гайдара. 2015. С. 216–265.
- Коллинз Р. Средний класс без работы: выход закрывается // Есть ли будущее у капитализма? / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т Гайдара. 2015. С. 61–112.
- Кузьмин Б.С. Опасные природные процессы – глобальная угроза // Век глобализации. 2021. № 2. С. 17–29.
- Ласло Э. Точка хаоса. Скрытые возможности кризиса. М.: ИГ Вест, 2011.
- Лукьяненко В.И., Хабаров М.В., Лукьяненко А.В. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2(4). С. 149–159.
- Манн М. Конец, может быть, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т Гайдара, 2015. С. 113–155.
- Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя / Пер. с англ. Е.С. Оганесян; под ред. Н.П. Тарасовой. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012.
- Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.
- Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Смил В. Глобальные катастрофы и тренды: Следующие 50 лет. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
- Cohen R., Kennedy P. Global Sociology. 3rd Ed. Palgrave Macmillan, 2013.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Beyond the Limits: confronting global collapse, envisioning a sustainable future. Vermont: Chelsea Green Publishing Company, 1992.

Статья поступила: 12.01.22. Финальная версия: 29.01.22. Принята к публикации: 21.02.22.

THE ERA OF GLOBAL BIFURCATION: PLANETARY PROBLEMS AND HISTORICAL ALTERNATIVES

ELCHANINOV M.S.

Russia

Mikhail S. ELCHANINOV, Dr. Sci. (Philos.), Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Togliatti, Russia (79608493056@yandex.ru).

Abstract. The author develops the concept of global bifurcation shaped by a number of dangerous planetary factors, primarily by ecological crisis of mankind. The analysis showed that global bifurcation is objectively inevitable and the option of a general planetary catastrophe is most likely. Nevertheless, in general, historical alternatives still remain uncertain, contradictory, unclear, thus allowing us to hope that humanity still has a fragile chance for future development in the post-bifurcation period. From the standpoint of the structural-synergetic theory of sociodynamics and taking into account new empirical data, the general planetary problems and historical alternatives of the era of global bifurcation are clarified and analyzed. According to the author, four bifurcation scenarios are possible: 1) Global ecological catastrophe, the death of mankind; 2) Global ecological crisis, long-term degradation of mankind and social regression; 3) Global nuclear-missile catastrophe, the death of mankind; 4) Restructuring of world society and its entry onto the trajectory of sustainable historical development.

Keywords: global crisis, the era of global bifurcation, planetary problems of the bifurcation era, global ecological crisis, historical alternatives to global bifurcation.

REFERENCES

- Beck U. (2000) *Risk society. On the way to another modern*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Calhoun K. (2015) *What threatens capitalism today?* In: *Does capitalism have a future?* Ed. by G. Derlugyan. Moscow: In-t Gaidara: 216–265. (In Russ.)
- Cohen R., Kennedy P. (2013) *Global Sociology*. 3rd Ed. Palgrave Macmillan.
- Collins R. (2015) *The middle class without a job: the exit is closing*. In: *Does capitalism have a future?* Ed. by G. Derlugyan. Moscow: In-t Gaidara: 61–112. (In Russ.)
- Derlugyan G. (2015) *What communism was*. In: *Does capitalism have a future?* Ed. by G. Derlugyan. Moscow: In-t Gaidara: 156–215. (In Russ.)
- Does capitalism have a future?* (2015) Ed. by G. Derlugyan. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Elchaninov M.S. (2019) *Russian society: structures, chaos, catastrophes*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Rusains.
- Elchaninov M.S. (2019) *Russian society: structures, chaos, catastrophes*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Rusains.
- Kuzmin B.S. (2021) Dangerous natural processes – a global threat. *Vek globalizatsii* [The age of globalization]. No. 2: 17–29. (In Russ.)
- Laszlo E. (2011) *Point of Chaos. The hidden possibilities of the crisis*. Moscow: IG Ves'. (In Russ.)
- Lukyanenko V.I., Khabarov M.V., Lukyanenko A.V. (2009) Homo Consumens – a person consuming *Vek globalizatsii* [The age of globalization]. No. 2(4): 149–159. (In Russ.)
- Mann M. (2015) *The end may be near, but for whom?* In: *Does capitalism have a future?* / Ed. by G. Derlugyan. Moscow: In-t Gaidara: 113–155. (In Russ.)
- Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. (2012) *Limits of growth: 30 years later*. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy. (In Russ.)
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. (1992) *Beyond the Limits: confronting global collapse, envisioning a sustainable future*. Vermont: Chelsea Green Publishing Company.
- Moiseev N.N. (1998) *Parting with simplicity*. Moscow: Agraf. (In Russ.)
- Moiseev N.N. (2000) *The Fate of Civilization. The Path of Reason*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
- Smil V. (2012) *Global Catastrophes and Trends: The Next 50 Years*. Moscow: AST-PRESS KNIGA. (In Russ.)
- Vernadsky V.I. (2004) *Biosphere and noosphere*. Preface by R.K. Balandin. Moscow: Iris-press. (In Russ.)
- Wallerstein I. (2015) Structural crisis, or Why Capitalists may consider capitalism unprofitable. In: *Does Capitalism have a future?* Ed. by G. Derlugyan. Moscow: Gaidar Institute: 23–60. (In Russ.)
- von Weizsacker E.U., Hargrope C., Smith M. et al. (2013) *Factor 5. The Formula for Sustainable Growth: a report to the Club of Rome*. Moscow: AST-PRESS KNIGA. (In Russ.)
- Zizek S. (2011) *Reflections in red: a Communist view of the crisis and related subjects*. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Received: 12.01.22. Final version: 29.01.22. Accepted: 21.02.22.

© 2022 г.

А.Л. АНДРЕЕВ

РЕФОРМАТОР ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ: ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор ВГИК и НИУ МЭИ, Москва, Россия (sympathy_06@mail.ru).

Аннотация. В ряду наиболее значительных деятелей российской истории россияне особенно выделяют Петра Великого. На протяжении длительного времени социологические исследования, посвященные аспектам исторической памяти российского общества, неизменно показывают, что россияне оценивают его историческую роль выше исторической роли любого из последующих государственных деятелей России, включая тех, кто руководил страной в советское время. По сути дела, образ Петра Великого воспринимается россиянами как парадигмальный образ успешной власти, соответствующей своему назначению. Данный факт очень важен для понимания особенностей российской социальной и политической ментальности и в силу этого нуждается в серьезном осмыслении, чему посвящена предлагаемая вниманию читателя статья, основанная на анализе социологических данных разных лет. Автор статьи задается вопросом, что именно привлекает россиян в «славных делах» Петра Великого, и отвечает на него, сравнивая восприятие этой грандиозной исторической фигуры с выявленными при помощи социологического зондирования коллективными оценками запечатлевшихся в исторической памяти российского общества образов других видных деятелей давнего и недавнего прошлого. Особое внимание уделяется сопоставлению Петра-реформатора с реформаторами последующих эпох, в том числе с претендовавшими на символическую связь с петровскими преобразованиями «молодыми реформаторами» 1990-х гг. В ходе этого анализа раскрывается многоплановая семантика образа Петра Великого. Особое внимание уделяется так называемому «просвещению Петрову» (выражение М.В. Ломоносова). Автор доказывает, что доминирующее положение образа Петра Великого в нашей исторической памяти можно объяснить общей созвучностью современной российской ментальности той иерархии ценностей, которые в ходе Петровского просвещения утверждались в качестве приоритетных публичных ценностей и которые в конечном счете определили специфически российскую модель модерна и модернизации.

Ключевые слова: Петр I • историческая память • образы истории • массовое сознание • российский менталитет • «просвещение Петрово» • модель социального развития

DOI: 10.31857/S013216250018468-7

Историческая память в контексте социально-политического развития. Историческая память избирательна, прихотлива и не отличается беспристрастностью. Далеко не все значимые для своего времени фигуры остаются в исторической памяти на срок, превышающий продолжительность жизни одного-двух поколений. Однако из этого правила есть исключения, и как раз они представляют особый интерес, поскольку указывают на ценностные установки и смысловые доминанты, характеризующие данный менталитет социального сообщества. При этом надо учитывать, что запечатленные в исторической памяти образы

различаются по функциям и модальности. Ибо одни из них имеют лишь символическое, иной раз чисто мемориальное, значение, другие включены в контексты практик и в значительной мере определяют доминирующие в обществе ценностные установки, представления о должном и критерии оценки наличной действительности. В свое время, обосновывая концепцию «мнемоистории» как научной субдисциплины, Я. Ассман писал, что прошлое как бы преследует настоящее, тогда как настоящее, в свою очередь, не просто «принимает» то, что уже произошло, состоялось, было, но «изобретает», «конструирует» свое прошлое в соответствии с определенной повесткой дня [Assman, 1998]. Не будет, однако, преувеличением сказать, что прошлое преследует и будущее, которое, по крайней мере, отчасти, реализуется как продолжение прошлого и его своеобразная проекция.

А что, если взглянуть на эту проблему с социологической точки зрения? Тогда мы могли бы сказать, что диалог с историей является одним из условий развития всякого общества, обладающего технологией фиксации исторической памяти – например письменностью. Эмоциональная связь с прошлым выступает как мощный источник мотивации, что особенно наглядно проявляется в отношении людей к предметам национальной гордости и героическим фигурам национальной истории. Полагаем, в этом контексте можно говорить о *парадигмальных образах исторической памяти*, состав которых постепенно обновляется, но сохраняет и преемственность, характеризующую особенности развития стран и народов. Эти парадигмальные образы логично рассматривать как составную часть смысловых структур, которые в ряде новейших исследований характеризуют как «ядро» [Юревич, 2013: 1088] ментальности.

Петр Великий в массовом сознании: результаты эмпирических исследований. Почтение образа Петра Великого имеет у нас очень глубокие корни. В «Публичных чтениях о Петре Великом», приуроченных к 200-летию со дня его рождения, знаменитый историк С.М. Соловьев дал этому вполне социологическое объяснение: Петровские преобразования ознакомили собой историческое взросление российского общества, его закономерный переход от той стадии, когда в коллективной жизни народа преобладает стихия чувства, к эпохе, когда его жизнь устроивается по законам разума [Соловьев, 1984]. Конечно, отношение к Петру Великому не оставалось неизменным: екатерининские вельможи, славянофилы и западники середины XIX в., либералы и консерваторы разных толков или, к примеру, советские историки, писатели, кинематографисты разных периодов существования СССР воспринимали как его самого, так и его эпоху неодинаково. И это естественно, поскольку, говоря словами Я. Ассмана, восприятие истории отражает актуальную повестку дня. Однако, если не считать сравнительно короткого периода после Октября, когда историческое наследие имперской России подвергалось огульному очернению с позиций вульгарно понимаемого «классового подхода», все оценки «славных дел Петра» сходились в признании исключительности его личности и грандиозности предпринятых им преобразований.

Судить о восприятии исторической фигуры Петра Великого вплоть до конца 1980-х гг. можно лишь косвенно – прежде всего по тому, как данная тема подавалась в разного рода публикациях и художественных произведениях. Но с конца 1980-х гг. появляются эмпирические данные, раскрывающие содержание коллективной исторической памяти. На исходе советской эпохи имя Петра входило в тройку самых популярных исторических имен – сразу после культовых в те времена Ленина и Маркса [Советский..., 1993: 169–179]. При этом надо учитывать, что данные, на которые мы ссылаемся, относятся ко всему СССР. Но поскольку для россиян имя Петра отзывается в душе заведомо сильнее, чем, например, для населения Средней Азии, можно предположить, что непосредственно в России оно и тогда было по крайней мере равнозначно «вождям мирового пролетариата». В опросах середины 1990-х гг. фигура Петра оттесняет в исторической памяти россиян советских лидеров, включая Ленина, а в числе периодов отечественной истории, которыми наши граждане могут гордиться, большинство на первое место ставят эпоху Петровских преобразований [Россия на рубеже..., 2000: 13]. Восхищение «славными делами» Петра особенно сильно

проявлялось в «технократических» социальных группах – среди гуманитарной и технической интеллигенции, а также военных: у них эпоха Петровских преобразований вызывала чувство гордости на 7–12 п.п. чаще, чем в целом по выборке. И когда в ходе исследования, посвященного теме «русской мечты» (2013), нашим респондентам был задан вопрос о том, кого из деятелей русской истории можно назвать символом этой мечты, Петр Великий опять оказался бесспорным фаворитом [О чем мечтают..., 2013: 43–44].

Доминирование образа Петра Великого в поле нашей исторической памяти подтверждается результатами социологических опросов, проведенных в самое последнее время. Весной 2021 г., отвечая на вопрос, какое влияние (положительное/отрицательное) тот или иной из этих деятелей оказал на судьбы России, 62% опрошенных оценили историческую роль Петра I как безусловно положительную, 32% ответили, что в ней были как положительные, так и отрицательные стороны, и 3% присоединились к той точке зрения, что последствия его деятельности были в основном негативными¹. При этом царь-преобразователь вновь сильно выигрывал во мнении россиян не только у других правителей и крупных государственных деятелей Российской империи, но и у советских руководителей. Так, роль Ленина в отечественной истории безусловно позитивно оценили 27% опрошенных, а однозначно отрицательно – 20%; разность этих оценок в процентных пунктах составила скромные +7, тогда как у Петра она достигла весьма внушительного значения +59. Почти такой же результат мы получили и сравнивая Петра со Сталиным. Даже самый любимый народом советский лидер Л.И. Брежнев с результатом +24 сильно не дотянул до оценок, которые получил у наших респондентов основатель блистательной северной столицы – Санкт-Петербурга.

В данном случае мы имеем дело с весьма примечательным феноменом, анализ которого важен для как понимания характерологических особенностей политической психологии и социального мышления россиян, так и для оперативной диагностики ментальных состояний российского общества, прогнозирования его реакций на конкретные вызовы и проблемы, с которыми ему приходится сталкиваться.

Но не имеем ли мы здесь дело со специфическими абберациями сознания, возникновение которых объясняется влиянием идеологизированных исторических мифов? Долговременную тенденцию к мифологизации образа царя-реформатора, берущую начало в XVIII в. и получившую чрезвычайно яркое эстетическое оформление в народном фольклоре, литературе, изобразительных искусствах, театре, а впоследствии в кинематографе, действительно нельзя не заметить. Как, разумеется, и того обстоятельства, что возвышенно-героическая трактовка образа Петра Великого нередко бывала ответом на вполне определенные политические запросы.

На это можно обоснованно возразить, указав, что идеализация образа Петра имела в русской культуре и основательную альтернативу – начиная от распространенных при его жизни народных мифов о «подменном царе», царе-антихристе и кончая критическим осмыслением его личности и исторической роли в произведениях предоктябрьской и послеоктябрьской русской литературы («Петр и Алексей» Д.С. Мережковского, «Рассказ о Петре» Б. Пильняка, «День Петра», «На дыбе», «Петр Первый» А.Н. Толстого). Выбор, таким образом, был, но в конечном счете он был сделан все-таки в пользу образа великого человека – «отца Отечества».

Эта «народная» версия образа Петра Великого сложилась из разных элементов: «школьных» версий российской истории, научно-популярных публикаций, экскурсионных и музейных впечатлений, воплощений данного образа в литературе, изобразительном искусстве, на экране... Однако отбор и аранжировку этих элементов следует признать самостоятельным творчеством, и было бы ошибочно полагать, что это коллективное

¹ Данные всероссийского опроса, проводившегося в рамках исследования по проекту РНФ «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (рук. акад. М.К. Горшков).

творчество можно просто подменить манипулированием или произвольным конструированием обозначенного тем же именем, но содержательно все-таки другого образа, с иначе расставленными оценочными акцентами.

Сказанное не означает, что отрицательные стороны личности и царствования Петра составляют тайну. Кто не знает о судьбе царевича Алексея и его матери – царицы Евдокии, о преследованиях старообрядцев, о том, что Петербург построен на костях, об отвратительной жестокости «утра стрелецкой казни» и проч. и проч.! Однако доминирующий тренд массового сознания оставляет все это на периферии внимания, в сущности говоря, усматривая здесь то ли уступки государственной необходимости, то ли достойные сожаления частности. Как высказался об исторических заслугах Петра глубоко уважавший его Карамзин, «умолчим о пороках личных...» [Карамзин, 1991: 32]. И в данном случае умолчание само по себе достаточно симптоматично.

Образ Петра Великого в сравнительном контексте. Чем же именно россиян привлекает личность Петра I? И в то же время что делает его самой почитаемой фигурой российской истории, во всяком случае – среди длинной череды выдающихся государственных деятелей? Полагаем, что, отвечая на эти вопросы, мы в значительной степени продвинемся в понимании того, из каких смысловых компонентов складывается в сознании россиян образ власти, соответствующей своей идее, своему предназначению и, главное, характеру общества, которое она призвана возглавлять.

Самый простой ответ на поставленные вопросы первым приходит в голову: образ Петра Великого – это образ героя-победителя, укрепившего государство в борьбе с внутренними мятежами и, вопреки исключительно неблагоприятным начальным условиям, не только одолевшего самого сильного на тот момент внешнего врага России, но и превратившего ее в одну из ведущих европейских держав. С таким утверждением, разумеется, трудно не согласиться, однако нельзя признать его и исчерпывающим. В российской истории было немало еще более грандиозных и нелегко давшихся побед. И, как показывают результаты социологических исследований, всех, кто возглавлял страну во времена таких испытаний, россияне хорошо знают и в целом относятся к ним позитивно. Но все же Петра Великого они ставят значительно выше всех. Может быть, наших сограждан привлекает сочетание воинской славы с решительной ломкой устаревшего жизненного уклада, необходимого для того, чтобы совершить некий «рывок вперед»? Не будем спорить с тем, что в этом также может быть доля истины; однако отсюда вовсе не следует, что свойственная нашему национальному менталитету склонность увлекаться титанизмом свершений мешает нам ценить «мягкий» стиль реформирования или, допустим, процветание на фоне относительно стабильной повседневности. В подтверждение можно сослаться хотя бы на восприятие массовым сознанием «золотого века» Екатерины II, отмеченного не только громкими победами фельдмаршалов и адмиралов, но и развитием дворянского и городского самоуправления, созданием системы народных училищ, освоением Новороссии, в ходе которого закладывался фундамент мощной экономической базы империи на юге. Разность безусловно положительных и безусловно отрицательных оценок личности и правления Екатерины также очень велика (+40); это много выше, чем у всех, кто правил страной после нее (включая советский период), хотя по данному показателю ее рейтинг уступает рейтингу великого предшественника.

Разобраться в смысловой структуре образа Петра Великого и выявить, если можно так выразиться, семантику его притягательности нам поможет и сопоставление этого образа еще с одной значимой для россиян фигурой отечественной истории – великим князем киевским Владимиром Святым. Правда, на первый взгляд, между этими двумя историческими персонажами, как и между бытующими в массовом сознании представлениями о них, нет и не может быть практически ничего общего: все-таки их отделяют друг от друга без малого семь столетий – слишком уж большая хронологическая дистанция... И, казалось бы, лишь формально эти две фигуры объединяет тот факт, что, по результатам социологического зондирования исторического самосознания россиян, они

идут непосредственно друг с другом в списке наиболее почитаемых деятелей российской истории, в котором Владимир занял второе место – непосредственно после Петра I и перед Екатериной II. И все-таки данный факт нельзя отвести с порога, он заслуживает размышления – причем как раз в силу исторической отдаленности фигуры князя Владимира: ведь эмоциональная связь с персонажами столь далекого, «былинного», прошлого, как правило, не ощущается настолько живо и явственно, чтобы придавать им значимость, сопоставимую с деятелями Нового и Новейшего времени.

Да, правитель только принявшего христианство раннефеодального княжества и государь крупнейшей европейской державы эпохи раннего модерна представляют совершенно разные социально-исторические типы. Тем не менее их сближает одно исключительно важное обстоятельство, которое, полагаем, перевешивает по значению если не все остальное, то, по крайней мере, очень многое: мы имеем в виду способность верховной власти дать ответы на фундаментальные вызовы, с которыми в критические моменты своей истории сталкивалась Русь – Россия. В обоих случаях это были не просто чрезвычайно серьезные вызовы и очень сложные проблемы, но вызовы и проблемы экзистенциального порядка. С ними, по сути дела, невозможно было справиться, оставаясь в рамках сложившихся социальных и политических практик, культурных традиций и жизненных форм. Надо было находить и создавать принципиально новые исторические возможности, и верховная власть делала это, иницируя своего рода «цивилизационные реконструкции» русского (руського) и, соответственно, российского социума. В одном случае это крещение Руси и восприятие вследствие этого богатейшей греко-римской культурной традиции, а политически – присоединение к так называемому византийскому содружеству [Оболенский, 1998] (и шире – к христианскому миру в целом). Во втором случае это проект «просвещенной Европы», пересадка на русскую почву новоевропейской науки, превращение России в великую державу, развитие в рамках формирующейся на заре Нового времени техногенной цивилизации.

Следует ли из этого, что россияне по большей части отдают предпочтение той власти и тем ее носителям, которые с максимальной решимостью избавлялись от «груза прошлого», стремясь перенаправить развитие страны по пути, на который указывала «цивилизованная Европа». Как нам представляется, на этот вопрос нет однозначного ответа. В каких-то случаях, видимо, можно сказать «да», но это «да» отнюдь не является безоговорочным и абсолютным. Все зависит от исторического контекста, от представлений россиян о целях и мотивах того или иного исторического деятеля, а также, разумеется, от конечного результата его усилий. Если применительно к началу XVIII в. «прорубить окно в Европу» оценивается общественным мнением как титанический подвиг, то безоглядная вестернизация конца XX в. выглядит в глазах россиян как череда грубых ошибок. Показательно, что политические лидеры, возглавлявшие нашу страну в этот период, в том числе М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и Е.Т. Гайдар, воспринимаются общественным мнением как худшие во всей отечественной истории: доля симпатизирующих им респондентов не превышает 5–6%, а разность между однозначно положительными и безоговорочно отрицательными их оценками доходит до беспрецедентной величины: –55 п.п. (!).

В этой связи наталкивает на некоторые размышления пример из нашей недавней политической истории – избирательная технология созданного в поддержку ультралиберального курса Е. Гайдара избирательного блока «Выбор России» на выборах в I Государственную думу (1993). Поскольку инициаторы создания этого блока характеризовались в информационном поле как «молодые реформаторы», смысловым стержнем кампании должна была стать их самоидентификация с образом самого знаменитого российского реформатора – Петра I. В те дни на улицах и площадях российских городов на самых видных местах появились монументальные рекламные щиты «Выбора России» с изображением «Медного всадника», поднявшего на дыбы своего коня. Ассоциация была достаточно прозрачной – переключка реформаторов во времени: когда-то «Россию поднял на дыбы» Великий Петр, ныне же ее поднимает на дыбы форсированный переход

к рыночной экономике и политическому строю западного образца. И все, разумеется, во имя прогресса и преодоления нашей, отечественной отсталости от «цивилизованного мира»! Примечательно, однако, что этот, на первый взгляд, эффектный ход не помог добиться успеха, на который рассчитывали создатели «Выбора России»: в итоге этот избирательный блок получил 15,5% голосов и, уступив первое место ЛДПР, не смог завоевать большинство в Государственной думе. Это предвещало скорый закат счастливой звезды «молодых реформаторов» и их вытеснение с авансцены российской политики государственными деятелями иной формации.

Мы далеки от того, чтобы сводить причины этой неудачи к ошибкам политехнологов. Очевидно, несмотря на пропагандистские подкаски, россияне не соглашались видеть в команде Е. Гайдара ни отдаленных преемников царя-преобразователя, ни продолжателей его «славных дел» – одного лишь «Россию поднял на дыбы» с тем, чтобы увести ее на Запад, для этого оказалось совершенно недостаточно. И дело не в том, что российское общество начала 1990-х гг. (не сегодня; тогда настроения были другими!) так уж решительно отвергало реформирование в «петровском» стиле с присущей ему порывистостью и безудержностью, и даже не в безоговорочно прозападном курсе «молодых реформаторов», а, скорее, в ощущении содержательного несовпадения «смыслового дизайна» проводившихся на развалинах Советского Союза экономических и политических реформ с осуществлявшейся за три столетия до этого петровской «европеизации».

Принципиальные различия между Петром Великим и претендовавшими на его наследие позднейшими реформаторами следует искать в сфере идентичности. Понятно, что проводимые Петром преобразования формировали новую модель идентичности, ее религиозные аспекты отходили на задний план, уступая место светски-гражданским. Одновременно открывалась культурная граница с остальной Европой. При этом, однако, православную веру никто не отменял, Россия оставалась Россией, русские люди русскими: преемственность самоидентификации в полной мере сохранялась, и никто не требовал принять взамен или в дополнение к ней какую-то иную («пролетарскую», «общечеловеческую» и т.п.).

Да, при Петре многие руководящие должности в армии, на флоте, в промышленности, в государственном управлении заняли иностранцы. Тем не менее это были либо перешедшие в русское подданство и присягнувшие царю искатели удачи (многие из них, кстати, положили начало целым династиям российских моряков, ученых, промышленников), либо наемные специалисты – но отнюдь не командированные сюда «советники». И кстати, как бы нетерпеливо и бесцеремонно не действовал Петр, перестраивая и быт своих подданных, и их привычки, и внешний облик «на немецкий манер», он не заходил в этом плане за определенную, подсказанную практически умом черту. Как подчеркивал Карамзин, насаждение иноземных образцов ограничивалось «государевыми людьми», дворянством, мало затрагивая остальные слои населения. Это создавало в русской культуре своего рода «резервуар народности», существование которого оказывало специфическое и притом немалое влияние на самосознание европеизированного высшего сословия. Вообще же, несмотря на крайнюю импульсивность, Преобразователь чувствовал, что в тех вопросах, которые затрагивают смысловую основу идентичности, лучше вовремя остановиться и даже отступить. Так было, к примеру, в его отношениях со святителем Митрофаном Воронежским, много помогавшим строительству флота, но не стеснявшимся высказывать свое неодобрение по поводу некоторых перенимаемых царем западных обычаев. По сути дела, Петровская социокультурная модель допускала разные воплощения («изводы») российской идентичности – подобно тому, как допустимы диалекты и говоры в рамках языка (другой вопрос, что эти диалекты и говоры могут иметь неодинаковый социальный и культурный статус). При этом, впрочем, надо отметить, что идентичность «русских европейцев», ставшая одним из результатов «славных дел» Петра, быстро укоренилась и практически еще при его жизни стала для значительной части русского общества вполне органичной.

Обобщая, можно сказать, что Петр не рубил ствол дерева, а прививал к нему новые культурные побеги. И очевидный контраст с этим представляют претендовавшие на

преемственность с ним реформаторы 1990-х гг., которые, судя по всему, замысла Петра не поняли (или не захотели понять). Речь у них шла ни больше ни меньше, как о «сломе ядра русской культуры» [Ракитов, 1992], в которой захватившие власть радикалы видели основное препятствие на пути модернизации. Отсюда разительное различие в оценках этих исторических эпизодов, которое неизменно выявляется в ходе социологических опросов.

Что ценят россияне в наследии Петра I? Чем пристальнее мы вглядываемся в прошлое, тем яснее раскрывается то обстоятельство, что Петровские преобразования создавали открытое пространство развития, позволяя не только преодолеть отставание России от передовых государств того времени, но и создать стратегический потенциал, выводящий ее на уровень одной из ведущих мировых держав. А вот позднейшие попытки «подстегнуть» развитие России, радикально переформатируя российское общество и заставляя его полностью сменить систему ценностей и цивилизационные ориентиры, через 10–12 лет заводили процесс в тупик, заставляя открыто или негласно искать компромиссы с собственным прошлым. Так произошло, в частности, в послеоктябрьский период нашей истории: ограниченность социального и интеллектуального капитала новой власти вынуждала руководящую верхушку РКП(б) с начала 1930-х гг. заниматься нащупыванием относительно приемлемых идеологических формул, открывавших возможность соединения двух отрезков распавшегося в 1917 г. исторического времени и в несколько модифицированном виде восстанавливать некоторые дореволюционные традиции в быту, образовании, науке, художественной культуре, дипломатической службе и в армии. По схожей логике развивались события и в постсоветской России: экзальтированный разрыв с «проклятым прошлым» (советским) – «отмена» национальных интересов во имя единения с «цивилизированным Западом» – политическое отчуждение значительной части населения – активное сопротивление нововведениям, дошедшее в октябре 1993 г. до вооруженного противостояния, – управленческая беспомощность пришедших к власти прозападных «демократов» – стремительное обнищание населения – полный развал экономики, социальной сферы, науки и образования – дефолт – угроза распада страны – поиски компромиссов и консолидирующих формул... А затем – еще одна рокировка элит, выдавливание из политики антисоветски и антироссийски настроенных радикалов, выработка новой жизнеспособной модели развития за счет синтеза российских имперских традиций, советского опыта и идеологии умеренных либералов-государственников, которые вначале стояли на западнических позициях, но затем убедились в намерениях атлантического глобализма положить конец не только советскому эксперименту, но и существованию суверенной российской государственности.

Ни Петру Великому, ни его преемникам не понадобилось совершать такие возвратные движения. Да, первый император всероссийский часто действовал слишком жестко, его подходы к некоторым вопросам впоследствии надо было корректировать и нередко смягчать. Но смысл и направленность его начинаний обычно не приходилось пересматривать. Скажем, Анна Иоанновна (тоже достаточно жесткая правительница!), реагируя на настойчивые просьбы «полегчить» бремя тягостных петровских повинностей, сочла за благо отказаться от учебных разнарядок и разверсток, предоставив молодым дворянам свободу самостоятельного выбора образовательной траектории в зависимости от личных склонностей (Указ от 9 февраля 1737 г.). Тем не менее буквально накануне этого своим же Манифестом «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнении от оной» императрица совершенно определенно подтвердила ведущий принцип Петровской образовательной политики: быть «шляхтичам от 7 до 20 лет... в науке», после чего они обязаны были поступать на службу.

Постоянно занимаясь совершенно конкретными, часто и сугубо ситуативными задачами, Петр Великий сумел, однако, решить в итоге некую фундаментальную сверхзадачу – построить для вступавшей в эпоху модерна России обширное пространство развития, причем, как показала история, – на перспективу нескольких столетий. Была выработана совершенно особая модель развития, соединявшая в себе множественные заимствования из европейских практик как с российскими традициями и складывавшимися в российском

обществе тенденциями, так и с совершенно оригинальными решениями, подсказанными собственным практическим опытом и специфическими условиями обширной и суровой северной страны, населенной многими этносами.

Конечно же, подавляющее большинство наших сограждан не предаются сведению баланса заслуг и ошибок Петра I. Однако, судя по всему, они интуитивно ощущают в его деятельности некую близкую российской ментальности стратегическую идею, которая сохранила свое значение до наших дней. Мы полагаем, что в этой связи речь должна идти в первую очередь о двух вещах, на которые чрезвычайно сильно отзывается народное сознание.

Первое – это решительное продвижение меритократического принципа вертикальной мобильности. В феодальных и полufeодальных обществах данную линию невозможно было провести с абсолютной последовательностью – на практике в созданной Петром Великим империи принцип служебной годности переплетался с традиционным «принципом породы». Но все-таки первый из них потеснил второй с небывалой до того ни в России, ни в Европе степенью радикальности.

Второе – то, что М.В. Ломоносов охарактеризовал как «просвещение Петрово». Суть его не ограничивается чисто прагматическими соображениями подготовки технических кадров для флота, промышленности и государственного аппарата (к чему, заметим, нередко пытаются свести образовательный компонент петровских преобразований). И сам Петр, и другие деятели «просвещения Петрова» заботились не только об этом, но, как выразился в предназначенных для царя «Пропозициях» государев спальник и капитан гвардии Федор Салтыков, и о стяжании себе «умного имени». Особое значение в этом плане имел Указ от 28 января 1724 г. о создании в России Академии наук и художеств. При Петре образование и наука новоевропейского типа получают статус приоритетных публичных ценностей и особую символическую значимость, поддерживаемую авторитетом государя: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую»². По существу Петр заложил основы определенной модели развития, которой в самом общем плане будет придерживаться Россия на протяжении всей эпохи модерна, причем при разных социальных условиях и политических обстоятельствах. И, как показывает постоянное воспроизводство этой модели (разумеется, с периодическими модификациями), она в наибольшей мере соответствовала как объективному положению страны, так и ментальному складу ее населения.

В самом общем плане речь идет о характеристике российского социума как качественной своеобразной *социальной среды*. А.С. Хомяков в свое время подметил, что всемирная история может быть понята из своего рода пульсирующего напряжения противоположных начал, которые он называл иранством и кушитством. Если применить эту историософскую схему к социальной истории Нового времени, «кушитской» образующей процесса становления и развития так называемого «современного» общества (общества «модерна»/«модернити») было формирование и широкое распространение «расчетной» экономической рациональности, воплощениями которой стали и антропологический тип «экономического человека», и специфический предпринимательский индивидуализм, и потребительский гедонизм, и рынок. «Иранским» же источником модернизации послужила основанная на свободном поиске истины новая наука и ориентированная на науку образованность. Оба этих начала так или иначе представлены везде, где происходило превращение традиционных обществ в современные. Однако – в разной степени. Причем не только в смысле неодинаковости пропорций, в которых соединялись указанные элементы, но и в смысле диалектической антиномии между первичными и вторичными факторами социально-исторического развития, а также между творческой и репродуктивной сторонами социально-исторического развития. Можно, по-видимому, утверждать, что данная пропорция в значительной мере определяет место конкретной страны и присущего ей цивилизационного типа среди других стран и народов мира.

² Надпись на кольце Петра I.

Представим себе некую воображаемую условную шкалу, крайние точки которой будут соответствовать рассматриваемым двум началам в их чистом, ничем не разбавленном виде. Реальные же страны и культуры расположатся по всей соединяющей данные точки прямой, ближе то к одной, то к другой из них. Место России и российского цивилизационного типа на этой шкале определялось в первую очередь «героическим энтузиазмом» познания и самопознания, горячим стремлением «дойти до корня» наиболее значимых для человека и волнующих его вопросов. К ним, безусловно, относятся знаменитые «проклятые русские вопросы», носившие отчасти социально-этический, отчасти метафизический характер. Их можно дополнить и рядом проблем научного и даже научно-технологического плана. Эта черта неоднократно отмечалась разными авторами применительно ко всем социальным и культурным уровням национального психотипа – от напряженно ищущего правды простого крестьянина до просвещенного вельможи или вышедшего из крестьян академика. И эта черта в чем-то очень существенном объясняет весь «мотивационный фон» социальной истории России.

Уже история русского XVIII в. показывает немало примеров самоотверженного стремления наиболее активных социальных элементов к знанию, хотя основная масса населения (не исключая, между прочим, значительную часть дворянства и большинство купечества) долгое время оставалась в этом отношении весьма инертной, поскольку не видела в «просвещении» непосредственно житейской пользы. Однако по мере продвижения России по пути модернизации и эти слои начинали предъявлять все более активный запрос на знание, а затем и на доступ к интеллектуальной деятельности, к «высокой» культуре. В результате происходило превращение образования в системообразующий фактор развития общества, государства, национальной ментальности. Переломным моментом в ходе данного процесса следует считать 1880-е гг., когда неожиданно для правительства к запросу на образование, образованность и культуру стали присоединяться широкие крестьянские массы. На наш взгляд, именно с этого момента (не с 1917 г.) в России начинается подлинная культурная революция, нашедшая свое выражение в революции политической. Но кульминацией данного процесса, на наш взгляд, стало формирование в нашей стране в советский период ее истории весьма своеобразного типа социальности – «общества образования», которое заметно отличалось от современных ему западных обществ характером духовных интересов, ценностными приоритетами и моделями личностной самореализации [Андреев, 2011]. Соответственно ценностям «общества образования» россияне в значительной своей части смотрят и на историю – в том числе на фигуру Петра Великого, которого они воспринимают как правителя, положившего начало российской науке и, в более широком плане, становлению основанных на принципах научной рациональности форм национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Общество образования в России: трудности исторического становления // Педагогика. 2011. № 5. С. 81–93.
- Карамзин М.Н. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
- О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь Мир, 2013.
- Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология, рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.
- Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000.
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мир, Океан. 1993.
- Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.
- Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 12. С. 1083–1091.
- Assman J. *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1998.

Статья поступила: 20.01.22. Финальная версия: 30.01.22. Принята к публикации: 20.02.22.

REFORMER BEFORE THE COURT OF HISTORY: THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE COLLECTIVE MEMORY OF RUSSIANS

ANDREEV A.L.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Andrey L. ANDREEV, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof. VGIC and MPEI University, Moscow, Russia (sympathy_06@mail.ru).

Abstract. Among the most notable figures of Russian history, the Russians especially single out Peter the Great. For a long time, sociological studies devoted to various aspects of the historical memory in Russian society have consistently shown that Russians value his historical role above the historical role of any of the subsequent statesmen, including those who led the country in Soviet times. In fact, the image of Peter the Great is perceived by the Russians as a paradigmatic image of a successful government corresponding to its purpose. This fact is very important for understanding peculiarities of the Russian social and political mentality, and therefore needs serious reflection, which is the subject of the above article based on the analysis of sociological data of different years. The author of the article asks the question of what exactly attracts Russians to the “glorious deeds” of Peter the Great and answers it by comparing perception of this grandiose historical figure with the collective assessments of images of other prominent figures in both the ancient and recent past using methods of sociological probing. Special attention is paid to comparing Peter the Reformer with the reformers of subsequent eras, including the “young reformers” of the 1990s who claimed a symbolic connection with Peter’s transformations. In the course of this analysis, multifaceted semantics of the image of Peter the Great is revealed, but special attention is paid to the so-called “enlightenment Petrine” (an expression belonging to M.V. Lomonosov). The author proves that dominant position of Peter the Great’s image in our historical memory may be explained by a general sonority of the modern Russian mentality to the hierarchy of values that were established as priority public values during the Peter the Great’s Enlightenment and which ultimately determined the Russian model of modernity and modernization.

Keywords: Peter the Great, historical memory, images of history, mass consciousness, Russian mentality, “enlightenment Petrine”, model of social development.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2011) Society of Education in Russia: difficulties of historical formation of innovation. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 5: 81–93. (In Russ.)
- Assman J. *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1998.
- Karamzin M.N. (1991) *A Note on Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Rakitov A.I. (1992) Civilization, culture, technology, market. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 5: 3–15.
- Russia at the Turn of the Century*. (2000) Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Soloviev S.M. (1984) *Public Readings about Peter the Great*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- What Russians Dream about: Ideal and Reality*. (2013) Moscow: Ves’ mir. (In Russ.)
- Yurevich A.V. (2013) Basic components of the national mentality. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 83. No. 12: 1083–1091. (In Russ.)

Received: 20.01.22. Final version: 30.01.22. Accepted: 20.02.22.

© 2022 г.

РИСКИ И ИННОВАЦИИ ДЛЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Международная научно-практическая конференция «Риски человеческому капиталу научного сообщества в условиях пандемии COVID-19», посвященная анализу инновационного и исследовательского потенциала сетевых научных сообществ, вызовам образовательной и научно-просветительской деятельности в условиях пандемии на примере различных культур и регионов, состоялась 22 октября 2021 г. Организаторы – кафедра социологии совместно с Институтом международных исследований МГИМО (У) МИД России. В конференции приняли участие деятели науки из Австрии, Армении, Беларуси, Бразилии, Вьетнама, Израиля, Италии, Китая, Ливана, России, Франции и Чехии.

Доклады пленарного заседания были посвящены проблемам, резко обострившим вызовы научному сообществу и его человеческому капиталу на фоне амбивалентностей цифровизации в контексте пандемии COVID-19. Проф. **И. Шубрт** (Карлов ун-т, Чехия), анализируя институциональные трансформации в современном обществе, отметил тенденцию прекаризации научно-исследовательской деятельности, обусловленную, с одной стороны, развитием постакадемической, проектно-ориентированной науки, а с другой – усилившейся в условиях пандемии автономией научных коллективов и отдельных исследователей. Возможно, мы являемся свидетелями становления новых институциональных форм организации науки, соответствующих возможностям цифровых коммуникаций для установления гибких, подвижных, горизонтально ориентированных коллабораций вместо устойчивых, иерархически выстроенных коллективов, подчеркнул докладчик. Растущая прекаризация научной деятельности формирует необходимость в обновлении организационных и этических принципов работы, коммуникативных навыков и создает новые вызовы человеческому капиталу научного сообщества. Так, привычные для академического сообщества консервативные формы долгоживущих научных школ, обеспечивающих своим членам стабильные статусные позиции и доходы, на наших глазах сменяются необходимостью краудфандинга и постоянного поиска государственных и частных грантов.

Номинант Нобелевской премии мира, президент Открытого университета диалога цивилизаций **С. Фарах** (Ливан) подчеркнул, что сегодня политическая власть посредством новых способов воздействия и контроля проникает во все сферы общества, в том числе и в относительно автономную ранее область научных исследований. Благодаря использованию цифровых технологий политическая власть принимает диффузный характер, воспроизводя новые виды контроля над деятельностью ученых. Формальные алгоритмы цифровых устройств позволяют создавать сложно организованные многомерные системы иерархий и рейтингов, неочевидные и непрозрачные для самого объекта контроля, но обладающие в отношении него принудительной силой. Анализ действительности через осознание ценностного и культурного хаоса, множественности истин и полифонии смыслов может выступить в роли устойчивого «маяка», который проложит путь к гуманистически ориентированному устойчивому развитию общества.

Проф. **Д.Х. Луонг** (ИГУ ВАОН, Вьетнамский нац. ун-т в Ханое, Вьетнам) и **Д. Панарелло** (Болонский ун-т, Италия) отметили обострение противоречий между научными сообществами на фоне введения ограничительных мер для сдерживания распространения коронавируса: режим самоизоляции, проведение вакцинации, закрытие государственных границ, ограничивающее научные контакты, и др. Результаты последних исследований итальянских ученых свидетельствуют об обратной пропорциональной зависимости между степенью согласия общественности с ограничительными мерами и скоростью распространения коронавирусной инфекции среди итальянских граждан. Растущее недовольство в российском и ряде зарубежных научных сообществ связано с проблемой взаимного признания вакцин – ситуация, в которой введение «зеленых паспортов» обусловлено не только необходимостью обеспечения безопасности и сохранения здоровья граждан, но и столкновением экономических и политических интересов, что негативно сказывается на воспроизводстве человеческого капитала научного сообщества.

Проф. **С.А. Кравченко** (МГИМО, ИС ФНИСЦ РАН, Россия) в качестве альтернативы фрагментации деятельности научных обществ и для адекватного ответа на вызовы рисков COVID-19 предложил возрождение долговременно функционирующих феноменов с гуманистическими свойствами, что следует из его концепции «поворота ригидности».

Как отметила проф. **Н.Н. Зарубина** (МГИМО, Россия), в условиях плюрализации легитимных форм знания в современном обществе у науки оказалось много «конкурентов», подрывающих ее символическое господство и монополию научного сообщества на производство истины: достижения науки сейчас как никогда активно ставятся под сомнение посредством распространения по цифровым каналам внеинституционального – квазинаучного, «конспирологического» знания, которое оказывается востребованным в силу упрощения способов интерпретации реальности через манипулятивные приемы, используемые в Интернете. В докладе проф. **С.В. Чугрова** (МГИМО, Россия) был сделан акцент на принципиально новый вызов научному сообществу в виде непредвиденных последствий зарождения множественных параллельных истин и интерпретаций одного и того же социального феномена – проявление «Расёмон-эффекта». Была показана его применимость не только для анализа сознания отдельных индивидов, но и для коллективного сознания сообществ и социальных групп – участников международных коммуникаций. Научное сообщество вступило в фазу гегемонии информационных сетей, именуемую петократией, что создает угрозу обесценивания человеческого капитала ученого и умаляет значение его профессиональной деятельности.

Профессора **К. Каттани** (Ун-т Тускки, Италия) и **Д. Монте-Серрат** (Ун-т Сан-Паулу, Ун-т Рибейран-Прету, Бразилия) в своем докладе показали, что цифровизация априори задает антигуманистический вектор развития человеческого капитала научного сообщества: цифровые технологии непреднамеренно используют психологические уязвимости человеческого мозга и оказывают манипулятивное воздействие на бессознательную когнитивную активность индивида. Это приводит к подавлению или полной блокировке той части сознания, которая отвечает за аналитический и синтезирующий типы мыслительного процесса.

Современное научное сообщество сталкивается с проблемой несбалансированных социальных связей и коммуникаций. **Т. Фам** (Австрия) раскрыл амбивалентные последствия роста популярности «умных устройств» и цифровых технологий: с одной стороны, они привели к интенсификации социальных взаимодействий и коммуникаций в научном сообществе, а с другой – в интернет-пространстве научное сообщество сталкивается с персонализированным искажением получаемой информации как проявлением феномена под названием «пузырь фильтров» или «эффект пузыря» (И. Парайзер). Данные в Интернете поступают к пользователю через запрограммированные системные фильтры, которые автоматически отсеивают «ненужную» с точки зрения искусственного интеллекта информацию в зависимости от онлайн-интересов ученого, что в значительной степени сужает его поисковое научное поле и уменьшает возможности обмена научными достижениями. К этому добавляется эффект «эхо-комнаты»: ученые неосознанно погружаются

в интернет-сообщества единомышленников из других стран со схожими научными интересами, что создает риски примитивизации человеческого капитала ученого и раздроблению научного сообщества на релевантные «пузыри» и «эхо-комнаты».

Доклад **Дж. Феррари** (Ун-т Салерно, Италия) и **Е. Дютуа** (Ун-т Париж III Новая Сорбонна, Франция) был посвящен новейшим вызовам китайскому научному сообществу при переходе на цифровой формат обучения в период пандемии COVID-19 вузов Китая, среди которых были проанализированы следующие категории рисков: 1) технические риски, связанные с управлением цифровыми платформами (сбои цифровых учебных платформ); 2) педагогические риски (снижение качества образовательного контента из-за неподготовленности преподавателей к конвертации учебного материала из офлайн- в онлайн-формат); 3) технико-педагогические риски (социальная эксклюзия и маргинализация преподавателей и обучающихся, проживающих в регионах без доступа к высокоскоростному Интернету). В то же время высказано предположение, что в обществе «постпандемии» дистанционные технологии обучения утратят актуальность.

Прошедшая конференция показала, что современное научное сообщество столкнулось с невиданными ранее вызовами и уязвимостями, возникшими под влиянием процесса повсеместной цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности общества и образовательной системы. Это обусловило необходимость разработки гуманистически ориентированного вектора развития общества, как реальной перспективы к преодолению и минимизации явных и латентных рисков и опасностей, с которыми столкнулось научное сообщество. Однако восприятие ситуации не однозначно алармистское – ученые сходятся во мнении, что обеспечение устойчивого развития общества видится возможным посредством обращения к принципам гуманизма, а также укрепления значимости студента как актора, наделенного духовным габитусом и совокупностью человеческих капиталов. Была высказана необходимость в интегральном задействовании социального, естественнонаучного и гуманистического знания, что позволит научному сообществу отыскать пути наращивания человеческого капитала.

Н.Н. ЗАРУБИНА, ЛИ ЧЖУНЮАНЬ, К.В. РАКОВА

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна, д. филос. н., проф. (n.zarubina@inno.mgimo.ru); ЛИ ЧЖУНЮАНЬ, ст. преп., кафедра государственного управления Вэйфанского университета, КНР; асп. (nzm8628@mail.ru); РАКОВА Кристина Викторовна, асп.; мл. науч. сотр. Института философии РАН (kr.v.rakova@my.mgimo.ru). Все – кафедра социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250018479-9

INNOVATIONS AND RISKS FOR THE SCIENTIFIC COMMUNITY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (n.zarubina@inno.mgimo.ru); LI ZHONGYUAN, Senior Lecturer, Department of Public Administration, Weifang University, PRC; Post-Graduate Student (nzm8628@mail.ru); Kristina V. RAKOVA, Post-Graduate Student; Junior Research Fellow of the Institute of Philosophy of RAS (kr.v.rakova@my.mgimo.ru). All – Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia.

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВЕКТОРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

22 ноября 2021 г. в Сеченовском университете прошла научно-практическая конференция с международным участием «Медицинское образование в условиях пандемии COVID-19: векторы цифровой трансформации». В мероприятии приняли участие организаторы здравоохранения, руководители медицинских учреждений, представители профессорско-преподавательского состава медицинских вузов и профессиональных ассоциаций в области медицины, социологии, медицинского права. География была представлена докладами специалистов из многих регионов России, а также зарубежных коллег из Австралии, Португалии, Беларуси, Киргизии и Казахстана.

Конференцию с приветственными словами открыл ректор Сеченовского университета акад. РАН **П.В. Глыбочко**, в котором подчеркивалась роль медицинских вузов как кузницы медицинских кадров и резерва системы здравоохранения.

Пленарное заседание открыл доклад проректора по учебной работе Сеченовского Университета **Т.М. Литвиновой** «Медицинское образование в России: векторы перезагрузки в условиях пандемии», где был представлен опыт адаптивных трансформаций медицинского вуза в условиях пандемии. Докладчик раскрыла ключевые этапы преобразований образовательного процесса, представив опыт преодоления наиболее актуальных проблем дистанционного образования, что обозначило контуры и векторы последующей дискуссии в рамках секционных заседаний.

В совместном докладе акад. РАН **А.В. Решетникова** и **Н.В. Присяжной** (Сеченовский ун-т, Москва) «Высшее медицинское образование в условиях пандемии COVID-19: векторы перехода к гибридному формату обучения (в оценках студентов)» на эмпирическом материале были показаны ключевые тренды и векторы перехода медицинского вуза к гибридному формату обучения, обусловленные условиями пандемии. На данных социологического опроса студентов авторы показали ключевые тренды нормализации гибридного формата образовательного процесса в вузах, включая высшую медицинскую школу, отметили преимущества и риски дистанционного образования для обучающихся и преподавателей.

В докладе чл.-корр. РАН **М.А. Кинкулькиной** «Цифровизация как механизм повышения качества медицинского образования в условиях пандемии COVID-19» отмечалось, что пандемия выступила катализатором ускорения процессов цифровизации образовательного пространства и актуализировала необходимость адаптации вузов к новым условиям при сохранении качества медицинского образования.

Проф. **В. Рапосо** (Коимбрский ун-т, Португалия) в своем выступлении на тему «Портативные медицинские приборы, от лечения до контроля» представила уникальный опыт использования цифровых портативных устройств для решения проблем соблюдения требований безопасности социума, в частности пациентов с COVID-19. Высокие темпы развития цифровых технологий и внедрение их в практику работы медицинских организаций требуют от современного врача наличия компетенций для работы с новыми технологиями.

Работа конференции была продолжена в рамках секционных заседаний. На секции «Цифровая трансформация медицинского вуза в условиях пандемии: новые образовательные подходы» большинство участников отметили, что пандемия новой коронавирусной инфекции определила масштаб и скорость изменений, однако императивом перехода на дистанционный формат работы явилось обеспечение безопасности обучающихся и сотрудников вузов. Также обсуждались вопросы внутренней и внешней оценки деятельности вузов, задачи динамичной адаптации к изменяющимся условиям деятельности и обеспечения опережающего развития образовательной среды (проф. **Г.М. Хасанова** (БГМУ, Уфа), проф. **Л.М. Мухарямова** (Казанский ГМУ, Казань), **В.Н. Мажаров** (СтГМУ,

Ставрополь), **Т.Я. Ткаченко** (УГМУ, Екатеринбург), проф. **А.С. Пшенников** (РязГМУ им. академика И.П. Павлова, Рязань), проф. **М.Ю. Сурмач** и **Я.В. Разводовская** (Гродненский ГМУ, Гродно), **М.В. Шестакова** (СевГМУ, Архангельск)).

Социологический анализ мнений профессорско-преподавательского состава, отражающий особенности восприятия кадровым составом кафедр процессов цифровой перестройки медицинского вуза в условиях пандемии, был представлен **Н.Ю. Вяткиной** и **Н.В. Присяжной** (Сеченовский ун-т, Москва). Опираясь на обширный эмпирический материал, докладчики показали проблемы переходного периода и новые возможности, которые дает внедрение цифровых технологий в практику преподавательской деятельности. Непрерывный процесс совершенствования и повышения качества образовательных услуг вузов со всей очевидностью соотносится с требованиями современного глобального образовательного пространства.

Переход вузов в дистанционный режим, обусловленный риском распространения новой коронавирусной инфекции, способствовал формированию ряда технических проблем коммуникации между субъектами образовательного процесса (студентами, преподавателями и администрацией) и обострению потребности обучающихся в психологической поддержке. Эти сложности анализировалось в выступлении проф. **Е.Р. Исаевой** (ПСПбГМУ им. И.П. Павлова, Санкт-Петербург).

В рамках секции «Цифровизация как механизм обеспечения качества медицинского образования в условиях пандемии COVID-19» были представлены доклады, раскрывающие возможности применения дистанционных технологий в обучении студентов разных специальностей. Организация учебного процесса в условиях пандемии в разрезе отдельных дисциплин медицинского вуза обсуждалась в выступлении **Е.Г. Гандыбиной** (Сеченовский ун-т, Москва). Цифровые технологии как информационный ресурс обеспечения образовательного процесса находились в фокусе выступления **Е.М. Казанковой**, проф. **А.В. Щербатых**, **С.Ю. Бывальцевой**, **О.И. Тирской** и **З.В. Доржиевой** (Иркутский ГМУ, Иркутск). Необходимость очного контакта преподавателя и студентов обсуждалась в докладе **Е.В. Кирпиченковой**, акад. РАН **Г.Г. Онищенко**, проф. **А.А. Королева**, **Е.И. Никитенко** (Сеченовский ун-т, Москва). Отмечая нормализацию дистанционного формата обучения, участники секции указывали, что специфика медицинских вузов (практико-ориентированность, обучение «у постели больного», высокий уровень учебной нагрузки) все же предполагает две трети части программы неvirtуальными и одну треть теоретической, а значит гибридный формат обучения представляется наиболее оптимальным.

Проф. **В.П. Гаврилюк** (Курский ГМУ, Курск) представил результаты оценки студентами гибридного формата обучения в медицинском вузе, указав, что студенты характеризуют онлайн-обучение как вынужденную и временную меру, которая имеет и некоторые положительные следствия, например повышение цифровой грамотности.

Одним из наиболее интересных выступлений стал доклад **К.М. Лауфера** (Сеченовский ун-т, Москва), позволивший сконструировать представление аудитории об этапах перехода в эру IV промышленной революции, основанной на основных цифровых элементах (искусственный интеллект (AI), виртуальная и дополненная реальность (VR & AR), большие данные, облачные вычисления, интернет вещей (IoT), блокчейн). Указанный переход, по мнению докладчика, определяет векторы совершенствования образования в части внедрения VR- и AR-технологий для преподавания, применения больших данных и облачных вычислений в различных исследованиях, расширения областей пересечения образовательного процесса и научно-технических задач вуза (применение смарт-технологий для регулирования температурного и влажностного режима, освещенности, состава воздуха в аудиториях; использование AI для распознавания лиц и обеспечения безопасности на территории университета; сохранение и передача данных с применением блокчейна и др.), укрепления материально-технической базы преподавания.

Дистанционному образованию как триггеру развития ряда психологических проблем было посвящено выступление **Ю.Ю. Кочетовой**, **Н.С. Тимченко** (Алтайский ГМУ,

Барнаул). Докладчики представили результаты исследования феномена зом-усталости студентов. Продолжил эту тему проф. **В.Н. Николенко** (Сеченовский ун-т, Москва), проанализировав трудности адаптации первокурсников к образовательному процессу, осложненному отсутствием эффекта непосредственной обратной связи в условиях вынужденной самоизоляции.

Подводя итоги, можно отметить, что на конференции были обсуждены общие тенденции и тренды трансформации образования, отмечалось формирование устойчивых цифровых векторов развития вузов. Фоновые процессы социальных изменений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции, определили интерес участников в отношении представленных в докладах эмпирических данных, отражающих результаты исследований в русле данной проблемы. В рамках конференции сформировалось понимание необходимости комплексного анализа трансформации медицинского образования. Принимая во внимание историко-философские предпосылки смещения социальных стандартов жизни в условиях пандемии, темпы технологического развития, определяющие динамику изменений социальных институтов, структур, взаимоотношений, а также внедрение инновационных разработок в социальную повседневность и практическую деятельность организаций, становится очевидной зависимость качества медицинского образования от многокомпонентной и все более цифровой природы социальной реальности.

А.В. РЕШЕТНИКОВ, Н.В. ПРИСЯЖНАЯ

РЕШЕТНИКОВ Андрей Вениаминович, акад. РАН, директор Института (reshetnikov_a_v@staff.sechenov.ru); ПРИСЯЖНАЯ Надежда Владимировна, к. социол. н., зам. директора по научной работе (prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru). Оба – Институт социальных наук Сеченовского университета Минздрава России, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250018694-6

EDUCATION DURING THE PANDEMIC: VECTORS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Andrey V. RESHETNIKOV, Academician of RAS, Director of the Institute (reshetnikov_a_v@staff.sechenov.ru); Nadezhda V. PRISYAZHNAYA, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Scientific Work (prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru). Both – Institute of Social Sciences of the Sechenov University, Moscow, Russia.

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Международная научно-практическая конференция «Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: трансформации социальных пространств, социально-демографические изменения и пандемические процессы» состоялась в Иркутске 17–18 декабря 2021 г. В её работе приняли участие отечественные и зарубежные учёные из 25 регионов России, а также из Сербии, Беларуси, Луганска. Было представлено более 70 докладов.

С приветствием к участникам конференции обратились ректор Иркутского госуниверситета (ИГУ), проф. **А.Ф. Шмидт**, зам. министра образования Иркутской обл. **Е.В. Апанович**, руководитель службы ЗАГС Иркутской обл. **В.Ю. Митусов**, заместитель начальника Экспертного управления Губернатора Иркутской обл. и Правительства Иркутской обл. **Е.В. Антонов**. Также в адрес конференции поступило приветствие председателя Общественной палаты Иркутской обл., директора ИГМАПО, проф. **В.В. Шпраха**, в котором отмечалось, что «...новые глобальные процессы фактически изменили логику развития современного мира, структуру социальных потребностей и общественные настроения, вызвали дезорганизацию в самой социальной системе. На повестке дня – поиск новых решений по выходу из пандемического кризиса, приведение в равновесие многополярного мира».

Открыла пленарное заседание проф. **Н.Л. Смакотина** (МГУ, Москва) с докладом «Социальные трансформации в контексте глобальных процессов и проблем», в котором аргументировала тезис о том, что глобальные социальные трансформации отражают глубинные изменения на уровне систем ценностей и структур власти. Социальные трансформации, которые происходят на глобальном уровне, в настоящее время выражаются ослаблением социальных структур, повышением субъективности социальных субъектов, преобразованиями и кризисом «институтов современности», ростом неопределённости и нестабильности, увеличением веса финансовых рынков, ослаблением социальных границ. Переход к многополярному миру ставит под вопрос эффективность глобального управления.

Ю.Н. Дмитриева (ИГ СО РАН, Иркутск) представила результаты исследования специфики социально-демографических процессов в Сибири. В их числе были отмечены: особенности сложившихся возрастных структур, способствующие старению населения; дифференциация населения регионов по показателям рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста; социально-культурное своеобразие коренных народов Сибири, отражающиеся в традиционных семейных ценностях: более раннее вступление в брак и соответствующий возраст матери при рождении первого ребёнка, многодетность, крепость брачных отношений. Обосновано, что ресурсная направленность экономики и социально-экономическое положение субъектов Сибири по сути определяют демографические процессы в них.

В последующих докладах были представлены исследования современной молодёжи. В их результатах ярко отразились социальные проблемы и трансформации общества в целом. Так, в докладе «Пандемия и дети: вызовы, последствия, противодействие» чл.-корр. РАН **Л.В. Рычкова** (ИЦ ПЗСРЧ, Иркутск) подчеркнула, что сегодня, наряду с понятием «пандемия», актуально использование и понятия «синдемия», при которой две или более эпидемии/болезни, взаимодействуя, наносят больший ущерб, чем простая сумма двух заболеваний, что обуславливает необходимость нового осмысления ситуации противодействия возросшим угрозам физическому и социальному благополучию людей. Проф. **Н.Л. Антонова** (УрФУ, Екатеринбург) поделилась результатами исследования на тему «Здоровьесберегающие практики молодёжи в условиях пандемии как условие реализации права на город». Показано, что в новой пандемийной «нормальности» формируется

«общество впечатлений», сопровождающееся усилением тревожности среди студентов. При этом как значимые указаны: страх за собственное будущее и страх потери контроля над своей жизнью, над ситуацией. Докладчик отметила и позитивный результат – практически все студенты проявляют интерес к преобразованию пространства города и готовы включиться в разные формы активностей. Доклад об идентичности российской молодёжи в контексте трансформации российского цивилизационного пространства представил проф. **М.В. Кибакин** (ФУ при Правительстве РФ, Москва). Сделав акцент на современных тенденциях интегрированности молодёжи, он отметил снижение позитивных репродуктивных установок молодёжи по мере роста её цифровой интегрированности. В более широком контексте сделан вывод, что расширяющаяся цифровая среда и виртуальное общение негативно влияют на цивилизационную идентичность молодёжи. Проблема формирования политических ценностей молодёжи в аспекте институциональных функций системы высшего образования была поднята проф. **Л.И. Найдёновой** (ПГУ, Пенза). Автор представила результаты исследований, проведённых в вузах Поволжского ФО и других регионов РФ, в которых было выявлено, что на формирование политических ценностей студенческой молодёжи влияют недостаточная включённость в социальные связи и незаконченная интегрированность в социум. Для выражения политических ценностей студентов характерны противоречивые стремления к свободе как высшей ценности при недостаточно активном участии в политической жизни общества.

В выступлении на тему «Доступность высшего образования и его массовизация в постсоветской России» проф. **В.Ф. Пугач** (МИСИС, Москва) подчеркнула, что Россия перешла к массовому высшему образованию, что способствовало нарастанию гендерной асимметрии с ростом доступности высшего образования в России.

В.В. Зырянов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в своём докладе показал направления влияния корпоративного образования на формирование организационной культуры в контексте распространения COVID-19. Докладчик представил результаты экспертного опроса руководителей компаний, организующих образовательную активность своих сотрудников. Отмечено, что риски размывания организационной культуры сегодня исходят из противоречивых тенденций: с одной стороны, отмечается, что возрастание требований к работникам стимулирует и компании, и самих работников к постоянному мониторингу инноваций и профессиональных программ, позволяющих их осваивать, с другой – эти программы не привязаны к культуре конкретных организаций, к тому же наблюдается нарастающее распространение практик удалённой занятости, набора персонала под кратко- и среднесрочные проекты, процесс прекаризации труда. Реалии экономики в период ограничительных мер поставили в повестку дня вероятность трансформации организационной культуры предприятий.

Основные факторы реализации промышленной политики на территории Иркутской области в новых условиях обозначил **С.П. Какаулин** (МЭРИП ИО, Иркутск). Достижение поставленных целей видится через поддержку реализации крупных инвестиционных проектов, содействие развитию малого и среднего бизнеса, согласованную работу власти, бизнеса и науки по совершенствованию инструментов промышленной политики.

На пленарном заседании были представлены доклады: чл.-корр. НАН Беларуси **А.Н. Данилова** (БГУ, Минск); проф. **Л.Л. Толвайшиса** (Ун-т «Унион – Никола Тесла», Сербия); проф. **Т.И. Гребельных** (ИГУ, Иркутск); проф. **В.Е. Шинкевича** (СЮИ МВД РФ, Красноярск); **В.В. Чернова** (ВУНЦ ОАВС РФ, Москва), **Е.А. Лобовиковой** (ГОУК ЛНР ЛГАКИ, Луганск). В докладах отчётливо прослеживалось стремление авторов показать различные грани глобальной социальной нестабильности. Так, внимание участников конференции было обращено на: кризис института политического лидерства; перманентность социального напряжения; турбулентность процессов «сдерживания», «самоизоляции», «перераспределения ресурсов»; неустойчивость механизмов институциональной защиты населения; реконструкцию технологий и практик легитимности решений; противоречивость в достижении реального диалога культур; формирование профилей

социального поведения новых поколений. Дана оценка состояния общества периода пандемии как «разбалансированного общества» с характерными для него вызовами и реакциями на них.

В рамках конференции состоялись объединенная и молодежная секции. Объединенная секция была посвящена развитию новых систем социальных взаимосвязей, глобальных и региональных воздействий в России и мире. С докладами выступили: проф. **Я.А. Лещенко** (ВСИМЭИ, Ангарск); **Е.В. Гольцова** (ИГУ, Иркутск); **Т.В. Андриянова** (КГУ, Курск); проф. **А.Д. Карнышев** (ИГУ, Иркутск); проф. **Ю.И. Прохоренко** (ТГУ, Хабаровск); проф. **И.В. Цветкова** (ТГУ, Тольятти); **Е.Ю. Башкуева** (БНЦ СО РАН, Улан-Удэ) и др. Внимание ученых фокусировалось на факторах и последствиях глобального кризиса в его социальных и экономических проявлениях, на трансформационных процессах, вызванных пандемией, специфике киберсоциализации молодежи в сетевых сообществах и др.

На молодежной секции в обсуждениях на тему «Глобальный вызов или глобальный кризис социальных пространств современного мира?» приняли участие студенты и аспиранты российских вузов (МГУ, ИГУ, УрФУ, ПГУ, СмолГУ и др.).

Подводя итоги, проф. **Т.И. Грабельных** (ИГУ, Иркутск) отметила, что в современном мире на разных уровнях мы наблюдаем нарушение «социального равновесия», которое приводит к необратимым последствиям. Все отчетливее проявляется взаимосвязь глобальных и региональных воздействий, которые усиливают друг друга. Формируется принципиально новое понимание взаимосвязей (взаимопереходов) социальной стабильности и социальной нестабильности, устойчивого развития и турбулентных процессов, социальной безопасности и социальной напряженности.

На конференции была отмечена роль социологической науки в дальнейшем развитии методологии и практики отраслевых и междисциплинарных научных исследований внешних проявлений и глубинных взаимосвязей глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ с учетом уровня «пространственно-временного равновесия совместных социальных усилий».

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Н.А. САБЛИНА, В.В. ЗЫРЯНОВ

ГРАБЕЛЬНЫХ Татьяна Ивановна, д. социол. наук, проф. (tagr@bk.ru); САБЛИНА Наталья Александровна, к. социол. н. (nsablina@bk.ru). Обе – Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович, к. экон. н., доц., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vvzyryanov@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250018918-2

GLOBAL AND REGIONAL IMPACTS ON MODERN SOCIETIES: NEW SOCIAL TRANSFORMATIONS

Tatyana I. GRABELNYKH, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (tagr@bk.ru); Natalya A. SABLINA, Cand. Sci. (Sociol.) (nsablina@bk.ru). Both – Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Vladimir V. ZYRYANOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vvzyryanov@gmail.com).

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ: ЗАМЕТКИ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Демографические последствия пандемии COVID-19 имеют сложную природу. К людским потерям от новой коронавирусной инфекции добавляются отложенные демографические эффекты. По мнению ученых, в странах, имевших проблемы с воспроизводством населения до пандемии, демографическая ситуация сильно осложнится. С учетом данного обстоятельства очередная конференция Витгенштейн центра демографии и глобального человеческого развития, состоявшаяся в период с 29 ноября по 1 декабря 2021 г., получила название «Причины и последствия депопуляции». Как и год назад, конференция проводилась в формате онлайн и позволила объединить широкий состав европейских специалистов, а также экспертов из США, Китая, Японии и ряда других стран, изучающих убыль населения с различных научных позиций: демографии, экономики, социологии, политологии, экологии¹.

Открыл конференцию директор-основатель Центра демографии и глобального человеческого капитала, декан факультета демографии Венского ун-та **В. Лутц** (Wolfgang Lutz). В приветственном слове он отметил, что политика в области народонаселения XXI в. выходит за рамки узкодемографических проблем рождаемости, смертности, миграции. Теперь она охватывает широкий круг вопросов в сфере управления человеческими ресурсами: образовательную политику, «утечку мозгов» и «приток умов», пенсионную политику, женскую трудовую занятость, баланс семьи и работы и т.д. В завершение докладчик обратил внимание на повестку конференции – новые феномены депопуляции, порождаемые сдвигами возрастной структуры населения.

Программа мероприятия включала четыре пленарных доклада, шесть устных сессий, три постерных сессии и дискуссионную панель. Первый пленарный доклад «Вызовы, которые ассоциируются с демографическими изменениями и сокращением численности населения» сделала **Д. Шуица** (Dubravka Šuica) – вице-президент Европейской комиссии по вопросам демократии и демографии. Главный посыл доклада касался необходимости перехода к новой демографической реальности. Жизнь в условиях депопуляции, старения населения, проблем сельских территорий, долгосрочного ухода за пожилыми людьми требует пересмотра принципов социально-экономического управления. Тем не менее Д. Шуица призвала анализировать демографические изменения не в категориях «вызовов», а с позиции новых требований и возможностей. Показатели долгой и здоровой жизни – индикаторы социально-экономического благополучия Европы, но старению сопутствует депопуляция. Д. Шуица привела данные из Отчета по старению за 2021 г.² К 2070 г. население Евросоюза сократится на 5% относительно 2019 г., численность населения в трудоспособных возрастах уменьшится на 18%. Одновременно значительно увеличится число пожилых людей, нуждающихся в долговременной помощи. Старение населения воздействует на все поколения, поэтому необходимо усилить солидарность между поколениями, модернизировать сферу социальной защиты и т.д.

Комплексному анализу проблемы старения был посвящен пленарный доклад «Разнообразие старения на территории Европейского союза: драйверы и воздействие» руководителя проектов Объединенного исследовательского центра Европейской комиссии **Э. Гужон** (Anne Goujon). Доклад содержал данные из отчета «Демографический ландшафт территории Европейского союза: вызовы и возможности по-разному стареющих регионов» по исследовательским направлениям, имеющим большое научно-практическое значение: географические паттерны старения; влияние миграционных процессов на возрастную структуру; доступ

¹ URL: <https://www.oeaw.ac.at/en/vid/events/calendar/conferences/the-causes-and-consequences-of-depopulation> (дата обращения: 20.01.2022).

² The 2021 Aging Report Economic and Budgetary Projections for the EU Member States (2019–2070). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/economy-finance/ip148_en.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

пожилых к услугам и удобствам; вызываемые старением изменения в экономике, электоральном поведении и политике.

На сессиях конференции обсуждались параметры и компоненты изменения численности населения на примерах конкретных стран. Кратко изложим содержание некоторых выступлений, в которых поднимались близкие российской повестке вопросы.

Начнем с докладов сессии «Международная миграция и депопуляция». **Т. Соботка** и **К. Земан** (Tomáš Sobotka, Kryštof Zeman, Венский ин-т демографии ААН) в докладе «Потерянное поколение? Когортный анализ в исчислении миграционного оттока из стран Юго-Восточной и Восточной Европы» сделали акцент на страны с самой высокой скоростью убыли населения. Из-за большого миграционного оттока за последние 20 лет население этих территорий в целом сократилось на 26%. Наибольшие потери понесли небольшие страны: население Латвии сократилось на 28%, Боснии и Герцеговины – на 27%, Литвы – на 25%. «Потерянным» поколением для этих стран стали молодые люди, рожденные в 1980-х гг. Так, Эстония потеряла 20,9%, Латвия – 26% молодых людей 1980–1984 г.р., а Литва – 34,4% когорты 1985–1989 г.р. Догоняет эти страны Украина. 20,4% рожденных в 1995–1999 гг. (20–24 года) уже выехали из страны.

Ю. Круминьш (Juris Kruminš, Латвийский ун-т) сфокусировал свое выступление на демографическом кризисе в Латвии – мировом лидере по убыли населения. Докладчик начал с историко-демографического обзора. Население Латвии в 1910 г. составляло 2,55 млн чел. и было сопоставимо с численностью населения географически близких стран: Финляндии (2,83), Дании (2,76), Норвегии (2,36). За 110 лет оно сократилось до 1,86 млн человек. В то же время теперь в Дании, Финляндии, Норвегии проживает более 5 млн чел. в каждой стране. При низком уровне рождаемости главным фактором демографического неблагополучия Латвии является миграционный отток населения, но все же ее политика в большей степени ориентирована на стимулирование рождаемости и снижение уровня социального неравенства, а не на понижение уровня эмиграции.

Напротив, в Норвегии при положительном сальдо миграции принимаются меры, направленные на сдерживание эмиграции. На этот факт обратила внимание **М. Тённессен** (Marianne Tønnessen, Столичный ун-т Осло). В условиях старения населения демографическая политика Норвегии ориентирована на достижение долгосрочной демографической устойчивости. На основе прогнозных сценариев определены целевые показатели в сфере рождаемости, миграции, продолжительности жизни до 2060 г. По словам докладчика, сокращение эмиграции оказывает большее влияние на численность населения, нежели старение. Поэтому особое внимание следует отдавать мерам по снижению уровня эмиграции.

Последствия депопуляции обсуждались на сессиях «Депопуляция и окружающая среда», «Депопуляция и политическая нестабильность», «Экономические последствия депопуляции».

Доклад «Депопуляция и ее социально-экологические результаты: примеры Японии, Испании, Новой Зеландии», представленный **П. Матанле** (Peter Matanle, Шеффилдский ун-т, Великобритания), опровергает тезис о главном дивиденде сокращения населения – решении проблемы окружающей среды. Депопуляция порождает избыточную неравномерность в распределении населения – перенаселение городских агломераций и обезлюдование территорий небольших поселений. Примеры трех стран – Японии, Испании и Новой Зеландии – иллюстрируют очаги зарождения новой экологической проблемы.

В рамках конференции поднимались также вопросы, связанные с возможностью преодоления и замедления процесса сокращения численности населения, с депопуляцией сельских территорий, влиянием пандемии на демографическую ситуацию, демографическими прогнозами и их использованием для демографической политики.

Словацкие ученые **Б. Блеха** и **Я. Бучек** (Branislav Bleha, Ján Buček, Ун-т им. Коменского в Братиславе) представили результаты исследования факторов, воздействующих на локальные демографические процессы. Были отобраны 15 городов юга Словакии, экономика которых до конца 1980-х гг. основывалась на добыче полезных ископаемых. Сейчас это экономически депрессивные территории с отличающимися демографическими характеристиками.

Исследование показало, что возможности местных властей повлиять на развитие населения, его численность и структуру очень ограничены и учитывая особенности городов, следует заниматься адаптацией, смягчением последствий сокращения населения, стабилизацией численности населения. **Тошихико Хара** (Toshihiko Hara, Городской ун-т в Саппоро, Япония) тоже склоняется к тезису о невозможности повлиять на демографический спад в Японии, поэтому указывает на необходимость реорганизации социальной, экономической и политической сфер с целью адаптации к постоянному снижению численности населения в стране.

М. Шискова (Martina Siskova, Венский ин-т демографии) представила совместный доклад «Компенсирует ли человеческий капитал депопуляцию?». Вывод исследователей был неутешительным – прирост человеческого капитала за счет инвестиций в образование и медицину практически не компенсирует снижение рождаемости в странах, переживающих депопуляцию.

К демографическим проблемам сельских территорий обратились **А. Пападопулос** и **П. Балтас** (Apostolos G. Papadopoulos, Pavlos Baltas, Ин-т социальных исследований, Греция), **Ф. Хиль-Алонсо**, **Х. Байона-и-Карраско**, **И. Пухадас-Рубис** (Fernando Gil-Alonso, Jordi Bayona-i-Carrasco, Isabel Pujadas-Rúbies, Ун-т Барселоны, Испания), **Сяоронг Гу**, **Шу Ху** (Xiaorong Gu, Сингапурский ун-т социальных наук; Shu Hu, Национальный ун-т Сингапура). Сквозным в докладах этих ученых является тезис, в соответствии с которым убыль населения в сельской местности в результате массового оттока молодежи в города является острой социально-демографической проблемой.

Негативное влияние COVID-19 на демографические процессы стало ключевой темой в докладах российских исследователей **Е. Земляновой** и **А. Ивановой** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Россия), а также молдавских участников **О. Гагауз**, **Т. Табак** и **И. Пахмой** (ЦДИ, НИЭИ, Молдавия). Значительное ухудшение демографической ситуации в России и Молдавии вызвано снижением ожидаемой продолжительности жизни, повышением уровня смертности и ростом естественной убыли населения.

В заключение вернемся к актуальности исследования причин и последствий сокращения населения. Несмотря на доминирование в глобальной демографической повестке дискурса перенаселения, жертвами депопуляции становится все большее число стран во всем мире, что обуславливает высокую практическую значимость поднятых на конференции вопросов.

А.В. НОСКОВА, Д.Д. БИККИНИНА

НОСКОВА Антонина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии (a.noskova@inno.mgimo.ru); БИККИНИНА Джамила Дамировна – соискатель кафедры социологии (kamilova_93@mail.ru). Обе – Московский государственный институт международных отношений (УМИД России, Москва, Россия).

DOI: 10.31857/5013216250018703-6

THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF DEPOPULATION: NOTES FROM A DEMOGRAPHIC CONFERENCE

Antonina V. NOSKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology (a.noskova@inno.mgimo.ru); Dzhamilya D. BIKKININA, PhD Student of the Department of Sociology (kamilova_93@mail.ru). Both – MGIMO University, Moscow, Russia.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮЛИАНУ НИКОЛАЕВНУ ТОЛСТОВУ!

В апреле юбилейную дату отмечает известный специалист по методологии, математическим методам социологических исследований и теории измерений, доктор социологических наук, профессор Юлиана Николаевна Толстова.

Свой профессиональный путь Юлиана Николаевна начала с окончания в 1964 г. механико-математического факультета МГУ. С 1973 г. она начала работать в Институте социологии ФНИСЦ РАН (в то время – ИКСИ АН СССР), где продолжает свою деятельность и по сей день в качестве главного научного сотрудника. В 1978 г. она получила ученую степень кандидата экономических наук, а в 1994 г. – доктора социологических наук, защитив диссертацию о логике и методологии математического анализа данных в социологии.

Юлиана Николаевна внесла значимый вклад в разработку теоретико-методологических оснований математической формализации в социологии. Различными аспектами этого на-

правления она занималась на протяжении многих лет работы в Институте социологии, была основным инициатором создания в 1991 г. журнала «Социология: методология, методы, математическое моделирование» (Социология: 4М), единственного и авторитетного отечественного журнала по «методной» проблематике, и председателем исследовательского комитета РОС «Математическое моделирование и анализ данных в социологии». В фокусе ее научных интересов – широкий круг вопросов, связанных с социологическим измерением, повышением эффективности использования математического аппарата в социологии, адекватностью методов многомерного анализа данных, математическим моделированием в социологии.

За свою яркую продолжительную научную карьеру Ю.Н. Толстова в качестве автора, соавтора или редактора приняла участие в создании более чем 380 публикаций, многие из которых не теряют свою актуальность и в современных условиях. Среди значимых работ можно выделить: «Шкалирование при сборе и анализе социологической информации» (1978); «Типология и классификация в социологических исследованиях» (1982); «Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях» (1985); «Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях» (1987); «Математические методы анализа и интерпретация социологических данных» (1989); «Логика математического анализа социологических данных» (1991); «Измерение в социологии» (1998); «Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками» (2000); «Социология и математика. Сборник избранных трудов» (2003); «Основы многомерного шкалирования» (2006); «Математико-статистические модели в социологии» (2008); «Проблемы подготовки первичных данных в социологических исследованиях» (2012); «Математическое моделирование и информатика социальных процессов» (2016).

С 1989 г. Юлиана Николаевна начала преподавательскую деятельность, став автором первых в стране учебных курсов по анализу социологических данных, теории измерений, математической статистики для социологов. Она работала в ряде московских вузов, среди которых МГУ и ГУУ, а с 1996 г. – в НИУ ВШЭ, где и в настоящее время является профессором-исследователем. За годы работы она получила множество наград за академические и преподавательские успехи, в том числе стала почетным работником высшего профессионального образования РФ, а также заслуженным деятелем РОС.

Мы сердечно поздравляем Юлиану Николаевну с юбилеем и желаем крепкого здоровья и благополучия, достижения новых профессиональных высот и творческих успехов!

Коллеги, друзья, ученики

© 2022 г.

Травин Д.Я. ПОЧЕМУ РОССИЯ ОТСТАЛА? СПб.: ЕУ в СПб., 2021.

Монография Д.Я. Травина «Почему Россия отстала?»¹ основывается на комплексном сравнительном историко-социологическом анализе и имеет целью выявить причины экономического отставания России от западноевропейских стран. Ее жанр – историческая социология. Очевидно, что всесторонне и глубоко проанализировать колоссальный материал об экономическом развитии Европы, включая Россию, за длительный период и в сравнительной перспективе – задача непосильная даже для коллектива ученых. Тем более что недостаток имеющихся источников в принципе не позволяет определенно ответить на многие важные вопросы. Однако сама постановка проблемы отставания и даже ориентировочная оценка факторов, которые его обусловили, имеют большое научное значение.

Д.Я. Травин по базовому образованию и ученой степени – экономист; в настоящий момент – научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Он написал нескольких книг, посвященных европейской модернизации². В рецензируемой монографии речь идет не о застойной экономике, провальной «социалке» и авторитарной политике, как можно подумать из ее названия. Оригинальность авторского подхода к проблеме состоит в том, что ответ на злободневный вопрос о причинах отставания современной России автор ищет не в ближайшем имперском и советском прошлом – в крепостном праве, самодержавии, империи, революциях, сталинизме, а в далеком прошлом – в X–XVI вв. Д.Я. Травина как институционалиста интересуется, как и почему сложилась *колея российского экономического развития*, и поэтому он правильно, на мой взгляд, обращается к «детскому периоду» нашей истории – к X–XVI вв., когда колея стала складываться. Напрашивается аналогия с индивидуальным развитием человека. Психологи считают, что для каждого человека опыты детства, особенно в пространстве человеческих отношений, имеют первостепенное значение. Именно они становятся основой его личности и проявляются на протяжении всей его дальнейшей жизни, во многом определяя его жизненную колею. Скорректировать или изменить ее можно, тщательно изучив опыты детства.

Как правило, в центре размышлений всех желающих понять, почему Россия отстала, находятся проблемы России, а не успехи идущих впереди. Однако не менее важно поразмышлять и над тем, почему другие страны в какой-то момент смогли уйти вперед. Ведь успешные ныне соседи не всегда шли в авангарде. В течение многих тысячелетий в традиционном обществе все были более или менее равны, но в какой-то момент у некоторых произошло что-то вроде культурной мутации, они стали трансформироваться и изменили маршрут движения. В книге Д.Я. Травина в центре Россия, но формально большая часть страниц посвящена Западу. Но не коллективному Западу, а отдельным западноевропейским странам, весьма отличающимся друг от друга, отдельным регионам и городам. Речь

¹ Далее ссылки на книгу указываются в круглых скобках.

² Травин Д. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: ЕУ в СПб., 2018; Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. Москва; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004; Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2021.

идет о Флоренции, Венеции, Генуе, Генте, Брюгге, Новгороде, Пскове, Сицилии, Апулии, Фландрии, Нормандии, Кастилии, Девоншире, Тироле, Сконе, рейнской и ганзейской Германии, шампанских и лионских ярмарках, каталонских и берберийских пиратах, левантйской торговле. Национальные государства и национальные экономики как единый комплекс сложились лишь в Новое время, а в X–XVI вв. существовали города-государства и всякие регионы со своими традиционными названиями. Именно сравнение России с отдельными странами, российских регионов и городов с отдельными регионами и городами европейских государств позволяет, во-первых, глубже разобраться в причинах неудач одних и успехов других, во-вторых, убедиться, что российские институты и институции не были уникальными.

Монография написана в проблемном, а не в нарративном ключе. Д.Я. Травин сформулировал четыре фундаментальные проблемы, вокруг которых в большинстве сочинений о России происходит дискурс по поводу ее отставания, и каждой посвятил главу. (1) На самом ли деле в X–XVI вв. ущерб, нанесенный Древнерусскому государству набегами и войнами, многократно превосходил тот, который испытали западноевропейские страны? (2) Действительно ли средневековая жизнь в западноевропейских странах, в отличие от Русского государства, характеризовалась согласием и миром, собственность защищалась законом, права и свободы человека соблюдались, государство являлось правовым? (3) «Стартовые условия» для развития в западных странах реально были благоприятнее, чем в России, поскольку периферийность предопределяла возможности модернизации, а экономическое развитие общества находилось в жесткой зависимости от урбанизации и развития городской культуры? (4) Действительно ли катастрофичным для России стало то, что Ренессанс ее почти не затронул?

В первой главе «Набеги и кочующие бандиты» Д.Я. Травин приходит к выводу, что в X–XVI вв. русские земли действительно страдали от войн и набегов гораздо больше и дольше, чем другие европейские территории, но все же разница в ущербе не являлась столь значительной, чтобы подорвать возможности экономического развития, затормозить рост городов, воспрепятствовать накоплению капиталов и предопределить экономическую отсталость. В пользу этого говорит и тот факт, что на Западе имелись страны, страдавшие от войн и набегов не меньше, чем русские земли (с. 68). Однако, на мой взгляд, оценки величины ущерба от войн представляются недостаточно обоснованными. Без сомнения, ущерб был огромным, но измерить его сколько-нибудь точно невозможно. По причине недостатка сведений расхождения в оценках чрезвычайно велики. Например, по разным оценкам, в Куликовской битве 1380 г. участвовали от 5–6 тыс. до 200–400 тыс. человек³.

Во второй главе «Наезды» и силовые захваты» Д.Я. Травин пришел к выводу о неадекватности популярных ныне в России представлений о западных социумах, в которых всегда собственность была защищена, права человека соблюдались, общественная жизнь отмечена согласием и миром. «Частная собственность в Средние века – такая же фикция, как “правовая цивилизация”. Европейским странам пришлось пройти долгий и трудный путь для того, чтобы сформировалась в конечном счете та собственность, которая делает эффективной рыночную экономику. Причем речь здесь идет не только о земле. Условной в Средние века была любая собственность. Государь изымал у “частника” любое имущество, вне зависимости от того, кто им владел, если считал это целесообразным и имел для этого достаточную силу». Нарушение прав собственности касалось не только землевладельцев, но и городского бизнеса (с. 103, 108). Автор напоминает, что в Средние века и в начале Нового времени государи по обычаю имели право верховной собственности на землю. «Чем глубже погружаешься в историю, тем более неопределенной вещь выглядит закон», – констатирует Д.Я. Травин. Нет оснований полагать, что все люди в Средние века и в начале Нового времени разделяли единое представление

³ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978.

о законе и оно совпадало с современными взглядами, – в современных обществах существует совершенно иное представление о том, что считать законом (с. 133, 141).

Большое внимание во второй главе уделено российскому самодержавию, признаки которого нередко находят уже в Древнерусском государстве. Обобщая обширную литературу по данному вопросу, Д.Я. Травин признает правоту тех, кто полагает, что за период X–XVI вв. в русской письменности нет ни одного политического учения, которое понимало бы царскую власть как абсолютную и ничем не ограниченную. И де-факто государи до XVIII в., какой бы обширной и сильной не казалась их власть, считались с обычаем, традицией и Боярской думой. Сами государи свой авторитет ставили ниже старины и признавали, что по своему усмотрению они не могут творить право (с. 149).

Выводы автора, подкрепленные тщательным анализом западной литературы, представляются убедительными и весьма важными. Однако читателю иногда может показаться, что в западноевропейских странах в Средние века и начале Нового времени законы вообще не соблюдались. На самом деле в каждой местности, в каждом городе, у каждого народа были свои обычаи/законы. То, что современному человеку кажется произволом, в действительности в Русском и западных государствах происходило по правилам, хорошо известным населению данной местности и конкретного социума.

Взвешенными и убедительными представляются выводы третьей главы «Во имя Бога и прибыли», посвященной «стартовым условиям» экономического роста Русского государства, роли городов и городской культуры. Обобщение европейского опыта привело Д.Я. Травина к заключению, что периферийность государства, низкий уровень урбанизации сами по себе еще не предопределяли всех возможностей развития. Прогресс обуславливался сложным сочетанием факторов и обстоятельств. О том, что «стартовые условия» были важным, но не единственным и не главным фактором, свидетельствует, в частности, развитие некоторых периферийных стран Европы (например, Швеции, Норвегии или Шотландии), которые в определенный момент стали интенсивно развиваться и преодолели экономическую отсталость (с. 250–251).

Чрезвычайно интересной представляется четвертая глава «Власть, страсть и месть», в которой автор оценивает, что потеряла Россия, не пережив этап Ренессанса. Хотя, на мой взгляд, автор недооценивает потери, общий вывод, согласно которому отсутствие в России ренессансной культуры само по себе не блокировало экономическое развитие, мне представляется правильным и аргументы в пользу этого убедительными.

Высокий уровень культурного развития, понимаемый как наличие в музеях и библиотеках большого числа признанных произведений искусства, не коррелирует с социально-экономическим развитием. В норвежской или финской истории нет ни Сикстинской капеллы, ни «Короля Лира», но из этого никак не вытекает экономическая отсталость или неспособность построить демократию. Ренессансный город сыграл свою важную роль в истории, создал высочайшую культуру и эффективно работающий бизнес, но, достигнув предела, стал проигрывать конкурентную борьбу монархиям. Он не мог обеспечить дальнейшее экономическое развитие и обуздать многочисленные социальные конфликты в социумах – это было под силу сильному абсолютистскому бюрократическому государству, а не городской демократии, основанной на противостоянии непримиримо враждебных друг другу кланов. Д.Я. Травин полагает, что ренессансный город оказался в проигрыше и на русских землях: Новгород покорился Москве, способной аккумулировать большие ресурсы для формирования армии Нового времени (с. 334).

Перед Россией XV–XVII вв., считает автор, вопрос состоял не столько в импорте ренессансной культуры, сколько в том, какую государственную модель выбрать для дальнейшего развития. Вследствие военного соперничества с Польшей и Швецией у России возникла острая потребность иметь новую налоговую систему, новое государственное управление, новый принцип формирования бюрократии и армии. Ренессансное государство уже перестало служить образцом. Никому не приходило в голову совершенствовать государственное управление по устаревшим итальянским образцам. Выбирать надо было

из испанской, голландской, французской, шведской, прусской или английской моделей. Выбор осложнялся тем, что перечисленные модели сложились под влиянием особенностей исторического пути перечисленных стран. Россия же должна была заимствовать и вписывать импортируемые институты в те отечественные реалии, которые существовали и не могли быть устранены по мановению руки государя-реформатора. Когда поиск оптимального этатизма завершился в пользу шведской и прусской моделей, российское государство, армия и бюрократия стали трансформироваться по преимуществу в соответствии с ними.

Какие идеи рецензируемой книги представляются особенно важными?

Во-первых, уже в X–XVI вв., а возможно, и раньше, наши предки объективно столкнулись с большими экономическими проблемами. Возникли они задолго до всяких реформ и контрреформ, закрепощений и освобождений, не находились в тесной корреляции ни с самодержавием и тоталитаризмом, ни с народным менталитетом и природными ресурсами, ни с деструктивными действиями властей. Скорее, проблемы определялись местоположением на Земле – тем, что русские земли являлись восточной периферией Европы, были оторваны от мировых центров культуры, имели огромную территорию и большую границу, открытую для соперников и врагов, проживавших вдоль нее. Чтобы успешно защищаться, приходилось наращивать мускулы, а развитие культуры обеспечивать по остаточному принципу. Таким образом, крепостничеством, самодержавием, большевизмом, тоталитаризмом или авторитаризмом, на которые традиционно возлагается ответственность за отставание России, список не исчерпывается. Следует искать другие причины и факторы, которые автор надеется найти в следующей книге.

Во-вторых, в Средние века и в начале Нового времени общественная жизнь в западноевропейских странах и Русском государстве принципиально не различалась. Везде не было согласия и мира, собственность плохо защищалась законом, права и свободы человека часто нарушались или вовсе не соблюдались, государство не являлось правовым.

В-третьих, то, что ренессансная культура почти не затронула Россию, нельзя считать невосполнимой потерей для ее социально-экономического и политического развития.

В-четвертых, к XVIII в. у России сложилась своя историческая колея и возникала зависимость от пройденного пути. Когда обстоятельства вынуждали заимствовать некоторые зарубежные институты, они приживались тяжело и болезненно, так как их нельзя было механически вмонтировать в совокупность традиционных институтов, требовались значительные усилия и большое искусство, чтобы приспособить их к отечественным реалиям. Это создавало серьезные трудности при проведения структурных реформ.

Как показывает анализ монографии, Д.Я. Травин отнюдь не русофоб, как можно было бы подумать, исходя из названия – «Почему Россия отстала?», поскольку большинство сочинений о России, содержащих в названии слово «отсталость», не относятся к числу русофильских. Лейтмотив данной книги – выявить и оценить значение принципиальных, по мнению многих исследователей, факторов, мешавших нашему экономическому развитию. По его мнению, несмотря на всю их важность, в дальнейшем они не могли фатально помешать России (как и Скандинавии, Балтии, Шотландии, Ирландии, Балканам и другим странам и регионам Европы) развиваться, догонять и перегонять лидеров. Автор полагает, что у России есть хорошие шансы для экономического роста и наличие в ее досье выдающихся достижений, особенно в области культуры, является тому порукой.

Значение книги Д.Я. Травина в том, что она демифологизирует нашу историю, в которой, по справедливому, на мой взгляд, убеждению автора, нет никакой мистической фатальной предрасположенности к косности и неудачам. Россияне отставали и догоняли лидеров по тем же самым причинам, по которым преуспевали и терпели поражения другие народы и которые вполне возможно и необходимо понять, а полученное знание использовать. В методологическом отношении монография демонстрирует огромный потенциал сравнительно-исторического анализа. На русском языке нет равноценного труда – с таким обстоятельным и подробным анализом проблемы экономического роста России

на фоне развития западноевропейских стран в Средние века и в начале Нового времени. Список использованной литературы включает 630 названий, в том числе 150 работ на иностранных языках. Причем книга написана не только интересно, но понятно, живо и эмоционально. Этому способствует использование многих произведений художественной литературы (Данте, Шекспира, Рабле, Лопе де Вега, Бокаччо и др.), которые органично вмонтированы в научный текст не только ради литературных красот, но прежде всего как ценные источники сведений.

Б.Н. МИРОНОВ

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (mironov1942@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250018462-1

Travin D.Ya. WHY HAS RUSSIA LAGGED BEHIND? St. Petersburg: EU v SPb., 2021.
Reviewed by B.N. MIRONOV

Boris N. MIRONOV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (mironov1942@yandex.ru).

© 2022 г.

**Сутерс Дж. СОЦИОЛОГИЯ И ВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ.
М.: ВЦИОМ, 2021.**

В конце 2021 г. ВЦИОМ подготовил и издал в электронном виде книгу известного западного социолога профессора Тилбургского университета и Нидерландской академии обороны Дж. Сутерса¹. Монография вызывает интерес в нашей стране, во-первых, потому что практически отсутствуют переводы книг современных зарубежных военных социологов, а количество работ отечественных исследователей в этой области значительно сократилось за последние годы, т.е. имеется дефицит профессиональной военно-социологической литературы. Во-вторых, непростые международные отношения, рост напряженности, новые вызовы и угрозы существенно влияют на социальное и психологическое самочувствие не только граждан России, но и населения других стран. В этом смысле интерес представляют оценки международной ситуации, причин возможных и действующих конфликтов, путей и способов международной разрядки. И здесь трудно не согласиться с мыслью автора о том, что социология, изучающая коллективное поведение людей во всем мире, не должна знать языковых и пространственных барьеров, и что научные работы должны переводиться и публиковаться на разных языках, расширяя поле научной дискуссии и обмена мнениями. В-третьих, интерес вызывает цель авторского исследования: изучение связей между элементами работы социологов-основателей и сегодняшними вызовами, стоящими перед вооруженными силами (с. 239).

Исследования военных социологов, по мнению Дж. Сутерса, призваны сегодня в приоритетном порядке изучать взгляды и ценности личности военнослужащих, «возможно, сокращая при этом расстояние до места боя по сравнению с тем, как это было принято у социологов-основателей» (с. 242). Развитие эмпирической социологии и антропологии военных операций, считает автор, не только дает возможность повысить статус и предназначение вооруженных сил различных стран, но и позволит внести весомый вклад в предотвращение, сдерживание и разрешение военных конфликтов в различных частях мира (с. 242).

Приоритет социальной функции военной социологии, обеспечение ее эффективного влияния на поведение военнослужащих, участвующих в боевых действиях, на нормализацию их взаимоотношений с представителями местного населения, проживающего в зоне операций, поиск актуальных для современности идей основоположников социологии, которые напрямую могут быть связаны с практикой миротворчества и снижением социальной напряженности, становятся центральной темой книги Дж. Сутерса. Доминирующей методологической парадигмой военных исследований признается прагматизм. В основе прагматизма лежит идея того, что процессы мышления и приобретения опыта неразрывно связаны. С этой точки зрения, нужно меньше внимания уделять данным, фиксированным средствам и глобальным целям, а больше – «целям в поле зрения», возникающим из самого опыта, т.е. из ситуации, в которой разворачивается действие (с. 89). Такой подход признается эффективным способом исследования и устранения проблемных ситуаций, возникающих при решении вооруженными силами миротворческих задач. В защиту его применения в области миротворчества выступают многочисленные примеры личного практического применения при исследовании хода и результатов миротворческих миссий ООН в Демократической Республике Конго и других странах (с. 90).

Свой анализ автор начинает с рассмотрения ключевых целей миротворческих миссий ООН, которые он трактует как попытку мирового сообщества усилить механизмы

¹ См. отдельные ее положения: Сутерс Дж. Социология и военные исследования: расширяя горизонты с помощью классиков // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 67–80.

наблюдения и дисциплинирования с целью обуздать хаос в конфликтных частях земного шара. «Миссии ООН называют хаотичными. Говорят, что они основаны на организованном лицемерии, а обязательства и ресурсы, необходимые для их выполнения, настолько несоразмерны, что столь необходимые реформы с большей долей вероятности останутся нереализованными» (с. 86). Несомненной заслугой автора книги является работа по выявлению и систематизации типовых причин низкой эффективности и результативности миротворческих миссий. В первую очередь это причины, обусловленные слабостью организационной составляющей этих операций. «Миротворческие миссии ООН, в целом, – это крупные бюрократические системы, элементы которых напоминают печные трубы или лифты практически без какого-либо горизонтального взаимодействия, организационного обучения и экспериментирования» (с. 93). Участие в одной миссии представителей вооруженных сил нескольких стран – еще одна причина организационных трудностей, так как каждая из них ориентируется на свою «военную родительскую организацию».

Другая группа причин связана с недостаточным высоким уровнем специальной подготовки солдат и офицеров вооруженных сил, участвующих в составе миссий ООН в целях разрешения пост- или полуконфликтных ситуаций. Военные часто оказываются в положении, когда надо выполнять полицейские, а не военные задачи, а их этому непосредственно не учили. Кроме того, «солдаты миссий, особенно западные солдаты с националистическими склонностями, могут не гореть желанием и не иметь достаточной подготовки для борьбы и защиты местных жителей... Именно недостаток выносливости и здравомыслия стал одной из причин бесчинств в миссиях ООН в 1990-х годах в Сомали, Руанде и Боснии. Не так легко перевести в эффективные действия многокультурный и многоязыковой состав миссий ООН и соответствующую напряженность между принадлежностью и преданностью определенной нации и членством в многонациональной структуре» (с. 86).

Слабое материально-техническое и финансовое обеспечение, ограниченность выделяемых ресурсов также дают основание характеризовать миротворческие миссии ООН как «беззубые и бессильные». Например, в Демократической Республике Конго большая доля доступного бюджета была израсходована на саму миссию (зарплаты, инфраструктура, транспорт), а не на помощь местным жителям или отдельным структурам конголезского общества и государства. «По мнению аналитиков, главная причина военно-политических конфликтов ДРК состоит в их искусственном поддержании, а иногда и разжигании теми, кто заинтересован в незаконной эксплуатации природных ресурсов страны»². Положение дел осложняется тем, что в составе миссий ООН наблюдается чрезмерная представленность сил из бедных государств, техническая оснащенность которых в среднем не соответствует оснащенности операций, проводимых, например, силами НАТО или России.

Вслед за Р. Мертоном Дж. Сутерс полагает, что при изучении социальных результатов миротворческих миссий ООН необходимо выявлять и анализировать их непреднамеренные и неосознанные последствия: «...непредвиденные последствия, в основном, наблюдаются в гендерных взаимоотношениях (проституция, торговля людьми, сексуальные домогательства со стороны персонала ООН, распространение таких болезней, как ВИЧ/СПИД, игнорирование интересов местных женщин и детей). Большинство этих проявлений связано с крайней бедностью среди местных женщин и девочек. Помимо этого, есть и последствия для национальной экономики, и появление двойной экономики по мере того, как развиваются новые стандарты в зоне операций. Может наблюдаться рост в общем уровне цен. И поскольку у одних местных жителей лучше получается извлекать выгоду из присутствия ООН, чем у других, неравенство в заработных платах и уровне жизни будет только расти. В дополнение к этому может произойти и “утечка мозгов” из структур местной госслужбы в ООН. И, наконец, возможное проявление более хорошего

² С. 6, Сидорова Г. М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из дневника дипломата). М.: Наука – Вост. лит., 2015.

отношения к женщинам со стороны представителей миссий ООН может вызвать раздражение к женщинам среди местного сообщества» (с. 86–87).

Рассмотрение Дж. Сутерсом миротворческой миссии как вида социальной практики и выявление ее скрытых, непреднамеренных последствий (так же, как и явных) означает серьезное расширение диапазона социологического знания. Поскольку оценки общественной морали имеют тенденцию основываться, прежде всего, на явных последствиях той или иной социальной практики или кодекса правил, то можно ожидать, что последующий социологический анализ, базирующийся на выявлении скрытых функций и непредвиденных последствий, будет иногда вступать в противоречие с позитивными оценками результатов, проводимых международными силами операций. Такая позиция может вместо решения проблем привести к их сохранению и даже усугублению. Некоторые исследователи поэтому опровергают мысль о том, что миссии ООН нейтральны, не говоря уже об их позитивности. Признавая противоречивость анализируемой ситуации, Дж. Сутерс, тем не менее, защищает сложившуюся практику миротворчества ООН: 1) результаты миротворчества ООН (намеренные или нет) могут быть и обнадеживающими. И часто таковыми и являются; 2) самое осторожное, что можно сказать в этом отношении: что-то лучше, чем ничего (с. 87).

Автор не случайно уделяет большое внимание интерпретации основоположниками социологии и современными исследователями сущности конфликта и его функций, причин конфликтных ситуаций и способов их разрешения, стремится показать и систематизировать такие теоретические суждения. Миротворческий посыл автора остается заметным и здесь: анализ идей представителей функциональной теории конфликта встречается более часто, чем сторонников диалектической теории конфликта. Особое внимание уделено раскрытию идей основоположника функциональной теории конфликта Г. Зиммеля, анализировавшего положительные последствия конфликта для сохранения социального целого и составляющих его единиц. Дж. Сутерс обращает внимание, что именно Зиммель заметил, что переход от войны к миру представляет собой более серьезную проблему, чем движение в обратном направлении (с. 70).

Включение автором в книгу идей Дж. Аддамса уже не кажется странным на фоне Нобелевской премии мира, присвоенной ей в 1931 г. Наоборот, ее научные взгляды и реальная практическая работа по решению проблем бедности, нищеты, неравенства и преступности с опорой на развитие сотрудничества, а не конфликта между заинтересованными сторонами представляются здесь вполне уместными и логичными. «Аддамс предлагает альтернативу негативному подходу – это плотная работа с локальными сообществами по “вплетению мира” в их общества (название концепции дано Патрисией Шилдс)» (с. 81).

Современная миротворческая практика показывает, что для искусного плетения ткани мира требуется много времени. Вероятно, Л. Козер был одним из первых последователей Г. Зиммеля, попытавшимся выделить и проанализировать факторы, определяющие длительность конфликта и существенно влияющие на изменение конфликтной ситуации в ходе ее завершающего этапа. В их числе ясность целей взаимодействующих конфликтных групп, степень их согласия по поводу смысла победы или поражения, способность лидеров понять, чего стоит победа, и убедить своих сторонников в том, что желательно прекратить конфликт³.

Что нужно сделать, чтобы миротворческие миссии ООН и других международных организаций были более успешными? Какие качественные изменения должны произойти в вооруженных силах и гражданском персонале, участвующих в составе миссии и взаимодействующих с местным населением в районе операций? Наконец, как создать и поддерживать атмосферу доверия к миротворцам в социальной среде, которая их окружает? Вероятно, ответы на эти вопросы читатель частично находит в положении, раскрывающем замысел автора: «В книге представлены мысли и соображения, которые могли бы помочь вооруженным силам обновить свои организации и обычаи, не обязательно привычным функциональным способом

³ С. 172–174. Тернер Дж. Структура социологической теории / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.

проведения инноваций (например, действовать быстрее и точнее, меньше загрязнять окружающую среду, быть менее трудоемкими, более скрытными и малозаметными на поле боя и т.д.), но и более широко. Как сказали бы социологи, эта книга не ставит своей задачей помочь усовершенствовать вооруженные силы в функционально-рациональной манере. Вместо этого, выражаясь словами К. Мангейма, она больше направлена на субстанциальную рациональность» (с. 15). Рациональными здесь «по своей субстанции» являются мыслительные акты, посредством которых происходит осмысление и формирование понятий. Другие проявления человеческой психики (чувства, импульсы, желания), тоже участвующие в духовной работе, называются субстанциально иррациональными. Указанная дихотомия используется в трудах ученого в обоюдных значениях «субстанциального» и «функционального».

Функциональная рациональность в жизненно-практическом смысле означает не мыслительную активность человека, а его организованность, основанную, как и пишет Дж. Сутерс, на уже имеющихся знаниях, нацеленных на действия, с ясными связями целей и средств (с. 16). Она характерна для консолидированного общества, которое отличается относительной стабильностью и медленным ходом идущих в нем преобразований. Функциональная рациональность формируется на основе институционализации норм и правил, определении целей и упорядочении применяемых для их достижения средств, стандартизации действий, что выражается в моделях и регламентах, эффективность которых гарантирует оптимальное и беспрепятственное социальное развитие.

В случае распада традиционной интегрированности социальных структур и процессов возникает необходимость приспособления к новым условиям жизни, что не может не стимулировать социальную активность человека, испытывающего воздействие «взрывчатого» характера со стороны своей субстанциальной иррациональности. Помощь личности может оказать общество, которое в меняющихся условиях стремится объединить распадающиеся связи в границах социальных групп и тем самым направить освободившиеся силы на «предписанные» цели и задачи.

По мнению К. Мангейма, все, что нарушает функциональную рациональность и угрожает ее развитию, иррационально. Но даже иррациональным проявлениям души следует придавать позитивный образ в формах культурного развития и сублимации. Именно на этом этапе особенно значимой становится роль субстанциальной рациональности как способности личности к независимому суждению и объективной оценке социальной ситуации. И даже в условиях конфликта такая личность будет более толерантно воспринимать становление нового социального порядка для гарантированного общественного развития, усиления настроений социальной солидарности, соблюдения культурных установок и традиций. «В век изменения социология сохраняет свою функцию тщательного изучения и описания фактов, однако сущность ее вклада будет состоять в поиске нового направления развития событий и новых требований времени»⁴.

Именно эту идею К. Мангейма развивает Дж. Сутерс в своей книге применительно к социологии и военным исследованиям. Его видение нового образа военной социологии представляется возможным путем расширения социальных границ изучаемого объекта, приоритетного анализа поведения персонала миротворческих миссий и участников конфликтного взаимодействия «низового звена» стран, переживающих период военного присутствия и боевых действий иностранных вооруженных сил, настойчивого поиска путей и способов завершения боевых действий.

Вероятно, первым и крайне важным условием движения к миру является установление эффективного взаимодействия между конфликтующими сторонами и понимание ими явлений, возникающих из этого процесса взаимодействия. «Возможно, Сорокин был прав и в том, что для снятия напряженности необходимо больше знать друг о друге. Одна сторона конфликта не может понять его, не зная характеристик, мотивов, позиций и интересов другой стороны.

⁴ С. 599–600. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010.

Просто обвиняя противоположную сторону в “плохом поведении”, невозможно снизить трения. Только по-настоящему понимая свои собственные действия и действия другой стороны, можно помочь миру уменьшить насилие, крупномасштабные конфликты и войны» (с. 121).

Фактически в книге представлена «переключка» взглядов основателей социологии и более молодых ученых на взаимодействие как родовое понятие социологии и его функции на завершающем этапе конфликта: взаимодействие – это всегда сочетание доверия и контроля (Э. Гофман); выбор людей, с которыми мы взаимодействуем, является решающим моментом в отношении эффективности этого взаимодействия (Г. Зиммель); ценной чертой взаимодействия является вежливость, позволяющая избегать или минимизировать действия, угрожающие лицу (И. Хедемакерс); эмоциональная работа как взаимодействие, условия снижения ее негативного воздействия на военнослужащих (А. Хокшилд). Вышеперечисленные вариации во взаимодействии как в рамках одной миротворческой миссии, так и в сопоставлении их проявления между различными миссиями нужно изучать военным социологам, выявлять особенности их влияния на общую эффективность дела, включать в военное обучение и подготовку миротворческого персонала. «...военных нужно готовить так, чтобы они становились “многоумными” солдатами. Соответственно, их необходимо научить общаться с местными жителями, полагаться на небольшие шаги, использовать возможность обратного хода, заниматься планированием с учетом неожиданностей и допускать человеческую изобретательность» (с. 135). Возрастает и роль командиров, в задачи которых входит оценка обстановки на основе личной вовлеченности в происходящее, уяснение четкой миссии своего подразделения, постановка конкретной цели для каждого человека или команды, контроль их исполнения.

Раскрывая на примере идей М. Яновица меняющуюся роль офицерского состава современных вооруженных сил, Дж. Сутерс вновь обращается к наследию К. Мангейма и его идеям о субстанциональной рациональности и функциональной рациональности. По его мнению, влияние обоих видов рациональности детерминирует возникновение двух типов мировоззрения, существующих среди армейских офицеров США и наверняка имеющих место у офицеров других стран: «абсолютистское» и «прагматическое». Их носители по-разному понимают то, какие именно военные действия необходимы в конкретной ситуации. Сторонники традиционного подхода принимают в расчет только победу как конечную цель войны и демонстрируют признаки функциональной рациональности с ее ясными, четкими и закрытыми отношениями между целями и средствами. «Идея, что только победы принимаются в расчет, предполагает фиксированные цели; в то время как, согласно “прагматическому” взгляду, цели и средства гибки и взаимозависимы, что позволяет принимать во внимание интересы “чужого коренного населения”, проживающего в зоне операций, а также понимать, что достижение каких-то целей может оказаться невозможным ввиду ограниченности военной силы» (с. 157). М. Яновиц считает, что прагматический взгляд на войну вытесняет абсолютистский, делая армейских офицеров более внимательными к политическим последствиям действий в международных отношениях.

Шансы на поддержание мира существенно вырастают в тех случаях, когда миротворцы учатся у местного населения, а местное население учится у миротворцев. Здесь для военных социологов становится важным поиск путей и механизмов, обеспечивающих выстраивание мирных связей между силовиками и представителями местного сообщества. Результаты эмпирических исследований убедительно демонстрирует силу ненасильственных действий в целях прекращения или минимизации конфликта: «Внимание к абстрактным ценностям, таким как права человека, ответственное и добросовестное управление, часто обеспечивается за счет практического решения таких вопросов, как ремонт дорог и школ» (с. 90).

Книга Дж. Сутерса впечатляет богатством идей, теорий и эмпирических исследований, которые варьируются от военной бюрократии и военной музыки до отношений в первичных группах, от расовых и гендерных проблем, военных стилей управления до эмоций в вооруженных силах и влияния науки и техники. На первый взгляд они могут показаться достаточно разнообразными, фрагментарными и даже «запутанными». «Открытие» книги как некоего органического целого, имеющего дело с идеями, логически взаимосвязанными

и пронизывающими всю работу автора, происходит у читателя по мере погружения. Этому способствует последовательная реализация цели исследования, а также объединение обсуждаемых идей и взглядов ученых на платформе социальной функции военной социологии и ее роли в предотвращении, сдерживании и разрешении военных конфликтов в различных частях мира. Автор приглашает читателей к совместным размышлениям и дискуссии о расширении области военных исследований, о необходимости выявления новых ключевых тенденций, вытекающих из более глубокого анализа трудов основателей социологии, об изучении путей и способов взаимопроникновения военных убеждений и построении «взаимосвязанных социологий вооруженных сил». «Обеспокоенность устойчивым производством и естественной окружающей средой доказывает, что то, что казалось противоречивым вчера, вполне может стать общеизвестной истиной сегодня... То, что было предметом субстанциональной рациональности в прошлом, стало предметом функциональной рациональности сейчас. Все меняется и меняется быстро» (с. 247).

Таким образом, новая книга Дж. Сутерса существенно обогащает наши представления о зарубежных авторах, классических и современных источниках военной социологии, а представленные в ней взгляды и идеи ставят перед читателем трудные вопросы и демонстрируют новые возможности. Она будет полезна исследователям, студентам и более широкой аудитории.

А.М. БЕЛЯЕВ

БЕЛЯЕВ Александр Матвеевич – д. социол. н., проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (ABelyaev@fa.ru).

DOI: 10.31857/S013216250018471-1

Soeters J. SOCIOLOGY AND MILITARY STUDIES. Classical and Current Foundations. Moscow: "VTsIOM", 2021. Reviewed by A.M. Belyaev.

BELYAEV Alexandr M., Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (ABelyaev@fa.ru).

Коротко о книгах

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ / Отв. ред. И.И. Елисеева. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 304 с.

Книга посвящена изучению эволюции современной российской семьи, изменений в ее структуре и структуре домохозяйств, основанному на анализе теоретических подходов к исследованию семьи и благополучия детей, а также на использовании эмпирических данных: материалов государственной статистики России, всероссийских социально-демографических обследований и опросов, проведенных сотрудниками Социологического института ФНИСЦ РАН. Авторами рассматриваются полные и неполные семьи с детьми, при этом подчеркивается нетождественность неполных семей, образовавшихся как «материнский проект» и возникших в результате развода или овдовения. Показывается, что многообразие типов семей основано на гендерных картинах мира, формирующихся в подростковом и юношеском возрасте. Устойчивость брачно-семейных отношений анализируется с позиции их интимности, глубокой персонифицированности и доверительности. Потребность в рождении детей и возможные альтернативы рассматриваются с экономических позиций – инвестирования в ребенка и ожидания отдачи от инвестиций. В изучении влияния семьи на жизненный путь ребенка/детей акцент делается на выборе образовательной траектории.

Авторы также выявляют канонические атрибуты «нормального» детства и прослеживают эволюцию концептов социологии детства. Один из разделов книги посвящен благополучию детей, оставшихся без попечения родителей. Выделены типы семей с «негативным родительством» – «поставщики» детей в специализированные учреждения; подробно проанализированы типы опекунов и вероятные исходы жизненного пути детей, оставшихся без попечения родителей, после вступления в самостоятельную взрослую жизнь.

Монография адресована профессиональным социологам, экономистам, психологам и обучающимся по данным направлениям.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ / Под общ. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Эпицентр, 2022. 360 с.

Книга продолжает серию публикаций, посвященных разработке методологических подходов к социологическому изучению механизмов саморегуляции жизнедеятельности молодежи в изменяющейся реальности. В этом издании теоретические и методологические разработки дополняются анализом типов и форм саморегуляционного поведения молодых людей в различных сферах жизнедеятельности. На основании этого производится моделирование саморегуляционных процессов.

Для ученых и практиков – исследователей, специалистов в области организации работы с молодежью и государственной молодежной политики, а также общественных и политических деятелей. Книга может служить учебным пособием по социологии, в частности социологии молодежи и социологии культуры, и политологии.

СЕТЕВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ / Отв. ред. О.М. Михайленок, А.В. Назаренко. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 382 с.

Монография посвящена анализу развития политических отношений в условиях новой реальности. В работе отражены актуальные вопросы, которые вызвала стихийная бифуркация в осмыслении сущности социальных систем по мере роста их открытости. Авторы предпринимают попытку выявить предпосылки перехода к новой социальной реальности; найти адекватную методологию ее познания и доступные для этого инструменты; объяснить происходящие в мире процессы посредством сетевой логики, разрушающей привычные классические представления о взаимодействии политических субъектов и объектов. Ими также рассматриваются пути привнесения новых смыслов в политические отношения посредством сетевой парадигмы как трансдисциплинарной методологии.

Книга адресована специалистам по государственному управлению, политическим и общественным деятелям, научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам, специализирующимся в области политологии и смежных дисциплин.

Иллюз Е. ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ РАНИТ? СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ / Пер. с нем. С.В. Сидоровой. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с.

Существует мнение, что ничто не обладает более разрушительной или более созидательной силой, чем любовь. Откуда эта сила в любви и как она трансформируется в различных социальных условиях, в том числе в эпоху Интернета? Данная книга получила международный успех благодаря тому, что она дает ключ

к пониманию изменений, которые произошли в отношениях между мужчиной и женщиной в современности. Автор показывает, что причины силы любовных травм зачастую следует искать не в глубине психологических переживаний, а в специфике социальных правил, окружающих современных людей. В этом контексте она тщательно анализирует изменения в способах самовосприятия, построения карьеры, формирования брачных рынков, женской эмансипации и пр.

Книга предназначена для социологов, психологов, а также для широкого круга читателей.

ОТВЕТ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА НА ПАНДЕМИЮ COVID-19 (на примере шести отраслевых кейсов) / Под науч. ред. Т.Г. Долгопятовой, Н.В. Акиндиновой, Ю.В. Симачева, А.А. Яковлева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 446 с.

В книге представлены результаты проекта, посвященного реагированию компаний на коронакризис и сценариям посткризисного развития, который был реализован с июля 2020 г. по май 2021 г. подразделением НИУ ВШЭ совместно с Российским союзом промышленников и предпринимателей. Исследование реакции российской экономики на вызовы пандемии COVID-19 было проведено на примере сфер информационных технологий, розничной торговли, туризма, фармацевтического производства, химического производства и автомобилестроения. В основу анализа легли 45 глубинных интервью с руководителями компаний и отраслевых бизнес-ассоциаций, данные официальной статистики, а также материалы консалтинговых и аналитических агентств.

Для экономистов, представителей органов власти и отраслевых ассоциаций, преподавателей, студентов и аспирантов экономических и менеджериальных специальностей, а также всех, кто интересуется проблемами развития российского бизнеса.

Гурный М. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРОФЕССОРОВ. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ 1912–1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с.

Книга Мацея Гурного посвящена феномену, известному как «война духа». Она велась одновременно на многих научных полях. География стала проводником политических идей; расовая антропология служила инструментом для определений «своих» и «чужих» народов. Наконец, психиатры и психологи изучали медицинские теории коллективного психоза вражеских народов и предпринимали попытки психоанализа политических лидеров стран-противников. В книге рассказывается о мобилизации интеллектуалов в Центрально-Восточной Европе, прослеживаются удивительные и нестандартные культурные взаимодействия. Вместо того чтобы следить за развитием расовой антропологии и других наук вплоть до их националистического и евгенического проявлений в 1930–1940-х гг., автор оглядывается назад, в XIX век, прослеживая их истоки. История националистической мобилизации гуманитарных наук, по мнению автора, отвергает идею отчетливого перехода от «гуманистической» к «тоталитарной» науке. А в каком-то смысле «война духа» так никогда и не утихла.

Крэри Дж. 24/7. ПОЗДНИЙ КАПИТАЛИЗМ И ЦЕЛИ СНА / пер. с англ. А. Васильева; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 136 с.

Джонатан Крэри исследует некоторые из разрушительных последствий непрерывных и расширяющихся процессов, характерных для капитализма XXI века, когда рынок непрестанно работает в режиме 24/7, подталкивая нас к постоянной активности и подтачивая многие формы общественного и политического самовыражения. Автор прослеживает, как неостановимое не время размывает границы между вездесущим и безудержным потребительством и складывающимися сегодня стратегиями контроля и надзора; описывает постоянное управление человеческим вниманием и нарушение восприятия в рамках принудительных практик современной технологической культуры. В то же время он отмечает, что человеческий сон, будучи целительной передышкой, по своей сути несовместимой с капитализмом 24/7, указывает нам на другие, более грозные и более коллективные способы отказа от разрушающих мир моделей роста и накопления.

Выжutowич В. БОРИС ФИРСОВ. Путь от Варшавского вокзала. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 351 с.

Борис Максимович Фирсов – основатель Европейского университета в Санкт-Петербурге. Уже одним этим он обеспечил себе место в истории русской культуры. Социолог, философ, организатор науки, один из нравственных авторитетов в профессиональном сообществе – это тоже о нем. История его жизни, рассказанная Валерием Выжutowичем, полна головокружительных поворотов. Это история о том, как инженер-электромеханик стал доктором философских наук, а партийный функционер, шедший к вершинам власти, сделался критиком советского строя, либералом-западником, чуть ли не диссидентом. Каждая новая жизнь Бориса Фирсова была непохожа на предыдущую, и в каждой ему удавалось и удается самореализоваться.

Макарова М.Н. АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭТИКА ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ: КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ СТУДЕНЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ В ВУЗАХ? Ижевск: Удмуртский университет, 2021. 254 с.

В монографии обсуждаются основные факторы студенческих нарушений, а также способы их предотвращения в современных зарубежных и российских вузах. Работа содержит итоги теоретического изучения опыта формирования и внедрения инструментов академической этики в университетах по всему миру, а также эмпирические данные, собранные автором в четырех странах – США, Латвии, Польше и России. Монография включает описание лучших зарубежных и российских практик, рекомендации администрациям вузов и преподавателям по предотвращению академических нарушений студентов: списывания, плагиата, использования шпаргалок и др. Монография адресована исследователям в таких областях, как социология образования, педагогика, психология, академическая этика, а также студентам, аспирантам, преподавателям, руководителям и специалистам сферы высшего образования, представителям администраций вузов.

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ 2019: ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДОКЛАД / отв. ред. С.В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 344 с.

В очередном докладе Института демографии имени А.Г. Вишневского НИУ ВШЭ продолжен анализ меняющейся демографической ситуации в контексте проводимой демографической политики в России с углубленным изучением основных демографических процессов – изменения численности и возрастной структуры населения, рождаемости и планирования семьи, смертности и продолжительности жизни, международной и внутрироссийской миграции. Особенность данного доклада – акцентирование анализа на выявлении долговременных и конъюнктурных изменений в демографических процессах и миграционных потоках с привлечением методологического подхода, рассматривающего демографические и миграционные события под углом зрения жизнедеятельности поколений, родившихся в разные годы, что существенно дополняет наши знания о происходящих изменениях в российской демографической ситуации и позволяет более взвешенно оценивать проблемные вопросы и результативность демографической, семейной, миграционной политики на разных этапах социальной истории страны. Анализ базируется на официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), министерств и ведомств Российской Федерации, международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателей, полученных с использованием этих данных, результатах специальных выборочных исследований, материалах научных публикаций.

Для исследователей, работающих в области демографии и смежных дисциплин, лиц, принимающих решения, сотрудников государственных органов всех уровней, преподавателей и учащихся высших и средних профессиональных учебных заведений, а также представителей массмедиа.

Подготовила А. ГОВОРОВА

ПАМЯТИ МАРКИНА ВАЛЕРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА (15.07.1947–15.03.2022)

На 75-м году ушел из жизни известный российский ученый, общественный деятель, специалист в области региональной социологии, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, член Ученого и диссертационного советов ФНИСЦ РАН, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор социологических наук, профессор Валерий Васильевич Маркин.

Вся трудовая жизнь Валерия Васильевича была посвящена служению науке. После окончания двух университетов – Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского и Уральского государственного университета им. А.М. Горького по специальностям «История и обществоведение» и «Социология» работал на кафедре философии и научного коммунизма Пензенского политехнического института, кафедре научного коммунизма Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государ-

ственного университета им. М.В. Ломоносова (ныне – МГУ им. М.В. Ломоносова), совмещая с обучением в аспирантуре. После защиты в 1974 г. кандидатской диссертации «Управление структурно-техническим развитием коллектива социалистического промышленного предприятия (на примере производственного объединения «Автомосквич») продолжил трудиться в Пензенском политехническом институте. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретико-методологические основы социального программирования в современном российском обществе». С 2005 г. был директором Института государственной службы и управления Пензенской области, директором Приволжского дома знаний, а с 2006 г. – руководителем Центра региональной социологии и конфликтологии и главным научным сотрудником Института социологии РАН.

Валерий Васильевич – талантливый управленец, ученый и организатор науки, признан ведущим специалистом в области социальной структуры, социальных институтов и процессов, социологии регионов. Он внес существенный вклад в разработку теоретических и методологических основ социологии регионов и социально-пространственных проблем муниципального развития, участвовал в ряде крупных общероссийских социологических исследований, таких как «Российская молодежь в регионах скромного достатка, каковы жизненные перспективы», «Всероссийский экспертный опрос руководителей регионов по вопросу устойчивого развития субъектов РФ» и др.

В.В. Маркиным опубликовано свыше 250 работ. Под его научным руководством подготовлено несколько коллективных монографий, в том числе по социальным проблемам малых городов и Российской Арктики, которые были высоко оценены не только научным сообществом, но и специалистами управленческого звена. Валерий Васильевич вел большую преподавательскую работу, воспитал не одно поколение научных кадров. В последние годы им проводилась серьезная исследовательская работа по вопросам пространственного развития Российской Федерации, проблемам межрегиональных неравенств и поиска возможных перспектив их преодоления; глобальным и локальным проблемам социально-экономического и социокультурного развития малых городов России.

В.В. Маркин обладал заслуженным авторитетом в научном сообществе социологов и представителей других гуманитарных наук. Он избирался вице-президентом Международной академии инновационных социальных технологий, вице-президентом Академии наук социальных технологий и местного самоуправления; действительным членом Российской академии

естественных наук, Российской академии социальных наук, Международной академии корпоративного управления; награжден званием «Почетный работник высшего образования», имеет многочисленные благодарности и Почетные грамоты.

Являлся экспертом и консультантом Счетной палаты РФ (по вопросам межбюджетных отношений), Аналитического центра при Правительстве РФ, Научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, Экспертного совета по вопросам развития региональной и муниципальной науки при Комитете Государственной думы по образованию и науке, Научно-экспертного совета Союза малых городов РФ; входил в состав ВАК Минобрнауки по социологии; был зам. главного редактора журнала «Мониторинг правоприменения», входил в состав редколлегий журнала «Russian Journal of Management» и ежегодника «Россия реформирующаяся».

Знание дела, личный пример, забота о коллегах – человеческие качества, отличавшие Валерия Васильевича. Лидерство, компетентность, энергичность и жизнелюбие, а вместе с ними доброта и человечность В.В. Маркина признавались всеми его коллегами, делали душой коллектива, создавали доброжелательную творческую атмосферу, нацеливали на высокий результат. Он был открыт всему новому: людям, идеям, направлениям исследовательской деятельности. Таким он и останется в памяти всех, кому посчастливилось общаться с этим замечательным человеком. Уход Валерия Васильевича из жизни – утрата для нашей науки и коллектива Института социологии ФНИСЦ РАН.

Коллеги, друзья, ученики

От Вологодского научного центра РАН

Валерий Васильевич обладал широчайшим кругозором и всегда был открыт для делового сотрудничества и личного общения. Он неоднократно принимал участие в конференциях, форумах, торжественных и других мероприятиях, организуемых Вологодским научным центром РАН, и играл в них ведущую роль. К мудрости и опыту Валерия Васильевича мог обратиться любой и в особенности молодые ученые, которым он всегда уделял внимание и проявлял терпение. И мы всегда будем помнить, с какими теплыми чувствами он отзывался о Вологодском регионе, о гостеприимстве вологжан и о нашем Центре.

Валерий Васильевич был одним из постоянных авторов наших научных журналов, в сотрудничестве с ним и его командой была подготовлена не одна монография. До последних дней он вкладывал немало усилий в подготовку наших будущих докторантов. Жизненный опыт Валерия Васильевича и его авторский взгляд на проблематику пространственного развития всегда были и будут частью научного понимания специфики развития российских территорий.

Выражаем соболезнования родным, близким, коллегам ученого в связи с горькой утратой.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 4

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 TITARENKO L.G. Theoretical Sociology in Modern Russia: Global and National Perspectives
15 THERBORN G. Knowledge and Power: Social Science and the Social World

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 21 RYZHOVA S.V. Emotional Component of the All-Russian Identity: Positive and Negative Contexts
33 ROMASHKINA G.F., DAVYDENKO V.A., ANDRIANOVA E.V. Mutual Influence of the Components of Human, Social and Psychological Capital: the Case of the Tyumen Region

SOCIOLOGY OF FAMILY

- 44 MAKARENTSEVA A.O., KORZHUK S.V. The Capabilities of Professional Foster Families for the Further Orphanhood Deinstitutionalization in Russia
56 YANAK A.L. Conceptualizing Non-Modal Parenting
68 ROZHKO A.A., GAGAUZ O.E. Moldovan Families with Children During COVID-19 Pandemic: Material Situation and Adaptive Strategies

SOCIOLOGY OF LAW. DEVIANT BEHAVIOR

- 76 GILINSKY Y.I. Postmodern Criminology about Crime and Punishment
85 ALIKPEROV H.D. Causes of Crime: a Critical Analysis
93 ZHEGUSOV Yu.I., KORYAKINA Z.I. Social Factors of Youth Crime Decline in the Republic of Sakha (Yakutia)

CHAIR. CONSULTATIONS

- 105 VERSHININA I.A., LIADOVA A.V. Digital Health: Deborah Lupton's Concept "Thinking with Care"

SPECIAL OPINION

- 114 IGNATYEV V.I. Object of Sociology in the Metamorphosis of Hybrid Society Morphogenesis

DISCUSSION. POLEMICS

- 124 ELCHANINOV M.S. The Era of Global Bifurcation: Planetary Problems and Historical Alternatives

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 136 ANDREEV A.L. Reformer before the Court of History: the Image of Peter the Great in the Collective Memory of Russians

ACADEMIC EVENTS

- 146 ZARUBINA N.N., LI ZHONGYUAN, RAKOVA K.V. Innovations and Risks for the Scientific Community in the Context of the COVID-19 Pandemic
149 RESHETNIKOV A.V., PRISYAZHNAYA N.V. Education during the Pandemic: Vectors of Digital Transformation
152 GRABELNYKH T.I., SABLINA N.A., ZYRYANOV V.V. Global and Regional Impacts on Modern Societies: New Social Transformations
155 NOSKOVA A.V., BIKKININA D.D. The Causes and Consequences of Depopulation: Notes from a Demographic Conference

ANNIVERSARY

158 Tolstova Yu.N.

159 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Travin D.Ya. Why has Russia Lagged Behind?* St. Petersburg: EU v SPb., 2021. **Reviewed by B.N. Mironov**; *Soeters J. Sociology and Military Studies Classical and Current Foundations / Transl. from Eng. by V.V. Belousova. Moscow: VCIOM, 2021. (Electronic edition). **Reviewed by A.M. Belyaev***)

170 **BOOKS IN BRIEF**

IN MEMORIAM

173 Markin V.V.

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)